

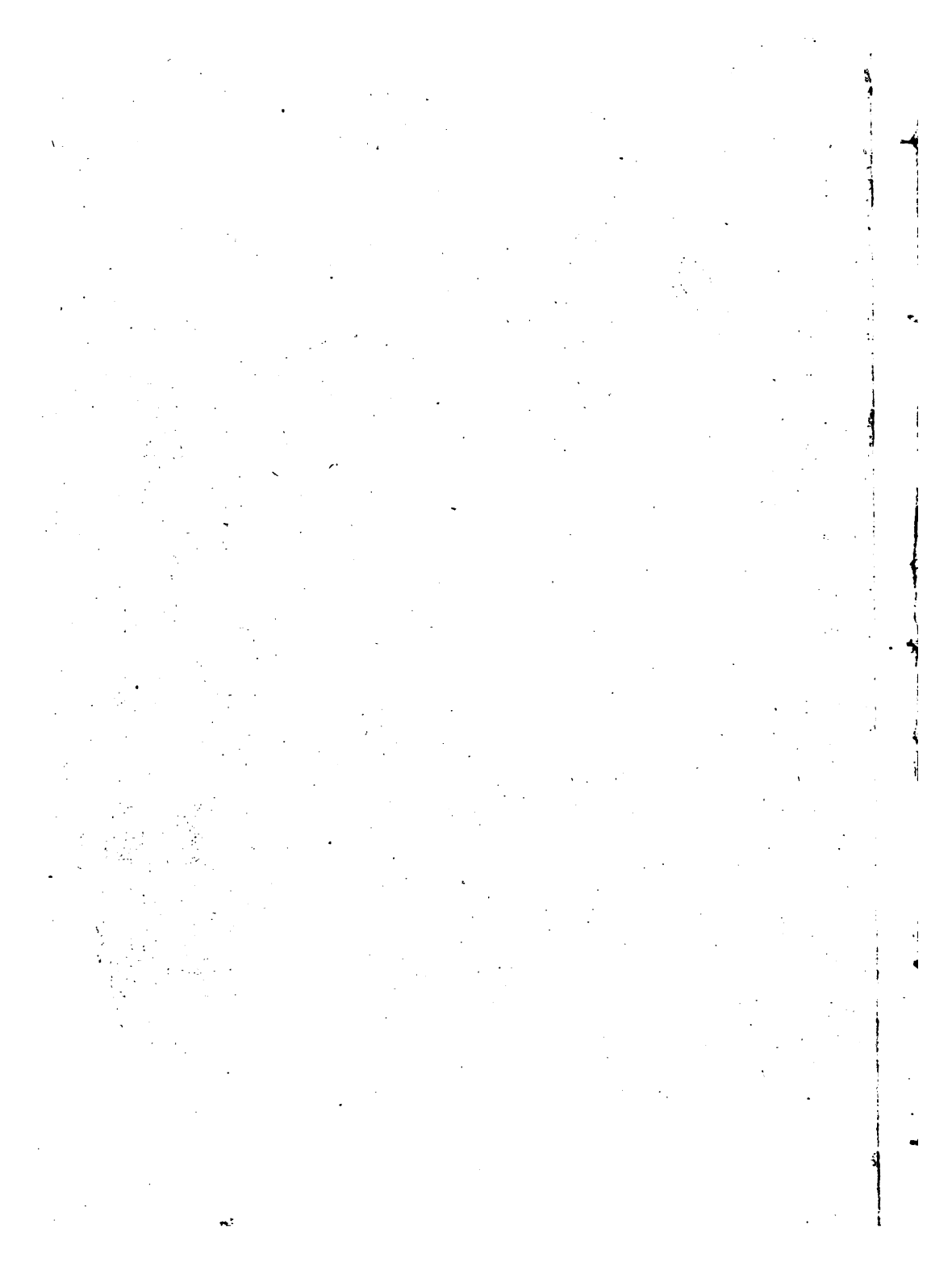
ЖУМЧУЧКА

В Милославск

Шамле

НУМАСЕРЕНКА

С-Петербург 1872

МИМОЧКА

ОЧЕРКЪ

В. МИКУЛИЧЪ.

- I. Мимочка — невѣста.
II. Мимочка на водахъ.
-

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1892 г.

Изданіе М. М. Ледерле и К^о.

Slav 4347.13.11

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAY 29 1961

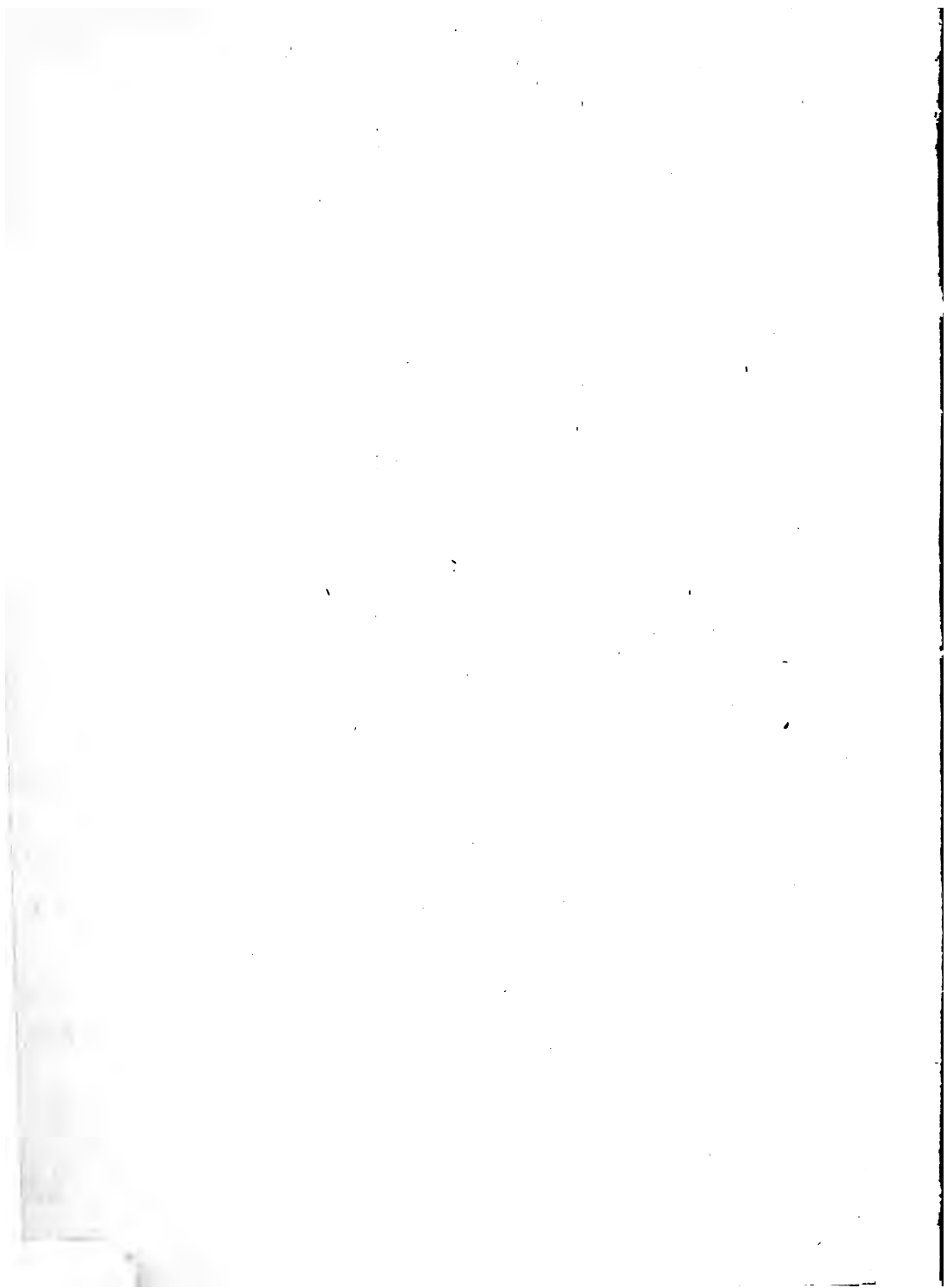

1920

Дозволено цензурою. Спб., 12 февраля 1892 г.

I.

МИМОЧКА — НЕВЪСТА.

I.

Мимочка — невеста! Мимочка опять невеста, и на этот раз, кажется, уже совершенно серьезно. Она принимает поздравления; она дѣлает визиты роднымъ, получаетъ отъ нихъ подарки. Тетушки съ любопытствомъ и съ участіемъ разспрашиваютъ ее о подробностяхъ приданаго; дядюшки приносятъ свои лучшія пожеланія, подшучиваютъ надъ Мимочкой, подразниваютъ ее, причемъ Мимочка слегка краснѣетъ и потупляетъ свои невинные глаза.

— Вы очень любите вашего жениха?—спрашиваютъ Мимочку.

— Я еще слишкомъ мало знаю моего жениха для того, чтобы любить его, но я его... уважаю,—отвѣчаетъ она.

Какова Мимочка! Никто не ожидалъ, что она отвѣтитъ такъ *умно*. Всѣ тетушки находятъ, что она отвѣтила очень умно, а до сихъ поръ Мимочка еще никогда не проявляла болѣе ума, чѣмъ его полагается такой хо-рошенькой дѣвушкѣ, какъ она.

Она уважаетъ своего жениха. И, дѣйствительно, Спиридонъ Ивановичъ вполне достоинъ ея уваженія. Это человѣкъ со средствами, съ немаленькимъ чиномъ и съ довольно замѣтнымъ служебнымъ положеніемъ,—уже не молодой, но еще и не очень старый; онъ некрасивъ, лысъ, пожалуй слишкомъ толстъ, но еще молодецъ хоть куда и смѣло могъ бы посвататься и къ богатой невѣстѣ.

— И за чтò это право Мимочкѣ такое счастье! Я знаю, что многія изъ ея сверстницъ и пріятельницъ и особенно ихъ маменьки готовы лопнуть отъ зависти и досады, что не имъ достался Спиридонъ Ивановичъ, и говорятъ, будто его безбожно ловили, будто Мимочку ему предлагали, навязывали... Но, Боже мой, чего не говорятъ завистливые женскіе языки!—Вмѣсто того, чтобы повторять эти нелѣпныя предположенія, порадуемся лучше за Мимочку, порадуемся за нее отъ всего сердца, какъ это и дѣлаютъ ея добрыя тетуски.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — говоритъ тетя Софи, — я такъ рада за Мимочку. Надѣюсь, что она будетъ съ нимъ счастлива. Это и хорошо, что онъ молодой: Мими еще такой ребенокъ,—ей и нужно человѣка пожилаго, серьезнаго...

— Конечно, хорошо, что онъ не молодой, — подтверждаетъ тетя Мари, — такого мужа еще легче держать подъ башмакомъ. И какъ добрая тетка я совѣтую тебѣ, Мимочка, въ-время прибрать къ рукамъ твоего Спиридона Ивановича.

— Я говорила вамъ, что все дѣлается къ лучшему, — заканчиваетъ тетя Жюли. — Подумайте, какое счастье, что вы тогда „разорвали“ съ этимъ негодяемъ!

И дѣйствительно все дѣлается къ лучшему. Первымъ женихомъ Мимочки былъ молодой и блестящій гвардеецъ, у котораго были чудесные лакированные сапоги, черные усики, волнистые каштановые волосы и *rinse-nez* въ золотой оправѣ. Мимочка увидала его въ первый разъ на одномъ вечерѣ, гдѣ онъ дирижировалъ танцами, побрякивалъ шпорами, шуточно обмахивался вѣерами и душистыми платочками своихъ дамъ, весело улыбался, отрывая блестящія бѣлые зубы и съ дьявольскимъ увлеченіемъ кричалъ: „*Sergitez le grond!.. Chânel!*“ Онъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ вальса съ Мимочкой, полюбовался ею, пока она вальсировала съ еѣмъ-то другимъ, и, разузнавъ объ общественномъ положеніи ея родителей, пожелалъ быть имъ представленнымъ.

Потомъ онъ сталъ „*бывать*“, потомъ сталъ „*ухаживать*“ и, наконецъ, сдѣлалъ предложеніе.

Блестящій гвардеецъ и ловкій дирижеръ слылъ опаснымъ сердцеѣдомъ. Онъ ухаживалъ за всѣми хорошенькими дѣвушками, вдовушками и замужними женщинами, съ которыми былъ знакомъ, и, какъ говорили, былъ предметомъ вниманія многихъ изъ нихъ. А потому отбить его у всѣхъ должно было очень льстить и самолюбію Мимочки и ея папаша.

Мимочка приняла предложеніе и была объявлена невѣстой.

Тетя Софи сдѣлала по этому случаю вечеринку съ танцами, тетя Мари — обѣдъ съ шампанскимъ, а тетя Жюли—*folle journée* и съ танцами, и съ шампанскимъ, и съ катаньемъ за городъ.

Женихъ былъ почителенъ, услужливъ и любезенъ съ родными невѣсты и всѣмъ очень нравился.

— Знаешь, Мимочка,—сказала ей тетя Мари,—онъ такъ милъ, такъ милъ, что будь я немножко помоложе, честное слово, постаралась бы отбить его у тебя.

— Да, васъ будетъ славная парочка,—подтвердила тетя Софи.

— И ты очень умно сдѣлала, душа моя, что приняла его предложеніе,—закончила тетя Жюли.—Такого жениха не каждый день встрѣтишь. Онъ „на хорошей дорогѣ“ и можетъ еще очень выслужиться.

Женихъ былъ не только на хорошей дорогѣ, онъ былъ „князь“, положимъ, захудалаго рода, но все же князь и даже не изъ восточныхъ. Мало того, онъ былъ, по его словамъ, племянникомъ и единственнымъ наследникомъ богатаго бездѣтнаго дядюшки, у котораго было гдѣ-то на югѣ пятнадцать тысячъ десятивъ и каменноугольные копи.

Благословясь, принялись за изготовленіе роскошнаго приданаго для будущей княгини. Пришлось дѣлать его въ долгъ, такъ какъ дѣла родителей Мимочки и тогда уже были страшно разстроены... Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ Мимочка себя помнила, дѣла ея родителей всегда были страшно разстроены, что не мѣшало имъ, однако, жить, не отказывая себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ, кромѣ удовольствія платить свои долги, сумма которыхъ въ слѣдствіе этого и росла себѣ да росла, какъ дурная трава.

Въ виду предстоящей свадьбы пришлось еще перекхватить вой у кого, но нѣсколькими тысячами долгу

болѣе или менѣе, — что могло это значить, когда дѣло шло о счастіи единственной дочери. Было бы гдѣ занять!.. А вѣдь въ будущемъ у Мими были угольные копи бездѣтнаго дядюшки! — Всѣ родные Мимочки сдѣлали ей подарки. Тетя Софи подарила ей дорогую шубу, тетя Мари — нарядный капотъ изъ плюша vert-jaure, подбитаго атласомъ bleu-jaure, съ богатой кружевной отдѣлкой, тетя Жюли — серебро. Всѣ мѣтки на бѣльѣ сдѣлали съ княжеской короной. Тетя Жюли говорила, что не слѣдуетъ дѣлать этого, такъ какъ Мимочка не княжна, а бѣлье принято мѣтить шифромъ невѣсты, и что смѣшно такъ торопиться съ этой короной, точно ужь онѣ и не могутъ скрыть своей радости, что Мимочка будетъ княгиней. Но тетя Мари и тетя Софи поддержали шамап, говоря, что не все ли равно? Вѣдь все бѣлье, которое будутъ дѣлать послѣ свадьбы, намѣтится княжеской короной; отчего же не сдѣлать заранѣе одинакихъ мѣтокъ на всемъ?

И всѣ мѣтки сдѣлали съ княжеской короной.

Прежде еще, чѣмъ Мимочка была официально объявлена невѣстой, папà откровенно переговорилъ съ женихомъ. Онъ признался, что дѣла его въ настоящее время настолько разстроены, что онъ не въ состояніи ничего дать за Мимочкой... Но онъ бралъ на себя всѣ расходы по устройству гнѣздышка для молодыхъ и затѣмъ обѣщалъ помогать имъ по мѣрѣ возможности, удѣляя дочери часть своего содержания.

Женихъ, хотя и поблагодарилъ папà за откровенность, горячо увѣряя въ томъ, что при выборѣ Мимочки онъ не руководился никакими корыстными цѣлями, однако,

не могъ скрыть нѣкотораго разочарованія, услыжавъ, что Мимочка—безприданница. Онъ никакъ не ожидалъ этого и откровенно высказалъ, что это заставитъ его—не отказать отъ невѣсты,—о, конечно, нѣтъ!—но отложить свадьбу на неопредѣленный срокъ.

Въ свою очередь и женихъ признался, что испытываетъ въ настоящее время довольно непріятныя матеріальныя затрудненія. Разумѣется, затрудненія эти не могутъ сильно озабочивать его, пока онъ человѣкъ холостой и одинокій, такъ какъ дядюшкины копи все-таки не уйдутъ отъ него; но, тѣмъ не менѣе, онъ считалъ бы себя подлецомъ и безчестнымъ человѣкомъ, еслибы позволилъ себѣ жениться на небогатой дѣвушкѣ при настоящихъ условіяхъ, то-есть, не дождавшись, если не смерти бездѣтнаго угольнаго дядюшки, то, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго повышенія по службѣ.

Князь прибавилъ, что въ недалекомъ будущемъ ему предстоитъ получить батальонъ, что ему было бы очень пріятно получить батальонъ въ N., веселомъ и хорошенькомъ городѣ, гдѣ жизнь не очень дорога, и гдѣ онъ могъ бы какъ-нибудь устроиться и перебиваться съ молодой женой. разумѣется, не безъ посильной помощи папа и бездѣтнаго дядюшки. Еслибы папа захотѣлъ только употребить въ пользу будущаго зятя свое вліяніе, свои дружескія связи,—можетъ быть, онъ могъ бы ускорить свадьбу Мимочки и упрочить благосостояніе молодыхъ...

Въ заключеніе женихъ, какъ честный человѣкъ, объявилъ уже совершенно прямо, что женится только въ такомъ случаѣ, если ему дадутъ вышеупомянутый батальонъ. Папа могъ устроить это назначеніе.

Это было трудно; но для счастья единственной дочери можно было и потрудиться. Труды и хлопоты папá увѣнчались успѣхомъ. Женихъ получилъ батальонъ и уѣхалъ въ N. принимать его. День свадьбы былъ уже назначенъ; до него оставалось всего двѣ недѣли. Но неожиданно пришлось отложить его по случаю траура.

Бѣдный папá умеръ скоропостижно, умеръ въ гостяхъ, почти за варточнымъ столомъ, отъ удара-ли, отъ разрыва-ли сердца,—не умѣю сказать. Жениху сейчасъ же дали знать телеграммой о случившемся несчастіи; но онъ даже не пріѣхалъ на похороны. Это тогда уже неприятно поразило всѣхъ родныхъ Мимочки и особенно ея маман, въ сердце которой закрались тревожныя подозрѣнія. И подозрѣнія ея оказались основательными. Ворота въ Петербургъ, женихъ совершенно измѣнилъ свое обращеніе и съ невѣстой, и съ будущей тещей. Скоро стало ясно, что онъ ищетъ только предлога къ разрыву. Пробовалъ онъ и ревновать свою невѣсту, и подсмѣиваться надъ ней, и учить, и перевоспитывать ее, но у Мимочки былъ таковой невозмутимо-ангельскій характеръ, что, несмотря на всѣ усилія жениха, ему не удалось съ ней поссориться. Тогда онъ принялся за маман. Тутъ дѣло пошло на ладъ, и столкновенія приняли скоро опасный оборотъ. Началось съ намековъ, шпилекъ, недомолвокъ; потомъ обѣ стороны приступили къ откровеннымъ объясненіямъ.

Женихъ утверждалъ, что папá обѣщалъ выдавать Мимочкѣ ежегодно двѣ тысячи четыреста рублей.

Маман утверждала, что никогда папá не давалъ подобнаго обѣщанія.

На это женихъ возражалъ, что если такъ (то-есть разъ, что его хотѣли обмануть и его же называютъ въ глаза лгуномъ), то ему, какъ честному человѣку, остается...

Мамап не дала договорить честному человѣку его угрозы и предложила отдать молодымъ всю свою пенсію, съ тѣмъ только, чтобы они взяли ее жить къ себѣ. Князь получилъ въ N. прекрасную казенную квартиру, въ которой ему ничего бы не стоило отвести уголокъ мамап.

Но, выслушавъ это предложеніе, женихъ заявилъ категорически, что онъ женится только въ такомъ случаѣ, если мамап отдастъ всю пенсію Мимочѣ, а сама будетъ жить, какъ хочетъ и гдѣ хочетъ, только не съ ними и не у нихъ. Онъ видѣлъ слишкомъ много примѣровъ того, какъ тещи разстраиваютъ семейное счастье своихъ дочерей, чтобы не желать оградить Мимочку отъ возможности непріятныхъ столкновеній въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что, кажется, было уже достаточно ясно, что онъ лично не сходится характеромъ со своей будущей belle-mère.

Нахальство жениха до того возмутило мамап, что она поѣхала жаловаться на него сестрамъ, прося ихъ совѣтовъ и помощи. Тетушки также были возмущены и поражены, услыхавъ изъ устъ мамап, что „этотъ нищій князекъ, этотъ гвардейскій полотеръ, этотъ, passez-moi le mot, прохвостъ“ хочетъ, кажется, отказаться „составить счастье“ Мимочки!

Тетушки горячо принялись за дѣло примиренія. Онѣ ѣздили другъ къ другу, волновались, захлебывались, говорили до пересыханія въ горлѣ, пожимали плечами, разводили руками, строго разбирали и обсуждали дѣло

со всѣхъ сторонъ, увѣщевали жениха, увѣщевали татап и жалѣли и утѣшали несчастную Мимочку.

— Не понимаю, чѣмъ все это можетъ кончиться,— говорила тета Софи,—но мнѣ кажется, что ужъ лучше бы имъ теперь разойтись... Какъ хотите, онъ показалъ себя неблагороднымъ человѣкомъ. Батальонъ получилъ, а жениться не хочетъ!

— Ну, знаешь,—возражала тета Мари,—откровенно говоря, оно и понятно, что бракъ этотъ не особенно прельщаетъ его. Что-жъ Мимочка?.. Она мила, конечно... Но все-таки что же это за партія? Онъ понимаетъ, что можетъ найти гораздо лучше... И не женится онъ, вотъ увидите. Разумѣется, всѣ эти объясненія только предлогъ. Ясно, какъ день, что онъ просто не хочетъ жениться.

— Но необходимо заставить его жениться,—говорила тета Жюли.—Нельзя же такъ безнаказанно компрометировать дѣвушку.

Кончилось тѣмъ, что тетуски чуть не перессорились между собою, а татап все-таки получила отъ жениха длинное краснорѣчивое посланіе, въ которомъ онъ объявлялъ, что пора положить конецъ этимъ неприятнымъ недоразумѣніямъ. За послѣднее время онъ достаточно ясно убѣдился и въ равнодушіи къ нему невѣсты, и въ неизбежности неприятныхъ столкновений въ будущемъ съ ея матушкой; а потому онъ счелъ бы себя подлецомъ и безчестнымъ человѣкомъ, еслибы, взвѣсивъ все это, не рѣшилъ пожертвовать своимъ чувствомъ и возвратить Мимочкѣ данное ею слово, прося ее считать себя отнынѣ совершенно свободною и желая ей всего,

всего лучшаго. Въ заключеніе женихъ прибавлялъ, что сегодня же уѣзжаетъ изъ Петербурга въ N., откуда не замедлитъ выслать мебель и прочія Мимочкины вещи, давно уже отправленныя заботливыми родителями въ ея будущее гнѣздышко. Въ р. s. стояло, что въ случаѣ, если татап захочетъ продавать мебель, и если она согласна отдать ее за... (стояла скромная цифра), то женихъ охотно купитъ ее и немедленно вышлетъ деньги.

Матап, задыхаясь отъ волненія и негодованія, прочла это письмо сестрамъ.

Тетушки утѣшали и успокоивали ее.

— Ну, можетъ быть, это еще и къ лучшему, — сказала тетя Софи, — откровенно говоря, онъ никогда мнѣ не нравился. Я такъ и знала, что не выйдетъ ничего путнаго изъ этого сватовства.

— Нѣтъ, не будемъ пристрастными, — возразила тетя Мари. — У него есть достоинства... Только, какъ человѣкъ избалованный, онъ, кажется, немножко эгоистъ... Ну, и карьеристъ тоже... Это-то ужъ съ самаго начала было видно. Я, признаюсь, еще тогда, какъ услышала, что покойникъ вызвался хлопотать объ этомъ назначеніи, сказала мужу: „какъ ты себѣ хочешь, il y a du louche“.

— Ну, и Богъ съ нимъ! — закончила тетя Жюли. — Свѣтъ не клиномъ сошелся. Мимочка можетъ сдѣлать еще гораздо лучшую партію. Хорошо, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга. По крайней мѣрѣ, все это поуляжется и позабудется. Нѣчего приходить въ отчаяніе. Повѣрьте, что все дѣлается къ лучшему.

И какъ же не сказать, въ самомъ дѣлѣ, что все дѣ-

лается къ лучшему? Слава Богу, Мимочка снова невѣста, снова принимаетъ поздравленія... На этотъ разъ назначенъ не только день, но и „часъ“ свадьбы, и часъ этотъ такъ близокъ, что у подъѣзда стоитъ уже карета тети Жюли, заложенная парой ея вороныхъ, готовыхъ мчать Мимочку въ церковь „Удѣловъ“, гдѣ уже собираются приглашенные.

А сама Мимочка сидитъ передъ туалетнымъ столикомъ въ своей розовой дѣвической комнатѣ и, глядя въ зеркало, слѣдитъ за движеніями куафѣра Гюстава, убирающаго ея хорошенькую головку.

На кровати, съ откинутымъ розовымъ пологомъ, лежатъ бѣлое платье, тюлевый вуаль и вѣнокъ померанцевыхъ цвѣтовъ.

II.

Когда Мимочкѣ было четыре года, она не имѣла понятія ни о „Стрѣлочкѣ“, ни о „Чижикѣ“, но уже пѣла: „Il était une bergère“... и „Malbrough s'en va-t-en guerre“. Семи лѣтъ она уже премило лепетала и картавила по французски. М-lle Victoire, ея нянюшка, выучила ее къ этому времени французской азбукѣ и нѣсколькимъ новымъ пѣсенкамъ. Потомъ ей подарили сказки Перро и Беркена, которыя познакомили ее съ исторіей „Синей Бороды“, „Кота въ сапогахъ“ и „Ослиной кожи“.

А что за херувимчикъ была Мимочка съ ея нѣжнымъ личикомъ, бѣлыми какъ ленъ волосами и пухленькими голыми ручками и плечиками, разодѣтая какъ ку-

колка въ бѣленькое платьице съ широкимъ поясомъ! Нельзя было не восхищаться ею и не говорить ей, что она очаровательный ребенокъ. И Мимочка охотно выслушивала это, потупляя глазки, граціозно присѣдала и была уже кокетлива.

Когда она стала постарше и одолѣла всѣ четыре „conjugaisons“, ее научили, съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать по-русски, по-нѣмецки и по-англійски, и наняли ей учителей: танцевъ, чистописанія и рисованія. Попробовали было и музыку, сначала фортепьяно, потомъ арфу, потомъ скрипку... Но никакъ не могли напасть на инструментъ, на методу и на преподавателя, предназначенныхъ Богомъ для того, чтобы сдѣлать изъ Мимочки музыкантшу, и года черезъ три совсѣмъ бросили эти музыкальныя упражненія, такъ какъ оказалось, что Мимочка для нихъ слишкомъ слаба здоровьемъ.

Наконецъ, для увѣччанія Мимочкина образованія, ее отдали на два года въ пансіонъ m-ле Дуду, или въ пансіонъ m-ле Додо, или въ институтъ или даже отослали ее во Францію въ какой-то „souvent“. Я не помню хорошенько, что именно сдѣлали съ нашей Мимочкой, но помню, что мама не хотѣла или не могла ограничиться „домашнимъ воспитаніемъ“ и отдала дочь куда-то.

Окончивъ или полу-окончивъ курсъ (въ большинствѣ случаевъ, Мимочки не оканчиваютъ курса по слабости здоровья или по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ), Мимочка вернулась домой взрослой барышней и надѣла длинное платье. Она была миловидна, граціозна и извѣжена. Она умѣла говорить и читать по-французски; умѣла и писать на этомъ языкѣ настолько, что довольно сво-

бодно могла составить и приглашеніе на чашку чая, и дѣловое письмо къ портнихѣ. Училась она въ пансіонѣ и еще чему-то, но такъ какъ это „что-то“ было ненужно, неважно и неинтересно, то она и забыла его.

Да и скажите, положи руку на сердце, нужны-ли хорошенькой женщинѣ какія-нибудь знанія, кромѣ знанія французскаго языка? Указываютъ-ли ея потребности, ея радости, ея дѣятельность на необходимость какихъ-нибудь познаній? Нужно-ли Мимочкѣ одѣться, обуться, причесаться, нужно-ли ей отдѣлать и убрать свою квартиру, завести у себя хорошій столъ и сервировку, — знаніе французскаго языка облегчить ей объясненія съ французенкой-модисткой, съ французами: куафёромъ, поваромъ, обойщикомъ, готовыми исполнить не только ея приказанія, но и въ случаѣ надобности подать ей хорошую мысль, совѣтъ... Нужно-ли Мимочкѣ „занять“ своихъ гостей, на какомъ другомъ языкѣ, скажите, можно вести милѣе и непринужденнѣе разговоръ о погодѣ, о скачкахъ, объ оперѣ?.. Нужно-ли Мимочкѣ чтеніе, легкое пріятное чтеніе, не уносящее изъ чуднаго міра баловъ и бантиковъ, не вызывающее морщинъ, не будящее мыслей и сердца, чтеніе легкое, какъ вальеровыя воланы на юбокѣ ея бальнаго платья, — французская литература дастъ ей маленькіе чистенькіе томики, можетъ быть съ не совсѣмъ чистымъ содержаніемъ, но за то съ хорошимъ шрифтомъ, съ хорошей бумагой и съ интересными дѣйствующими лицами!

Вы думаете, можетъ быть, что Мимочка плохо и мало училась, что ей вовсе не до книгъ. Напротивъ, она „ужасно“ любитъ чтеніе. Послѣ туалета и выѣздовъ она

больше всего на свѣтѣ любитъ chocolat mignon и французскіе романы.

Не думайте также, что Мимочка оттого любитъ французскіе романы, что она не патриотка, или что она была русскую азбуку. Вовсе нѣтъ. Она бы и рада читать по-русски, но вѣдь нечего! Еслибъ заботливая маман и захотѣла дать дочери какую-нибудь русскую книгу, что могли бы вы рекомендовать ей вромѣ хрестоматій Филонова и Галахова, которыя, разумѣется, не могутъ занять воображеніе дѣвушки въ томъ возрастѣ, когда она, естественно, мечтаетъ о любви, о замужествѣ...

Маман разъ какъ-то подняла этотъ вопросъ при сестрахъ, и тетуськи только подтвердили ея собственное мнѣніе о томъ, что по-русски читать совсѣмъ нечего, да и незачѣмъ.

Тетя Софи заявила, что она выписала-было „Модный Свѣтъ“ и жалѣла объ этомъ, такъ какъ онъ не выдерживалъ сравненія съ французскими изданіями такого рода.

Тетя Мари получала „Отечественныя Записки“ и сообщила, что сотрудники этого журнала пишутъ такимъ тривиальнымъ языкомъ, что положительно ихъ нужно читать съ диксіонеромъ. „Мнѣ говорили: Щедринъ, Щедринъ... И мужъ зачитывается, восхищается... Я какъ-то на дняхъ попробовала почитать,—ничего не понимаю!.. Ну, т.-е., à la lettre ничего!.. Какая-то свинья... Подплека, подплека... Я такъ и мужу сказала. Ну, говорю, не знаю: или ужъ я такъ глупа, или это Богъ знаетъ что!“

Тетя Жюли читала „Русскій Вѣстникъ“ и, хотя со-

зналась, что попадаютъ въ этотъ журналъ хорошіе романы, но, все-таки, она не рекомендовала бы читать ихъ Мимочкѣ, такъ какъ послѣднее время, что ни романъ, непременно социалисты на сценѣ... А кому неизвѣстно, въ чему приводить знакомство съ социалистами?.. И те-тушки рѣшили, что незачѣмъ Мимочкѣ читать по-русски, когда есть столько хорошихъ французскихъ книгъ.

Но, скажутъ, есть же и у насъ писатели. Ну, положимъ, что есть. Однако, что же, все-таки, изъ нихъ можно дать въ руки Мимочкѣ?

Можетъ быть, „Обрывъ“ Гончарова? „Наканунъ“ Тургенева? „Грозу“ Островскаго? „Анну Каренину“ гр. Толстого? „Головлевыхъ“ Щедрина? „Карамазовыхъ“ Достоевскаго?

— Да вы видѣли ли Мимочку? Видѣли ли вы это невинное женственное существо, эту Миранду, слѣтѣв-шую не то съ облака, не то съ модной картинки?

Нѣтъ, ужъ пусть лучше Мимочка читаетъ Октава Фѣлье, съ его чистымъ какъ ключевая вода слогомъ, съ его поэтическими героями и героинями, судорожно кривляющимися въ неестественной борьбѣ ихъ неестественныхъ страстей съ выдуманнымъ долгомъ. Если Мимочкѣ скученъ Октавъ Фѣлье, она найдетъ во французской ли-тературѣ и другой матеріалъ. Пусть она читаетъ Пон-сона дю-Террайля. Сказки, скажете вы. Пусть такъ; но за то это сказки интересныя, увлекательныя.

Какъ весело отъ бала до бала, между примѣри-ваньемъ новаго платья и прогулкой за перчатками, отды-хатъ на мягкой низенькой кушеткѣ, въ свѣтлой розовой комнатѣ, уставленной вуколками, шкатулочками, буке-

тиками, бонбоньерками, кушать chocolat mignon или chocolat praliné и читать Понсонъ дю-Террайля! Весело бѣгать по освѣщеннымъ газомъ улицамъ Парижа, кататься вокругъ озера или каскада Булонскаго лѣса, слышать эти непрерывно-раздающіеся выстрѣлы дуэлей, слѣдить за перипетіями любви преступной, но красивой и нарядной, разрушать ковы злодѣевъ, соединять любящихся...

Весело то съ замирающимъ, то усиленно бьющимся сердцемъ и граціозно приподнятымъ подоломъ пробѣгать черезъ темныя невѣдомыя трущобы, проникать въ уголки блестящихъ кокотокъ, нѣжиться на ихъ бархатныхъ и атласныхъ кушеткахъ, брать съ ними молочныя ванны, купаться въ шампанскомъ, украшать себя кружевами и брилліантами, пировать, сорить деньгами, сентиментально влюбляться въ какого-нибудь прекраснаго скромно-одѣтаго юношу, незаконнаго сына, въ концѣ-концовъ оказывающагося виконтомъ, маркизомъ или даже принцемъ и непременно милліонеромъ.—Пусть все это сказки; но, по крайней мѣрѣ, это не такія мрачныя сказки, какъ „сказка объ Аиньѣ и Любиньѣ!“

И Мимочка, между туалетомъ и выѣздами, поглощаетъ эту легкую литературу и незамѣтно отравляется ею. Въ эту чудную пору, когда поэтъ сравнилъ бы ея пробуждающееся сердце съ готовымъ расцвѣсти бутонъ, въ ея душу западаетъ образъ Анри, Армана или Мориса.

Морисъ этотъ не ѣсть, не пьетъ, не подверженъ никакимъ непоэтическимъ слабостямъ и болѣзнямъ. Единственное, что разрѣшаетъ ему отъ времени до времени

авторъ, это легкая царапина (результатъ одной изъ безчисленныхъ дуэлей), вслѣдствіе которой Морисъ является передъ читательницами съ черной повязкой на рукѣ и съ интересной блѣдностью въ лицѣ. Авторъ не разрѣшаетъ ему также никакой дѣятельности, никакихъ опредѣленныхъ занятій, такъ что все время очаровательнаго героя посвящено любви и женщинамъ. Разумѣется, онъ преисполненъ всевозможныхъ качествъ и талантовъ; онъ отлично ѣздитъ верхомъ, отлично плаваетъ, стрѣляетъ, влюбляетъ въ себя всѣхъ встрѣчающихся на пути его женщинъ, затмѣваетъ благородствомъ и храбростью всѣхъ мужчинъ, швыряетъ на всѣ стороны кошельки, полные золота, и получаетъ наслѣдство за наслѣдствомъ. — Образъ Мориса, его рѣчи, манеры, поступки запечатлѣваются въ сердцѣ Мимочки, которая вмѣстѣ съ прочими жертвами героя влюбляется въ него.

III.

Итакъ, окончивъ или полу-окончивъ курсъ, Мимочка возвращается домой взрослой барышней и надѣваетъ длинное платье.

Жизнь встрѣчаетъ ее привѣтливой улыбкой. Мимочку начинаютъ „вывозить“. Она танцуетъ, веселится... Балы смѣняются спектаклями, спектакли — концертами, пикниками, каруселями... Въ промежуткахъ — чтеніе, *chocolat mignon* и мечты о Морисѣ.

Между тѣмъ *шапап*, прошедшая тяжелую школу жизни и знающая, что „не вѣкъ дочкѣ бабочкой по

полямъ порхать“, уже озабочена вопросомъ о томъ, какъ бы хорошенько пристроить Мимочку. Матап мечтаетъ найти для нея мужа богатаго, свѣтскаго и чиновнаго, если можно титулованнаго и родовитаго. Мимочка должна сдѣлать блестящую партію. Къ этому вѣдь влилось все ея воспитаніе. Иначе къ чему же было платить бѣшенныя деньги учителямъ танцевъ и чистописанія, къ чему было возить дѣвочку за границу, къ чему было посылать ее на курсы m-lle Дуду? Подумайте только, чего все это стоило! Да, родители Мимочки могутъ, по крайней мѣрѣ, смѣло сказать, что они ничего не жалѣли для воспитанія и образованія своей единственной дочери.

Мимочка знаетъ хорошо всѣ лучшіе магазины Петербурга; можетъ быть, она знаетъ и магазины Парижа, Вѣны и Лондона; она умѣетъ тратить деньги, умѣетъ одѣваться, умѣетъ держать себя въ обществѣ. Теперь надо найти для нея мужа, который далъ бы ей полную возможность выказать свое умѣнье въ полномъ блескѣ, который окружилъ бы ее подобающей обстановкой и достоинъ былъ бы принять изъ рукъ матап это тепличное растеньице, чтобы пересадить его на почву супружеской жизни.

Мимочка ждетъ и сама. Она еще мечтаетъ о любви, о Морисѣ, но знаетъ уже, что главное все-таки—деньги, что безъ экипажа, безъ „приличной“ обстановки и безъ туалетовъ ей будетъ не до любви.

Мимочка знаетъ, что она невѣста; но она знаетъ также, что она еще молода, что она „ребенокъ“, и пока она „ребенокъ“, она вальсируетъ, улыбается и играетъ вѣтромъ и своими невинными глазами.

...Хитрый народъ эти женихи! Трудно провести ихъ. Ахъ, еслибъ Морисъ былъ въ ихъ рядахъ, онъ оцѣнилъ бы Мимочку; онъ взялъ бы ее, не заглядывая въ кошелекъ бѣднаго папá. Но подите, отыщите его, этого Мориса!...

А время летить... Хина и желѣзо становятся уже необходимыми бѣдной дѣвочкѣ. Эти упоительные балы, ночи безъ сна,—все это такъ утомляетъ.

И вотъ, представьте себѣ, читатель, что наступаетъ минута, когда первая свѣжесть уже утрачена,—Мимочка начинаетъ худѣть и дурнѣть; знакомый докторъ, которому надоѣло даромъ прописывать мышьякъ, желѣзо и пепсинъ, посылаетъ барышню на заграничныя воды; денегъ на поѣзду достать неоткуда; портнихи отказываются шить въ долгъ даже простое дорожное платье... Потомъ, представьте себѣ, что въ такую, и безъ того неприятную минуту, въ семьѣ происходитъ какая-нибудь катастрофа: заболѣваетъ ли опасно кто-нибудь изъ родителей, изгоняется ли папá со скандаломъ изъ службы, вслѣдствіе раскрытія какихъ-нибудь незаконныхъ продѣлокъ, умираетъ ли онъ, оставляя семьѣ ничтожную пенсію и неполатные долги... Мало ли что случается... И нѣтъ вещи, за которую можно было бы поручиться, что она не случится.

Въ жизни нашей Мимочки такой катастрофой была неожиданная смерть бѣднаго папá. Онъ умеръ, оставивъ женѣ пенсію въ полторы тысячи и долги, сумма которыхъ еще значительно увеличилась за послѣднее время вслѣдствіе расходовъ на приданое. Мамап просто не знала, что ей дѣлать съ этими, выползшими изъ всѣхъ

щелей, кредиторами. Женихъ измѣнилъ, бросилъ и, купивъ за безцѣнокъ Мимочкину мебель, совсѣмъ замолеть. Стороной, уже нѣсколько позже, дошелъ до шамап слухъ, будто онъ женится на дочери N—скаго губернатора.

Положеніе бѣдныхъ женщинъ было ужасно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ домѣ буквально не было ни копѣйки. Мамап рвала на себѣ волосы и проклинала „разорившаго“ ихъ жениха-негодяя. Тегушки утѣшали, соболѣзновали, но между собою не могли и не осуждать слегка бѣдную мамап.

— Конечно, положеніе Annette ужасно, — говорила тетя Мари, — но какъ же не сказать, что она сама виновата? Ну, въ чему было дѣлать такое приданое, когда они и безъ того уже такъ нуждались? Дома ѣсть нечего, а Мимочкѣ отдѣлываютъ бѣлье точно какой принцессѣ! И кого они думали удивить этимъ?..

— Да, конечно, онѣ сами виноваты, — соглашалась тетя Софи, — но мнѣ жаль все-таки бѣдную Мимочку. Она такъ избалована; а кто знаетъ, что еще предстоитъ ей въ жизни! Вѣдь кончится тѣмъ, что ей придется идти въ гувернантки.

— Я дала сегодня сто рублей, — сказала въ заключеніе тетя Жюли, — но я не могу давать каждый день. Если сосчитать все, что я уже передавала...

Лично Мимочки нужда почти не коснулась; по прежнему у нея были всѣ „необходимые“ туалеты, шелковые чулки, *chocolat mignon* и французскіе романы. Но раздражительно-унылый видъ шамап, ея слезливыя объясне-

нія съ тетушками, сены съ дерзкими французенками, требующими денегъ и денегъ, не могли не дѣлать не-пріятнаго впечатлѣнія на молодую дѣвушку.

И Мимочка хандрила и капризничала. Она отказывалась принимать желѣзо, потому что ей сказали, что оно портитъ зубы, и нарочно не ѣла заказываемыхъ для нея кровавыхъ бифштексовъ, нарочно не ѣла ничего, кромѣ *chocolat praliné*. Она перестала читать романы, перестала вязать *frivolité*, перестала чесать и купать свою собачку и возиться съ ней, словомъ, бросила всѣ свои занятія и—хандрила. Теперь Мимочка цѣлыми днями лежала на кушеткѣ, заложивъ руки подъ голову, или безучастно смотрѣла въ окно. По случаю траура она не выѣзжала. Ей было скучно! Мимочка жалѣла о разрывѣ съ женихомъ. Не то, чтобъ онъ ужъ ей очень нравился, о нѣтъ! Многіе изъ знакомыхъ танцоровъ нравились ей гораздо больше... Къ тому же ей сказали, что онъ „негодяй“, и она не могла не повторять этого, потому что привыкла во всемъ вѣрить папан и тетушкамъ. Но негодяй ли, не негодяй ли, а все-таки ей было жаль, что она не вышла замужъ. Еслибъ вы знали, до чего ей надоѣли теперь всѣ эти намеки, разспросы и соболѣзнованія!.. Надоѣли ей и дѣвическія бѣлыя и розовыя платья, золотыя крестики и нитки жемчугу на шеѣ... Такъ близки были чепчики, брилліанты, бархатныя платья и свобода отъ опеки папан, и вдругъ все это разлетѣлось, разстроилось!..

Мимочка хандрила, капризничала и желала какого-нибудь исхода, какой-нибудь перемѣны своего положенія.

Жаждала исхода и папан, проводившая ночи въ

молитвѣ, слезахъ и мечтаніяхъ о новомъ женихѣ-избавителѣ, о неожиданномъ наслѣдствѣ, о выигрышѣ двухъ-сотъ тысячъ.

IV.

Какого же исхода могла желать сама Мимочка? И что можетъ предстоять въ жизни бѣдной дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ? Пусть не сердится на меня Мимочка за слова „бѣдная дѣвушка“. Я знаю, что слова эти звучать не красиво, напоминаютъ, можетъ быть, о гувернанткѣ, о телеграфисткѣ... Да и плохо идетъ подобное названіе къ изящной дѣвочкѣ въ кофточкѣ отъ Бризагъ и шляпкѣ отъ Бертранъ. Но наружность бываетъ обманчива... Надѣюсь, что и сама Мимочка не рѣшится, все-таки, оспаривать меня въ томъ, что она — безприданница и молодая особа, qui n'a pas le sou.

Итакъ, что же можетъ предстоять въ жизни бѣдной дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ?

Выйти замужъ за такого же бѣдняка, какъ она, предположимъ, за человѣка молодого, честнаго, энергичнаго и любящаго, достойнаго любви и уваженія, но не владѣющаго ни домами, ни помѣстьями, ни акціями, ни облигаціями, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода, кромѣ своего труда... Полюбить этого человѣка, сдѣлаться его женой, другомъ и помощницей, склонить свою хорошенькую головку на его плечо, довѣрчиво опереться нѣжной ручкой на его сильную руку и идти съ нимъ по жизненному пути, освѣщая и согрѣвая ему путь этотъ

своей любовью и ласками?.. Принести въ скромный уголокъ труженика свою красоту, молодость и грацію, забыть себя въ заботахъ о своемъ избранникѣ и въ свою очередь сдѣлаться смысломъ, заботой и наградой чужой жизни?..

Но позвольте... Вы говорите, что онъ не имѣетъ другихъ источниковъ дохода кромѣ своего личнаго труда. Положимъ, что вашъ молодой человѣкъ зарабатываетъ много, положимъ, даже достаточно для того, чтобы Мимочка не одѣвалась какъ нищая въ старомодныя платья. Но умри онъ, — съ чѣмъ она останется? Будь это человѣкъ пожилой, онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, оставить ей какую-нибудь пенсію; а молодой человѣкъ, ну, скажите, что онъ можетъ оставить? Дѣтей, по всей вѣроятности... Куда же она дѣнется съ этими несчастными дѣтьми, которымъ не завѣщаютъ ни домовъ, ни помѣстій, которымъ не завѣщаютъ ничего кромѣ труда? — Согласитесь, что трудъ — это такой капиталъ, процентами съ котораго Мимочка еще, пожалуй, можетъ пользоваться, пока онъ въ рукахъ ея мужа, но разъ, что мужъ умретъ и капиталъ этотъ долженъ будетъ перейти въ ея собственныя руки, — сомнѣваюсь, чтобъ она осталась довольна подобнымъ наслѣдствомъ.

Не думайте, впрочемъ, чтобъ Мимочка была ужъ черезчуръ лѣнива, жадна и безсердечна. Можетъ быть, она бы и рада была полюбить и пожертвовать роскошью для любимаго человѣка. Она ли не мечтала о Морисѣ? Но она могла бы принести подобную жертву только въ такомъ случаѣ, еслибъ ей встрѣтился молодой человѣкъ... ну, хоть такой, какъ „le jeune homme pauvre“ у Октава

Фёлье. Помните, какъ онъ бѣдненькій умиралъ съ голоду и грызъ почки и листья тюльрійскихъ платановъ, послѣ того; какъ истратилъ свои послѣднія деньги на покупку дорогаго мыла, конфетокъ и картинокъ для своей сестры. Чего стоитъ одна эта черта! Можетъ ли сердце женщины не оцѣнить подобнаго великодушія, подобной деликатности! А какъ плѣнительны въ этомъ молодомъ человѣкѣ его элегантныя манеры, его свѣтскій тактъ и образованіе при его скромномъ общественномъ положеніи. Такъ и чувствуешь, что онъ только заостюмировался en jeune homme раувге и чуть дѣло дойдетъ до развязки, скинетъ деревянные башмаки и соломенную шляпу скромнаго управляющаго и окажется несравненно богаче своей невѣсты.

Развѣ Мимочка задумалась бы полюбить его? Да ни на минуту! Но согласитесь, что не такъ легко полюбить бѣднаго русскаго молодаго человѣка, который не получитъ никакого наслѣдства, который не носитъ перчатокъ, можетъ быть, не говорить по-французски, а если и говорить, то съ сквернымъ выговоромъ, — который думаетъ, что женщина должна серьезно учиться и трудиться, который зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба уроками, литературнымъ трудомъ, можетъ быть, даже сидитъ писцомъ въ какой-нибудь конторѣ или служитъ на желѣзной дорогѣ чѣмъ-то чуть ли не въ родѣ кочегара (потому что вѣдь бываютъ даже и такіе молодые люди!). Согласитесь, что ужъ если отказываешься отъ экипажа и хорошей квартиры, отъ *своего* общества и выѣздовъ, отъ Бризажъ и Бертранъ, отъ тонкаго бѣлья, можетъ быть, даже отъ chocolat mignon и французскихъ романовъ, то чело-

вѣкъ, которому все это приносится въ жертву, долженъ, по крайней мѣрѣ, быть достойнымъ ея, чѣмъ-нибудь заслужить ее. А наши бѣдные молодые люди такъ грубы, неотесаны и d'un terre-à-terre! Что же въ такомъ случаѣ можно найти въ нихъ привлекательнаго?

Короче, Мимочка, „кто бѣденъ, вамъ не пара“. Да и папаша никогда не допуститъ васъ „плодить нищихъ“, по ея выраженію... А папаша опытна и знаетъ, что говорить. Она знаетъ, каково жить на маленькія средства!

Другая перспектива: отложить надежду на замужество и примириться съ мыслью остаться никому ненужной старой дѣвой. (Это хорошенькой-то Мимочкѣ, которая уже съ семи лѣтъ знала, что ей къ лицу, и плакала, если ей повязывали на голову не ту ленточку, которую ей хотѣлось!)

Но положимъ, она откажется отъ надежды на замужество. Чѣмъ же жить въ такомъ случаѣ, какъ существовать, если, Боже сохрани, умретъ папаша (а она непременно когда-нибудь умретъ), и некому уже будетъ заботиться о туалетахъ Мимочки и о ея пропитаніи, некому будетъ продавать и закладывать вещи, выпроваживать кредиторовъ, занимать и слезно вымаливать денегъ у родныхъ и знакомыхъ. Мимочка—такой ребенокъ; она пропадетъ одна... Жить ей своимъ трудомъ? самой зарабатывать свой кусокъ хлѣба? сдѣлаться женщиной-врачомъ, женщиной-кассиромъ, бухгалтеромъ?.. Но Мимочку воспитывали совсѣмъ не въ такихъ идеяхъ!..

О медицинѣ лучше ужъ не будемъ и заговаривать. При одной мысли, при одномъ воспоминаніи о поминутно потупляемыхъ невинныхъ глазкахъ Мимочки, я не рѣ-

шаюсь предложить ей такое неприличное занятіе, какъ изученіе анатоміи. А ея нервы!.. Вы знаете, Мимочка такая трусиха, что каждый вечеръ, прежде чѣмъ лечь спать, она шарить съ зажженной свѣчой у себя подъ кроватью, подъ креслами и стульями, желая убѣдиться, не сидитъ ли тамъ Рокамболь, Сэръ Вилліамсъ или какой-нибудь страшный нищій. Она заглядываетъ даже въ душники... Она всего, всего боится! Какъ же вы заставите ее приучить себя къ зрѣлищу страданій, крови, смерти?

Не менѣе нелѣпо представить себѣ Мимочку конторщицей, положимъ, хоть въ правленіи какой-нибудь желѣзной дороги,—представить себѣ ее въ комнатѣ, уставленной столами и конторками, за которыми сидятъ все страшные, незнакомые мужчины. Да вѣдь всѣ они влюбятся въ нее, всѣ они будутъ за ней ухаживать! И вообще, сидѣть ей съ десяти часовъ утра до пяти вечера въ одной комнатѣ съ мужчинами... Какъ хотите, это неприлично! Не думайте, что Мимочка такъ-таки ужь никогда и не сидѣла въ одной комнатѣ съ мужчинами. Она даже носилась въ ихъ объятіяхъ, подъ чарующіе звуки модныхъ вальсовъ, исполненныхъ Розенбергомъ, Шмидтомъ или Альквистомъ. Сказать по правдѣ (и по секрету), молодой гвардеецъ даже не разъ цѣловалъ ее въ укромныхъ углахъ и до и послѣ „предложенія“. Но, во-первыхъ, она никому не говорила объ этомъ, кромѣ своей подруги m-ше X. и Дуняши, своей горничной, такъ что папан, да и вообще никто и не подозрѣваетъ этого; а во-вторыхъ, вѣдь онъ былъ же все-таки ея женихомъ. Да наконецъ, еслибъ даже и всѣ вальсировавшіе съ Мимоч-

кой цѣловали ее, — не спору, это было бы дурно, очень дурно, — но все-таки, мнѣ кажется, это было бы менѣе неприлично, чѣмъ сидѣть ей цѣлыми днями въ какой-то конторѣ. Всѣ эти вальсѣры, по крайней мѣрѣ, люди *en круга*, приняты въ обществѣ ея знакомыхъ, а вѣдь кто ихъ знаетъ, кто они тамъ такіе въ этой конторѣ?.. Можетъ быть, жида, мѣщане... А кто жъ поручится, что и тамъ не будутъ цѣловать Мимочку? Она еще таковой ребенокъ!..

Можетъ быть, Мимочка могла бы давать уроки, *coûg le sachet*? Но уроки чего, — французскаго языка? — Она прочла Понсонъ-дю-Террайля и К^о, прочла и Белло и Малю, прочла Октава Фелье и Дюма-Фиса, но о грамматикѣ она имѣетъ самое смутное понятіе; а отъ учительницы требуется знаніе грамматики. И потомъ давать уроки, — это опять-таки значить бѣгать одной по улицамъ, рисковать быть принятой Богъ знаетъ за кого... Бѣдная Мимочка такъ миловидна и женственна, что если подлѣ нея нѣтъ приличной компаньонки, а за ней лакея, то ее можно принять Богъ знаетъ за кого!

Мимочка не умѣетъ ни шить, ни кроить, ее не учили этому; да и не портнихой же сдѣлаться ей въ самомъ дѣлѣ! Она умѣетъ только вырѣзать абажуры и вязать *frivolité*. Но вѣдь вязаньемъ *frivolité* много не заработаешь.

Словомъ, очевидно, что всѣ эти толки о женскомъ трудѣ, о женской самостоятельности оказываются чистѣйшимъ вздоромъ. Да и къ чему мудрить, когда призваніе и обязанности женщины указаны ей Богомъ и природой. Она должна быть женой и матерью, подругой мужчины,

изъ ребра котораго ее для него и создали. А потому Мимочка, ждите, ищите и ловите себѣ жениха, конечно, надежнаго и „обезпеченнаго“. Вотъ вамъ третья перспектива, третій (и кажется единственный и возможный для васъ) исходъ изъ вашего настоящаго положенія.

Есть женихи самой судьбой предназначенные для Мимочки, для бѣдной, но избалованной, въ роскоши возвращенной и непривыкшей къ лишеніямъ дѣвушки. Женихи эти бывають двухъ категорій. Или это богатые старые холостяки, растратившіе въ бурно-проведенной молодости и силы, и здоровье, и умъ, и чувство, растратившіе все, кромѣ своихъ слишкомъ легко доставшихся имъ денегъ, извѣдавшіе всего, что могли дать имъ эти деньги, — неизвѣдавшіе еще только обладанія своею „собственною“ невинной, молодой и хорошенькой женой, купить которую впрочемъ никогда не поздно. Или же это старые холостяки, въ противоположность первымъ, начавшіе жизнь и карьеру съ нужды и лишеній, робкіе, расчетливые, во всемъ отказывавшіе себѣ въ молодости, сколотившіе правдами и неправдами желанный капиталецъ и достигшіе наконецъ вождельннаго чина, положенія, времени и возраста, положеннаго ими для вступленія въ бракъ съ молодой и хорошенькой дѣвушкой.

Небо не осталось глухо къ мольбамъ тамап и посылаетъ ей Спиридона Ивановича. Черезъ тетусекъ и кумусекъ ведется сватовство, устраиваются смотрины; разумѣется, все происходитъ самымъ приличнымъ образомъ.

Спиридонъ Ивановичъ можетъ быть глупъ или уменъ, добръ или недобръ; онъ можетъ быть человѣкомъ нрав-

ственнымъ или безнравственнымъ, дурнымъ или хорошимъ,—все это отгѣнки неважные; важно же и несомнѣнно то, что онъ человекъ солидный, пожилой, опытный и „обеспеченный“, лысый, обрюзгшій, страдающій катарромъ и ревматизмами, можетъ быть, и подагрой...

Неужели выйти за него замужъ? Мамапъ стоитъ за Спиридона Ивановича. Мимочка, вѣрьте мамапъ: она умнѣе, опытнѣе васъ; она знаетъ жизнь. А вы, что вы знаете? Романы?.. „La vie n'est pas un roman“, говорятъ вамъ; скоро вы и сами убѣдитесь въ томъ, что это правда.

И Мимочка покоряется. Она даетъ свое согласіе, кокетливо подсмѣиваясь надъ Спиридономъ Ивановичемъ и заранѣе побѣдно притопывая носкомъ башмачка, подъ которымъ она намѣрена держать своего будущаго мужа.

V.

Сватовство произошло слѣдующимъ образомъ.

Тетя Жюли, между визитами, винтомъ и оперой, выискала гдѣ-то Спиридона Ивановича и познакомилась съ нимъ. Когда она окончательно убѣдилась въ томъ, что курское имѣніе его не заложено и даетъ завидный доходъ, а также и въ томъ, что у Спиридона Ивановича нѣтъ никакой серьезной связи (если не считать немолодой уже танцовщицы, къ которой его привязывала только привычка, да четверо довольно миленькихъ дѣтей), тетя Жюли намекнула мамапъ, что, кажется, у нея есть въ виду нѣчто подходящее для Мимочки.

Мамапъ съѣздила къ Сергію и отслужила молебень.

Вскорѣ послѣ того тета Жюли разослала своимъ знакомымъ приглашенія на вечеръ съ танцами. Маман предупредили, что будетъ Спиридонъ Ивановичъ. Мимочѣ сдѣлали восхитительный туалетъ сѣме, достойный быть подробно описаннымъ на страницахъ какой-нибудь „*chronique de l'élégance*“. Туалетъ очень удался и былъ одѣненъ по достоинству всѣми присутствовавшими на вечерѣ. Это былъ первый выѣздъ Мимочки въ эту зиму; трауръ ея только-что кончился. Толки о ея такъ неожиданно разстроившейся свадьбѣ и о дурномъ поступкѣ ея жениха еще не затихли и переходили изъ устъ въ уста съ добавленіями и украшеніями. Вслѣдствіе ли этого, или просто потому, что въ этотъ вечеръ Мимочка была особенно мило одѣта, но всѣ какъ-то обратили на нее больше вниманія, чѣмъ обыкновенно. Всѣ точно сговорились восхищаться ею и говорить ей любезности. Мимочка танцевала больше всѣхъ, нѣсколько оживилась, противъ обыкновенія, и положительно была царицей вечера.

Опускаясь на стулъ послѣ закружившаго ее тура вальса, слегка задыхаясь и краснѣя нѣжнымъ румянцемъ, она чувствовала устремленные на нее со всѣхъ сторонъ одобрительные взгляды, и это сознание своего успѣха дѣлало ее еще милѣе.

Спиридонъ Ивановичъ игралъ въ карты; но передъ ужиномъ и онъ вышелъ въ залу и сталъ въ дверяхъ, любуясь танцующими. Мимочка очень понравилась ему. Онъ же въ этотъ вечеръ былъ въ духѣ и въ выигрышѣ. Со свободой стараго холостяка онъ принялся громко и искренно восхищаться граціей и миловидностью этой пре-

лестной вуалки и даже высказалъ, что еслибъ только онъ могъ страхнуть съ плечъ хоть полтора десятка годовъ, то, не задумываясь, сейчасъ же, сдѣлалъ бы ей предложеніе.

Мамап, весь вечеръ караулившая Спиридона Ивановича, подхватила эти неосторожныя слова, и сердце ея забилося радостной надеждой.

Въ мазуркѣ Мимочка, по совѣту тети Жюли, выбрала стоявшаго въ дверяхъ Спиридона Ивановича и прошла съ нимъ по залѣ при всеобщемъ восторгѣ. Всѣ улыбались, глядя на нихъ: тому-ли, что хорошенькой Мимочкѣ пришла фантазія выбрать такого стараго и некрасиваго кавалера; тому-ли, что Спиридонъ Ивановичъ въ его годы, въ его чинѣ и при его одышкѣ пустился въ плясъ, не умѣя танцовать; или, наконецъ, просто гости тети Жюли прониклись ея намѣреніями и уже привѣтствовали въ этой парѣ будущихъ жениха и невѣсту, — какъ бы то ни было, но всѣ улыбались и радовались, глядя на нихъ. Улыбался и самъ толстый Спиридонъ Ивановичъ, обливаясь потомъ и дыша какъ паровозъ; улыбалась и воздушная Мимочка.

За ужиномъ ихъ посадили рядомъ. Милый Спиридонъ Ивановичъ, — откровенно и даже нѣсколько испуганно предупредившій тетю Жюли, что онъ совершенно не привыкъ къ обществу „порядочныхъ“ женщинъ и особенно молодыхъ невинныхъ дѣвушекъ, сидя рядомъ съ Мимочкой, продолжалъ любоваться ею, шутливо и преувеличенно-почтительно ухаживалъ за ней и занималъ ее, чуть не говоря „агу“, „тпруа“ и „баиньки“, чтобы попасть въ тонъ и быть понятымъ.

А возбужденная танцами и выпитымъ виномъ Мимочка, очень польщенная къ тому же вниманіемъ и ухаживаніемъ этого смѣшнаго толстаго господина въ густыхъ эполетахъ совсѣмъ оживилась, раскраснѣлась и даже разговорилаь противъ обыкновенія.

Она рассказала Спиридону Ивановичу, что она очень любитъ танцовать и что прошлую зиму она провела очень скучно, такъ какъ не выѣзжала по случаю траура по папѣ; зато теперь уже она натапцуеть!.. Потомъ Мимочка рассказала, что она также очень любитъ маленькихъ собачекъ и что у нея была такая душка—собачка, маленькая, маленькая; ее звали „Franfeluche“, — и она околѣла! Мимочка цѣлую недѣлю плакала. Это было самое большое горе въ ея жизни. Она такъ любила эту собачку! А теперь тетя Мари подарила ей другую собачку. Эта немножко побольше, но тоже. — прелесть; и зовуть ее „Turlurette“... И она уже становится на заднія лапки!..

Спиридонъ Ивановичъ предложилъ тостъ за здоровье „Turlurette“... Мимочка смѣялась, кокетничала, пила шампанское, чобаясь со Спиридономъ Ивановичемъ, и блистая слегка опьянѣвшими глазками, откровенно говорила, что никогда, никогда еще ей не было такъ весело!

А папан смотрѣла на нихъ съ другого конца стола и умилялась.

На слѣдующее утро взволнованная папан явилась къ тетѣ Жюли для переговоровъ. Переговорили и о курсомъ имѣнія, и о танцовщицѣ и ея дѣтяхъ, и о вче-

рашнемъ поведеніи Спиридона Ивановича. Рѣшено было повести на него серьезную атаку. Тетя Жюли великодушно вызвалась помогать и повела дѣло такъ ловко, что въ какія-нибудь двѣ-три недѣли бѣдный Спиридонъ Ивановичъ былъ окончательно опутанъ, оцѣпленъ, и оставалось назначить день свадьбы.

Мамап не помнила себя отъ радости. Прежде, можетъ быть, она и мечтала о чемъ-нибудь еще болѣе блестящемъ; но теперь, въ ихъ ужасномъ безвыходномъ положеніи, послѣ всѣхъ этихъ передрагъ и непріятностей съ первымъ женихомъ, Спиридонъ Ивановичъ казался такимъ кладомъ, какого уже не надѣялись и найти. Да и строго разбирая, чѣмъ не женихъ? Генераль, богатъ, кажется, человѣкъ добрый... Вотъ танцовщица и ея дѣти!.. Ну, да нельзя же въ самомъ дѣлѣ, чтобъ все ужъ было такъ безъ сучка, безъ задоринки. Если только онъ не будетъ разоряться на эту семью, то въ сущности Мимочкѣ нечего и обращать на это вниманія.

И мамап, и Мимочка совсѣмъ выбились изъ силъ въ хлопотахъ о приданомъ. Женихъ торопилъ со свадьбой и нельзя же было заставить почтеннаго человѣка ждать какъ какого-нибудь мальчишку! Къ тому же мамап и сама слишкомъ намучилась съ первымъ женихомъ, чтобъ не желать теперь ковать желѣзо, пока оно было горячо.

Главные статьи приданаго—бѣлье, шубы, серебро—были уже на лицо. Пришлось только спарывать княжескую корону. Но платья нужно было частью передѣлывать, частью шить заново. Въ шестнадцать мѣсяцевъ промежутка между женихами мода сильно шагнула впередъ.

Тетушки и дядюшки, переговоривъ и посовѣтовавшись между собою, сдѣлали Мимочкѣ новые подарки. Не скупился на подарки и Спиридонъ Ивановичъ. Все шло прекрасно. Машап ликовала. Мимочка глотала мышьякъ, пила пирофосфорно-желѣзную воду, примѣряла новыя платья, принимала поздравленія и щелкала коробками и футлярами отъ Вальяна, Арндта и Бѣстеля, любуясь подносимыми ей брильянтами, сапфирами и изумрудами.

Всѣ радовались за нее; всѣ поздравляли ее душевно, сердечно, искренно, — желали ей всего, всего хорошаго, и твердили хоромъ: „Ну, слава Богу, слава Богу“!

VI.

И вотъ назначенъ не только день, но и часъ свадьбы... Прическа Мимочки окончена. Гюстава выпроваживаютъ изъ комнаты. Мимочка надѣваетъ подвѣчное платье, украшенное гирляндами и букетивами померанцовыхъ цвѣтовъ, съ длиннымъ треномъ изъ толстаго бѣлаго фая, подбитаго бѣлымъ же лѣонскимъ атласомъ, чудное платье, выписанное отъ m-me Lesserteur. Мимочка нѣсколько озабоченно щурится, оглядывая себя въ зеркало. Лицъ сидитъ восхитительно.

Остается наколотъ вуаль и цвѣты, monsieur Gustave снова принимается за дѣло. Его торопятъ. Кажется, шаферъ уже прѣхалъ. Да, да, шаферъ сейчасъ прѣхалъ... Женихъ уже въ церкви... Пора!

Сейчасъ, сейчасъ Мимочка будетъ готова. Я смотрю на нее и невольно мною овладѣваетъ нѣкоторое вол-

неніе, невольно я забѣгаю мысленно впередъ и вижу уже свѣтлую церковь, гдѣ толпа празднично одѣтыхъ родныхъ и знакомыхъ переговаривается и переглядывается въ ожиданіи невѣсты; вижу и толстаго Спиридона Ивановича, сіяющаго орденами, чистенькой лысиной и новыми густыми эполетами.

Вотъ въ толпѣ пробѣгаетъ движеніе, разговоры стихаютъ, всѣ головы оборачиваются. На клиросѣ раздается торжественное пѣніе, — и Мимочка показывается на порогѣ церкви. Дядя Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ лентѣ Бѣлаго Орла ведетъ ее подъ руку по мягкому ковру. Какъ она мила! Кланусь, цвѣты флеръ-д'оранжа и бѣлое тюлевое облако не украшали болѣе изящной, болѣе очаровательной головы.

„Гряди, гряди, голубица“...

Но знаете ли вы, куда вы грядете, бѣдная голубица? Подумайте, Мимочка, не остановиться ли, пока еще не поздно?..

„Зачѣмъ?.. И о чемъ тутъ думать. Всѣ такъ выходятъ. Вѣдь надо же когда-нибудь сдѣлать этотъ шагъ. Вѣдь надо же. Куда же въ самомъ дѣлѣ дѣваться“?!...

— Но вы блѣдны, Мимочка; вы опускаете рѣсницы, и восковая свѣча слегка дрожить въ вашей маленькой ручкѣ... Вамъ страшно? Вамъ стыдно?

— Нѣтъ, но какъ-то жутко и неловко...

Въ церкви, кажется, холодно... Или это лифъ слегка жметъ... Что-то странное, непріятное... И потомъ всѣ смотрятъ!..

Но я брежу. Мимочка вовсе не въ церкви. Она еще у себя въ комнатѣ и стоитъ передъ большимъ зеркаломъ; она не въ силахъ оторваться отъ созерцанія новаго платья.

Туалетъ ея оконченъ. Вуаль и цвѣты необыкновенно къ лицу невѣстѣ, и всѣ говорятъ ей это; но Мимочка уже не улыбается своей привычной однообразной улыбкой. Она слегка волнуется. На щекѣ ея выступаетъ розовое пятнышко, рука слегка дрожить, протягиваясь за перчаткой. Отчего это ей такъ холодно?

Волнуются и всѣ окружающіе ее. Горничная Дуныша гримасничаетъ, глотая слезы. Люлюшка или Tig-lurette визжитъ и лаеетъ, обиженная тѣмъ, что ее отгоняютъ отъ трона Мимочки. Невѣсту окружаютъ, оглядываютъ со всѣхъ сторонъ, оправляютъ на ней платье, вуаль, подаютъ ей духи, перчатки...

Пора, Мимочка, пора! Идите теперь въ залу; надо еще благословить васъ. Женихъ уже въ церкви... торопитесь; васъ ждутъ...

Оглянитесь же въ послѣдній разъ на вашу дѣвическую комнатку, оглянитесь на вашу розовую комнатку, въ которой вы кушали *chocolat mignon* и читали французскіе романы, и проститесь съ ней! Вы уже не вернетесь сюда. Что-то ждетъ васъ въ новой жизни?

Мимочку благословили. Маман слегка прослезилась, обнимая и цѣлуя поблѣднѣвшую дочь. „Тебѣ не дурно, Мими?“ — „Нѣтъ, нѣтъ, ничего“...

Мимочка спускается съ лѣстницы. У подъѣзда на тротуарѣ стоитъ уже группа любопытныхъ зѣваетъ: заплаканная горничная Дуняша, кухарка, прислуга сосѣдей, посторонніе зрители...

Тетя Жюли, мальчикъ съ образомъ и невѣста садятся въ карету. Лавей захлопываетъ дверцу и вскакиваетъ на возлы.

Скоро карета исчезаетъ за угломъ Литейной.
Прощайте, Мимочка; будьте счастливы!

Вы ожидали, можетъ быть, Мимочка, что я послѣдую за вами и въ церковь, и далѣе, и далѣе... Нѣтъ, зрителей на вашей свадьбѣ довольно и безъ меня. Взгляните только на это сборище людей, толпящихся съ разрѣшенія городскихъ на широкое тротуарѣ Литейной вдоль длинной вереницы каретъ. Взгляните на этихъ швеекъ, горничныхъ, салопницъ, молодыхъ и старыхъ, зазѣвавшихся на ходу съ узелками и картонками въ рукахъ; онѣ не въ силахъ устоять противъ искушенія полюбоваться орденами и эполетами вашихъ дядюшекъ, свѣтлыми элегантными туалетами вашихъ тетюшекъ и главное дожидаться васъ, — васъ, Мимочка, — чтобъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на виновницу торжества.

Онѣ ждуть васъ... Видите ли вы, какъ онѣ приподнимаются на ципочки, какъ вытягиваютъ шею при нашемъ приближеніи. Можетъ быть, онѣ и знаютъ что-нибудь о васъ; можетъ быть, одна изъ этихъ салопницъ сообщаетъ теперь остальнымъ самыя вѣрныя или самыя

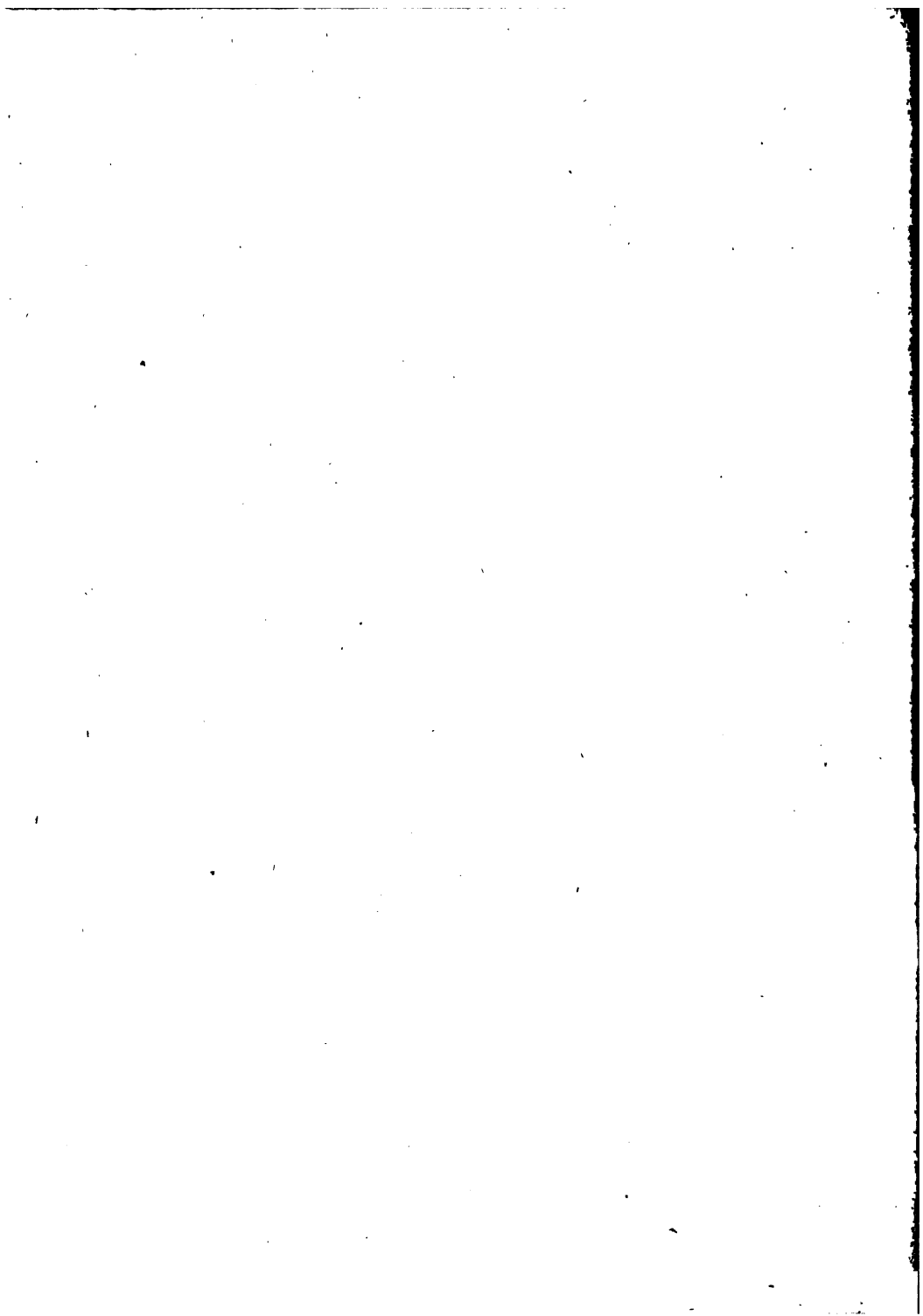
невѣрныя о васъ свѣдѣнія; можетъ быть, онѣ обмѣниваются, глядя на васъ, сердобольными замѣчаніями въ родѣ схваченныхъ и подслушанныхъ у нихъ великимъ авторомъ „Анны Карениной“.

„Экая милочка, невѣста-то, какъ овечка убранная!
А какъ ни говорите, жалко нашу сестру!“

II.

МИМОЧКА НА ВОДАХЪ.

— Мимочка худѣеть, Мимочка блѣднѣеть, Мимочка скучаетъ...

Мамап тревожится и суетится; Спиридонъ Ивановичъ крихтитъ и хмурится; бѣби реветъ и капризничаетъ...

Таковъ въ общихъ чертахъ строй жизни Мимочки, — а вѣдь какъ-было хорошо началось!..

Прямо изъ-подъ вѣнца молодые уѣхали за границу. Доктора давно послали Спиридона Ивановича на воды, и еще до встрѣчи съ невѣстой у него положено было съѣздить лѣтомъ за границу. Неожиданная женитьба не измѣнила заранѣе принятаго рѣшенія, и, взявъ трехмѣсячный отпускъ, Спиридонъ Ивановичъ уѣхалъ съ молодой женой въ Виши.

Ѣхали съ возможнымъ комфортомъ, и Спиридонъ Ивановичъ былъ такъ заботливъ, такъ внимателенъ дорогой, что Мимочка должна была сознаться въ томъ, что съ нимъ еще лучше и удобнѣе путешествовать, чѣмъ съ мамап. Положимъ, по прїѣздѣ въ Парижъ, она была все-таки утомлена, и главное такъ энервирована, такъ энервирована, что цѣлый день плакала и подумывала

уже о томъ, не лишить-ли себя жизни, такъ какъ ей казалось, что больше ей ничего не остается. Парижъ былъ мраченъ, страшень, отвратителенъ... Солнце померкло. И дождь лилъ, лилъ, лилъ... И она плакала, плакала... Слезы эти, конечно, смущали нѣсколько Спиридона Ивановича, но что-жь ему было дѣлать, въ самомъ дѣлѣ?.. Дождь—такъ дождь! на все Божья воля... И онъ только барабанилъ по столу пальцами и сердился на прислугу.

Но когда молодые пріѣхали въ Виши, гдѣ ихъ ждала заранѣе приготовленная для нихъ уютная квартирка съ балкономъ на людной бульваръ, когда они вкусно и сытно пообѣдали въ этой веселенькой свѣтлой квартиркѣ, и когда они, наконецъ, распаковали свои сундуки и чемоданы, — все стало опять хорошо и весело. Мимочка увидѣла, что какъ бы то ни было, а жить еще можно и, можетъ быть, будетъ еще и очень пріятно. Она отерла слезы и занялась развѣшиваньемъ своихъ новыхъ платьевъ.

Потомъ послали за докторомъ. Пришелъ молодой черноглазенькій французъ, красивый и говорливый. А какъ онъ говорилъ по-французски,—Царица Небесная, какъ онъ говорилъ! Да что докторъ! Всѣ, всѣ кругомъ, начиная съ сѣдовласаго хозяина меблированныхъ комнатъ и кончая Жозефомъ, четырехлѣтнимъ сыномъ портѣе, всѣ были такъ любезны, изящны, живы, веселы... Мимочкѣ казалось, что она пріѣхала на родину. Аптекарь, къ которому молодые, сейчасъ же по пріѣздѣ, зашли за ревенемъ и магнезіей, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на jeune premier Михайловскаго театра, такъ что Мимочка даже покраснѣла, когда Спиридонъ Ивановичъ,

получивъ свою магнезію, принялся разспрашивать молодого человѣка еще о какихъ-то снарядахъ... А почтальонъ былъ очень похожъ на знакомаго куафѣра съ Большой Конюшенной.

Спиридонъ Ивановичъ немедленно и съ полнымъ усердіемъ приступилъ къ своему леченію. Онъ любилъ и умѣлъ лечиться. Не довольствуясь пунктуальнымъ исполненіемъ предписаній пользующаго его врача, онъ совѣщался потихоньку и съ другими врачами, совѣщался и съ больными, съ которыми знакомился въ ваннахъ и у источниковъ, совѣщался съ аптекаремъ и другими своими поставщиками, накупилъ груды медицинскихъ книгъ, брошюръ и лечебниковъ, накупилъ врачебныхъ винъ и лекарствъ по газетнымъ объявленіямъ, каждый день находилъ въ себѣ новую болѣзнь, и такъ подробно, такъ многозначительно излагалъ доктору свои болѣзненные ощущенія, что молодой французъ, выслушивая его съ глубокомысленнымъ и вѣжливымъ участіемъ, въ то же время не безъ нѣжнаго состраданія поглядывалъ украдкой на блѣдную, хорошенькую Мимочку и, покручивая концы шелковистыхъ усовъ, говорилъ ей взглядомъ: „Бѣдняжка! И такъ мила!..“

Спиридонъ Ивановичъ рѣшилъ лечить и Мимочку отъ малокровія и нервовъ. Мамап такъ просила его объ этомъ! И Мимочка стала пить source Mesdames, и брать ванны, и похаживать по' парку. Но такъ какъ ея леченіе было все-таки менѣе сложно и серьезно, чѣмъ леченіе Спиридона Ивановича, то у нея оставалось еще много свободнаго времени, которое она посвящала разглядыванью прохожихъ и разглядыванью своихъ новыхъ

платьевъ. И то, и другое занятіе было ей по сердцу, и она не скучала. Сезонъ былъ изъ удачныхъ, изъ блестящихъ. На-водахъ былъ Штраусъ, была Патти, былъ англійскій государственный человѣкъ съ женой, американскій богачъ съ дочерьми, а сколько вожотокъ, сколько аристократовъ!.. Было много романовъ, два-три скандала... Погода стояла чудная, жаркая, пожалуй, даже слишкомъ жаркая. Но зато какія прогулки, какія кавалькады вечеромъ по берегу Алье, какіе концерты и танцевальныя вечеринки въ казино! Конечно, Мимочка ни съ кѣмъ не знакоилась — общество на водахъ такъ смѣшано! — но и вчужѣ забавно было поглядѣть на чужіе туалеты, на чужія интриги. Вообще ей было весело. И въ отвѣтъ на письма дузины Зины и подругъ ея, трехъ сестеръ Полтавцевыхъ, которыя спрашивали ее, счастлива-ли она, Мимочка писала: „Такъ счастлива, такъ счастлива... *Jamais je ne me suis tant amusée qu'à Vichy. Figurez-vous...*“ и т. д.

Время летѣло и пролетѣло быстро и незамѣтно. Курсъ леченья Спиридона Ивановича кончился. Онъ похудѣлъ, но чувствовалъ себя бодрѣе и здоровѣе. Мимочка тоже расцвѣла и похорошѣла на чистомъ воздухѣ южной Франціи. Оставался еще мѣсяцъ отпуска. Спиридонъ Ивановичъ предложилъ женѣ на рѣшеніе, гдѣ провести этотъ мѣсяцъ: въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Парижѣ?.. Брошюрка доктора Сулигу рекомендовала для послѣдовательнаго леченія тихій уголокъ Швейцаріи, но Мимочка предпочла Парижъ. Спиридонъ Ивановичъ охотно подчинился этому рѣшенію, и, щедро заплативъ квартирной хозяйкѣ, черномазенькому доктору и прочимъ, мо-

лодые уложили свой багажъ и вернулись въ Парижъ, гдѣ и начался настоящій медовый мѣсяць. Спиридонъ Ивановичъ получилъ къ этому времени кругленькую сумму отъ своего арендатора, и Мимочка блаженствовала, покупая направо и налево все, что ей нравилось... О, ея медовый мѣсяць!.. Стояли они въ дорогомъ и хорошемъ отелѣ. Утромъ генераль вставалъ первый и, напившись кофе, читалъ русскія и французскія газеты, а Мимочка долго еще вѣжилась въ постели. Потомъ она вставала, когда хотѣла, и не спѣша приступала къ своему туалету. Каждый день у нея было новое мыло, новые духи, туалетныя воды, помады. А какихъ чулокъ, ботинокъ, подвязокъ накупила она себѣ!.. О, ея медовый мѣсяць!..

Одѣвшись, Мимочка выходила къ мужу, который цѣловалъ ея надушенную ручку, задерживая ее въ своей, и подставлялъ ей для поцѣлуя свою лоснящуюся лысину. Они завтракали котлетками въ папильоткахъ, омаромъ и ордѣврами и, подкрѣпивъ силы, шли гулять или ѣхали кататься, осматривали музеи, окрестности... Передъ обѣдомъ Спиридонъ Ивановичъ возвращался въ номеръ и ложился спать, а Мимочка ѣхала за покупками и покупала, покупала... Потомъ обѣдъ, а послѣ обѣда театръ, циркъ, café-concert... Спиридонъ Ивановичъ хорошо зналъ Парижъ именно со стороны увеселительныхъ заведеній, и такъ какъ онъ держался того мнѣнія, что за границей порядочная женщина можетъ ходить всюду, потому что ея никто не знаетъ, то онъ водилъ жену и въ „Мабиль“, и въ „Бюлье“, и во вся-

кія „Эльдорадо“, чтобы показать ей кокотокъ и съ того, и съ этого берега Сены...

Справивъ, такимъ образомъ, медовый мѣсяцъ, молодые вернулись въ Петербургъ съ опустѣвшимъ кошелькомъ, съ возросшимъ числомъ чемодановъ и картонокъ, съ запасомъ забавныхъ и пріятныхъ воспоминаній, съ упрочившимися дружескими отношеніями.

Всѣ родные встрѣтили Мимочку съ распростертыми объятіями. Теперь это была уже не бѣдная невѣста, которую тетуски не прочь были осадить и унизить при случаѣ... Теперь это была генеральша, дивизіонная командирша, жена почтеннаго и обеспеченнаго человѣка, дама со свѣжими туалетами изъ Парижа, съ положеніемъ въ свѣтѣ.

Вслѣдъ за положеніемъ въ свѣтѣ, Мимочка не замедлила пріобрѣсти и такъ называемое „интересное“ положеніе. Надо сказать правду, что послѣднее положеніе было довольно тягостно, и еслибы татап и Спиридонъ Ивановичъ не ухаживали за ней, какъ за богиней, вѣжета, Мимочка наложила бы на себя руки. Но когда кончилось все мучительное и непріятное, когда наслѣдникъ Спиридона Ивановича, занявъ предназначенное ему мѣсто въ мірѣ печали и слезъ, принялся оглашать своими воплями генеральскія хоромы, и когда Мимочка встала и поправилась, у нея было хорошо на душѣ— и она была довольна. Довольна и тѣмъ, что похорошѣла и пополнѣла, и тѣмъ, что у нея все-таки есть уже свой настоящій, живой бѣби, тогда какъ подруги ея, три сестры Полтавцевы, все еще рисуютъ на фарфорѣ и поютъ итальянскія аріи и цыганскіе романсы, въ тщетной

надеждѣ привлечь этими аріями кого-нибудь, кто бы далъ имъ „une position dans le monde“ и живаго настоящаго бѣби.

А у Мимочки есть уже и то, и другое. И хотя всѣ три сестры Полтавцевы, приѣзжая къ Мимочкѣ, любуются бѣбичкой и цѣлуя врасосъ его пухлыя ручки и ножки, и говорятъ въ одинъ голосъ, что онѣ понимаютъ только бракъ по любви, и что ни одна изъ нихъ не выйдетъ иначе, какъ по любви,—Мимочка отлично знаетъ, что это фразы, и что подвернись тогда Спиридонъ Ивановичъ не ей, а имъ,—всѣ три сейчасъ же пошли бы за него. Шутка-ли? Командуетъ дивизіей, и цѣлая дивизія смотреть ему въ глаза. А что еще ждетъ его впереди? Карьера Спиридона Ивановича далеко не кончена... Глупо было бы отказаться отъ такой партіи.

Отчего же теперь, на шестой годъ замужества, Мимочка скучаетъ? Отчего она худѣетъ и блѣднѣетъ? Чего ей недостаетъ? У нея есть семья. Съ нею ея сынъ, ея мужъ, ея мать. У нея есть деньги, есть экипажи, есть ложа въ Михайловскомъ театрѣ. Чего ей еще? Мимочка и сама не знаетъ, чего она хочетъ. Ничего ей не нужно. Ей просто надоѣло жить. Ей совсѣмъ, совсѣмъ все равно: жить или умереть. Умереть? Да хоть сейчасъ! Она такъ и говоритъ, и бѣдная маман не можетъ слышать этого безъ слезъ и вздоховъ. Она видитъ, что дочь просто больна, что она таетъ, что она съ каждымъ днемъ становится раздражительнѣе, слабѣе... Маман умоляетъ Мимочку посовѣтоваться съ докторомъ Варяжскимъ

(мамап вѣрить въ него какъ въ Бога). А Мимочка упрямится, сердится, говоритъ: „Ah, laissez donc! je me porte à merveille! Je suis tout-à-fait bien!“ И мамап вздыхаетъ, а Мимочка худѣетъ и блѣднѣетъ.

Тетушки тоже озабочены переменною въ наружности Мимочки.

— Но какъ Мими дурнѣетъ!—говоритъ тетя Софи.— И съ чего это она все хвораетъ?

— Старый мужъ,—коротко замѣчаетъ тетя Мари.

— Ну, можно-ли такъ смотрѣть на вещи?—съ упрекомъ говоритъ тетя Жюли.—И потомъ: старый, старый... Enfin elle a un enfant. Qu'est-ce qu'elle a à se plaindre?

— Annette думаетъ, что это роды ее такъ истожили, роды и хлорофирмованье, и...

— Вотъ старину вспомнили! Напротивъ, она тогда такъ поправилась.

— А я убѣждена въ томъ, что она просто отъ бездѣлья хвораетъ,—строго говоритъ тетя Жюли.—Вѣдь она цѣлыми днями палецъ о палецъ не ударитъ. Возьмите у меня Зина: и обѣдъ закажетъ, и чай разольетъ; потомъ идетъ къ Гизье, потомъ поетъ вокализы... Каждая минутка у нея занята. И посмотрите, какою у дѣвочки цвѣтъ лица, какъ она здорова. Говорятъ: Петербургъ, Петербургъ... Вздоръ! Вездѣ можно быть здоровой. А Мимочка... Да веди я такой образъ жизни—я бы давно умерла.

И тетушки говорятъ правду. Мимочка дурнѣетъ, Мимочка скучаетъ, Мимочка ничего не дѣлаетъ. Мамап такъ нѣжно любитъ ее, что всякое занятіе, хотя бы самое пустое и легкое, считаетъ непосильнымъ и обремене-

нительнымъ для Мимі. Всѣ заботы по хозяйству, всѣ заботы о ребенкѣ мамап взяла на себя, предоставляя Мимочкѣ кататься, одѣваться, выѣзжать и принимать. Сначала-было эти занятія и удовлетворяли Мимочку, но теперь и они ей постыли. Да и ничто уже ее не удовлетворяетъ... Говоря словами Шопенгауера,—она потеряла аппетитъ къ жизни...

И рядомъ съ овладѣвающей ею апатіей въ ней нарастаетъ инстинктивное раздраженіе противъ мамап и Спиридона Ивановича, — раздраженіе, близкое къ антипатіи. Она не знаетъ, чѣмъ они ей мѣшаютъ, чего ее лишаютъ. Она только знаетъ, что съ каждымъ днемъ они становятся все болѣе и болѣе чуждыми и тягостными ей. Она смутно чувствуетъ, что тутъ же подлѣ нея они создали себѣ жизнь, въ которой имъ тепло и привольно и въ которой она запуталась и бьется, какъ муха въ паутинѣ. И не выкарабкаться ей изъ этой паутины, потому что соткана она изъ нѣжнѣйшей заботливости о ней же. Ёдетъ ли она въ театръ, на вечеръ — непременно или мамап, или Спиридонъ Ивановичъ сопутствуютъ ей, и она не можетъ сказать слова, сдѣлать шага, который не былъ бы имъ извѣстенъ и не вызвалъ бы ихъ комментаріевъ. Мимочка видитъ, что Спиридонъ Ивановичъ просто ревнуетъ ее, — конечно, даже и тетуски замѣчаютъ это. Но онъ не хочетъ въ этомъ сознаться, и свое недовѣріе маскируетъ словами: „такъ-де не принято“ ... „это неловко“ ... „такъ не дѣлается“... И дѣлается все такъ, что Мимочкѣ жизнь съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе постылой.

Мамап и Спиридонъ Ивановичъ скоро жились и

сдружились. Они понимают другъ друга съ полуслова. Служба Спиридона Ивановича, его смотръ, комиссіи, проекты живо интересуютъ татап, которая, еще живя съ покойнымъ папà, сроднилась съ военнымъ дѣломъ. Мимочкѣ же все, относящееся къ служебной дѣятельности мужа, кажется глупымъ и скучнымъ. Ей кажется, что онъ только нарочно болтаетъ передъ татап: „Комиссіи, ре-орга-ни-за-ці-я... Со штыкомъ или безъ штыка“... А татап притворяется, будто ей это интересно! Кромѣ разговора о службѣ, у нихъ есть еще разговоръ о воспитаніи дѣтей, котораго она тоже слышать не можетъ. Мимочка знаетъ, что, какъ ни воспитывай дѣтей, какія книжки ни читай, все равно дѣти будутъ кричать и пачкать пеленки, а потомъ вапризничать и не слушаться. И никакихъ теорій не нужно. Нужна хорошая няня, а для этого нужны хорошія деньги. Чего же они переливаютъ изъ пустаго въ порожнее?

Но хуже всего, невыносимѣе всего—это ихъ разговоръ о политикѣ. Политика—*bête noire* Мимочки. Она въ газетахъ читаетъ только послѣдній листъ, потому что ее интересуютъ покойники и объявленія о распродажахъ, а татап и Спиридонъ Ивановичъ осиливаютъ всю газету отъ А до Z; затѣмъ каждый день за обѣдомъ пережевываютъ передовую статью. Эти толки о Бисмаркѣ, о Вильгельмѣ, объ Италіи и Австріи, о скучнѣйшей Болгаріи — непременно сведутъ съ ума Мимочку или сведутъ ее въ могилу. Чтò ей Кобургскій, чтò ей Баттенбергъ?! Ей двадцать-шесть лѣтъ; ей бы теперь надо жить, смѣяться, радоваться, а не сидѣть здѣсь, между

сѣдой папан и лысымъ Спиридономъ Ивановичемъ, который сопить, и харкаетъ, и плюетъ, и подливаетъ себѣ въ вино амер рисон. И Мимочка, сердясь на Баттенберга, капризно отодвигаетъ отъ себя тарелку съ котлетами, которыя опротивѣли ей, какъ и все у нея въ домѣ, и говоритъ: „Encore ce Battenberg! П m'agace à la fin!“

И папан вздыхаетъ, а Спиридонъ Ивановичъ хмурится.

Вотъ Нетти Полтавцева вышла замужъ за молодого человѣка, — положимъ, за легкомысленнаго и ненадежнаго молодого человѣка, — но какъ они живутъ, Боже мой, какъ они живутъ! Правда, что они проматываютъ капиталъ, и старики Полтавцевы со страхомъ и неодобрительно покачиваютъ на это головами. Правда, что поклонникъ Нетти какъ бы крѣпче и крѣпче приростае къ дому, такъ что многіе уже, говоря о немъ, многозначительно улыбаются; правда, что и сама Мимочка вслѣдъ за папан и тетками повторяетъ, что Нетти на опасной дорогѣ; правда, что и сама Мимочка, по совѣту тети Жюли, умышленно опаздываетъ срокомъ при отдачѣ визитовъ Нетти, — но что-жъ изъ этого? зато Нетти веселится, Нетти живетъ... Нетти одѣвается эксцентрично, Нетти ѣздитъ въ оперетку, въ маскарады, въ рестораны, смѣется надъ всѣмъ и всѣми и довольствуется мужскимъ обществомъ. О ней много говорятъ и нехорошо говорятъ; но она смѣется и надъ этимъ. Мужъ терпитъ, и всѣ терпятъ... И вокругъ Нетти жизнь и веселье играютъ и искрятся, какъ шампанское, которое не сходитъ у нея со стола.

Прежде Мимочка была ея подругой; но теперь па-

мап и Спиридонъ Ивановичъ наложили veto на эту дружбу. Они находятъ Нетти слишкомъ легкомысленной и видятъ тутъ дурной примѣръ для Мимочки. И Мимочка не отдаетъ ей визитовъ, потому что, конечно, разъ она на опасной дорогѣ... Но Мимочкѣ очень жаль, что она на опасной дорогѣ, потому что не будь она на опасной дорогѣ — ей было бы такъ весело у Нетти... Она все-таки добрая, эта Нетти, и такъ смѣшно болтаетъ, и такая бойкая... Да что Нетти, Мимочкѣ и у трехъ сестеръ Полтавцевыхъ веселѣе, чѣмъ у себя дома. Онѣ поютъ, играютъ, танцуютъ, мечтаютъ... Онѣ всегда влюблены, всегда говорятъ о капитанахъ и поручикахъ, о поклонникахъ Нетти... У нихъ есть мечты, надежды, планы на будущее; у нихъ все впереди. А она? Чего ей ждать? На что надѣяться? Жизнь исчерпана. Иллюзій никакихъ. Она знаетъ жизнь, знаетъ людей, знаетъ, что такое бракъ, что такое эта пресловутая любовь — une horreur! И тетя Мари еще говоритъ ей: „Смотри, не влюбись!“ Ей—влюбиться! Да ей и жить-то не хочется... И лучшіе годы ушли, ушли безвозвратно... Она уже старуха. Ей двадцать-шесть лѣтъ. Да, конечно, это — старость... Она чувствуетъ себя такой старой, старой, такой отжившей...

И Мимочка скучаетъ, и Мимочка худѣетъ и блѣднѣетъ.

Къ веснѣ нервное разстройство ея доходитъ до такой степени, что когда въ одинъ прекрасный вечеръ Спиридонъ Ивановичъ предлагаетъ дамамъ на обсужденіе вопросъ, гдѣ имъ провести лѣто: въ деревнѣ или на дачѣ, — съ Мимочкой дѣлается истерическій припадокъ,

настоящій истерическій припадокъ — съ хохотомъ, крикомъ, конвульсіями... Матап въ отчаяніи. Вотъ до чего дошло! И чего она смотрѣла, какъ допустила?!

Скорѣе, скорѣе надо принять энергическія мѣры. Теперь Мими сдается; она согласна посоветоваться съ докторомъ Варяжскимъ. Матап такъ вѣритъ въ Варяжскаго! Онъ принималъ у Мимочки, онъ разъ уже спасъ ее отъ смерти, онъ знаетъ ея натуру... И чудесный человекъ, внимательный, веселый... Не мальчишка какой-нибудь, а солидный почтенный человекъ, профессоръ... Матап вѣритъ въ него какъ въ Бога. Теперь все спасеніе въ докторѣ Варяжскомъ. Какъ онъ скажетъ, такъ они и сдѣлаютъ. Скажетъ: ѣхать на Мадеру — поѣдутъ на Мадеру... Спиридонъ Ивановичъ далъ денегъ. Нельзя останавливаться передъ расходами, когда дѣло идетъ о сохраненіи жизни и жизни близкаго человека. Какъ Варяжскій скажетъ, такъ они и сдѣлаютъ.

— Кого я вижу! Мое почтеніе! — говоритъ докторъ Варяжскій, впуская въ свой кабинетъ матап и Мимочку и мелькомъ оглядывая, сверхъ очковъ, пріемную, полную паціентовъ всякаго вида и возраста, шушукующихъ по угламъ и перелистывающихъ журналы въ ожиданіи очереди.

Мимочка, войдя въ кабинетъ, устало опускается въ мягкое кресло около письменнаго стола и слабымъ голосомъ, неохотно и односложно, отвѣчаетъ на разспросы доктора, а матап переводитъ озабоченный взглядъ съ доктора на дочь и обратно, стараясь прочесть что-ни-

будь въ выраженіи его лица. И испуганное и любящее воображеніе видитъ уже за спиной любимой дочери страшные, грозные призраки: чахотка, смерть отъ истощенія... Но нѣтъ, докторъ спокоенъ, докторъ веселъ.

— Такъ вы думаете, Кронидъ Ѳедоровичъ, что можно побѣдить эту ужасную слабость?

— Да, я думаю, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

— Ахъ, дай Богъ, дай Богъ!.. Но, знаете, она не все вамъ говоритъ. Она такъ терпѣлива, такъ терпѣлива; но вѣдь я вижу, какъ она страдаетъ!—И шатап, перебивая Мимочку, начинаетъ, съ волненіемъ и грустью въ голосъ, рассказывать Крониду Ѳедоровичу подробнѣйшимъ образомъ о томъ, какъ Мимочка задыхается отъ восхожденія на лѣстницу, какъ она плачетъ безъ всякаго повода, какъ она сердится на горничную, на баби, какъ она худѣетъ, что видно по ея лифамъ, какъ вчера она скушала за обѣдомъ только пол-котлетки, а сегодня и т. д.

— Такъ-съ, — говоритъ докторъ, прописывая рецептъ. — Ну, а что вы думаете дѣлать лѣтомъ?

— Ахъ, Кронидъ Ѳедоровичъ, это главное, съ чѣмъ мы къ вамъ пріѣхали. Какъ вы скажете, такъ мы и сдѣлаемъ. Куда бы вы насъ ни послали... вы знаете, мы не стѣснены ни деньгами, ни временемъ. Я уже думала, что, можетъ быть, морскія купанья... за границей...

— Да, конечно; хорошо и за границей. А что бы вы сказали о Кавказѣ? Вы не бывали на Кавказѣ?

— Нѣтъ; но я отъ многихъ слышала, что тамъ все такъ еще примитивно, не устроено... Ни квартиръ, ни

докторовъ... Говорять, ужасные коновалы... И ёсть нечего...

— Ну, все это очень преувеличено. И поёсть что найдется, не такъ же ужъ мы избалованы. А что касается докторовъ,—вёдь вы, кажется, дёлаете мнё честь довёрять мнё?..

— О, Кронидъ Оедоровичъ, вы!.. Въ васъ я вёрю какъ въ Бога!.. На васъ вся моя надежда!

— Ну, такъ изволите видёть, другого доктора вамъ и не понадобится. Я самъ буду лечить Марью Ильинишну...

— Какъ, вы будете тамъ?.. О, это мёняетъ вопросъ... Если вы тамъ будете... Когда же вы тамъ будете?

— Вотъ къ началу сезона; знаете, ужъ гдё дамы, тамъ и я. А тамъ все дамы. Желёзноводскъ такъ и зовутъ: дамская группа.

Мимочка нёсколько оживляется. Ей хочется ёхать на Кавказъ. Нетти провела лётъ въ Кисловодскё и вернулась съ очень пріятными воспоминаніями. Тамъ она, главнымъ образомъ, и эмансипировалась, и оттуда же вывезла своего нынёшняго обожателя. А главное, Мимочка сейчасъ, сидя здёсь, впервые сознала ясно, чего именно ей хочется. Ей хочется уёхать куда-нибудь одной. Она возьметъ съ собой Катю-горничную и уёдетъ, а они всё пускай дёлають, что хотять. Докторъ отмёчаетъ про себя это оживленіе и продолжаетъ, изрёдка косясь на Мимочку, сообщать патап необходимыя свёдёнія о Желёзноводскё. Мимочка поёеть желёзные воды и покупается въ ваннахъ мёсяца два, а тамъ еще съёздитъ на мёсяць въ Кисловодскъ, такъ сказать, для полировки, и

къ осени она такъ поправится, что ее узнать нельзя будетъ.

— Дай Богъ, дай Богъ! — говоритъ маман съ недоувѣрчивой и грустной улыбкой, и, деликатно просунувъ въ руку доктора красненькую бумажку, она выходитъ вслѣдъ за Мимочкой изъ кабинета, пропуская очередную пациентку.

— Что-жь, Мимй, — говоритъ маман, садясь въ карету подлѣ дочери: — что ты скажешь о его идеѣ? Я думаю, что слѣдуетъ ѣхать. Разъ онъ самъ тамъ будетъ... Ты бы поѣхала?

Мимочка молчитъ. Ея минутное оживленіе снова смѣняется выраженіемъ угнетенности и апатіи. Маман, взглянувъ на нее, умолкаетъ на пять минутъ, по истеченіи которыхъ она повторяетъ свой вопросъ.

— Ну, что говорить объ этомъ! — отвѣчаетъ Мимочка. — Мало ли чего я хочу... А онъ же скажетъ... Онъ опять скажетъ... (Мимочка задыхается.) Онъ скажетъ: въ деревню! — И Мимочка заливается горькими слезами.

Маман въ отчаяніи и старается улыбнуться. — Ну, полно, полно, не волнуйся такъ, голубка!.. Никогда мы не поѣдемъ въ деревню... Онъ тебя такъ любитъ... Онъ сдѣлаетъ все, чего ты захочешь. *Nier encore il m'a dit...* Полно, не плачь же; это такъ истощаетъ!.. Гдѣ твой *sel de vinaigre*?.. Понюхай, голубка, это ты устала... Куда же мы: къ Жюли или въ лавки?

— Къ Кнопу, — рыдая, говоритъ Мимочка: — мнѣ надо къ Кнопу.

Вдуть къ Кнопу. Дорогой дамы продолжаютъ обсу-

ждать совѣтъ доктора Варяжскаго. Понюхавъ *sel de vipaigre* и высморкавшись, Мимочка высказывается опредѣленнѣе. Она бы поѣхала, конечно, безъ Спиридона Ивановича (ему, впрочемъ, и нельзя ѣхать). Бѣби тоже пускай останется съ маман. Взять его съ собой Мимочка не можетъ. Она и то больна отъ дѣтскаго крика, а если за ней еще будутъ вездѣ таскать ребенка,—она никогда не поправится. Къ тому же, вести бѣби—значить вести няньку и подняньку, и доктора. Варяжскій не лечитъ дѣтей. Чтó они будутъ дѣлать безъ дѣтскаго доктора? Маман развѣ хочетъ уморить бѣби? Нѣтъ, пускай она съ нимъ здѣсь останется, а Мимочка уѣдетъ одна, съ Катей...

Маман соглашается съ Мимочкой во всемъ, кромѣ одного пункта. Отпустить безъ себя дочь, у которой дѣлаются обмороки и припадки, отпустить ее съ молодой и неопытной дѣвчонкой,—нѣтъ, это немислимо. Маман сама поѣдетъ съ ней. А кто же останется съ бѣби? Можетъ быть, тетя Жюли возьметъ его съ няней въ себѣ на дачу? Ну да, она возьметъ его!.. У Кнопа всѣ заботы мгновенно поглощаются заботой о выборѣ зонтика. Мимочка переворачиваетъ весь магазинъ въ поискахъ за ручкой зонтика, которую она видѣла чуть ли не во снѣ. Мимоходомъ она находитъ много новыхъ и полезныхъ, практичныхъ и удобныхъ предметовъ, которые могутъ ей пригодиться въ предстоящей поѣздкѣ, и забираетъ ихъ. Такъ что, когда она садится съ маманъ въ карету, за ними выносятъ ворохъ пакетовъ и картонокъ. Мимочка имѣетъ нѣсколько освѣженный и успокоившійся видъ.

— Ты не слишкомъ ли утомилась, Мимй? Можетъ

быть, отложить Жюли до другого раза? — спрашивает маман.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужь лучше за одно, — говоритъ Мимочка, закрывая глаза.

Тетя Жюли принимаетъ по средамъ. Утромъ у нея визиты и чай; вечеромъ — карты и черезъ среду — танцы для Зины и молодежи.

Тетя Жюли — почтенная и умная женщина съ большимъ характеромъ. Сестры говорятъ о ней: „Julie est une femme de beaucoup d'esprit, mais elle manque de coeur. C'est tout le contraire d'Annette“.

Тетя Жюли — безупречная жена, хозяйка и мать. Она прекрасно воспитала двухъ старшихъ дѣтей: Вову, румянаго кавалериста, и Зину, получившую образование у Труба. И Вова, и Зина составляютъ гордость и радость матери, которой, впрочемъ, Господь послалъ испытаніе въ лицѣ младшей дочери Вавы, болѣзненной, капризной и причудливой дѣвочки. Ее лечатъ, исправляютъ, но безуспѣшно. И до сихъ поръ Вава — кошмаръ, язва и крестъ тети Жюли.

Когда маман и Мимочка входятъ въ темнолиловую гостиную тети Жюли, они застаютъ тамъ много дамъ и нѣсколько молодыхъ людей, товарищей Вовы. Перекрестный говоръ стоитъ въ комнатѣ.

— А вы опять въ Мерекюль?

— Да, въ Мерекюль. Мы всегда вѣрны Мерекюлю. А вы?..

— Oh, je n'aime pas à avoir une *dacha*; j'aime mieux rester ici. Тогда ѣздишь одинъ день туда, одинъ сюда...

— Et Louise?.. Elle est toujours à Naples?..

— Comment? Le bordeau avec le rose pâle... oh, mais quand c'est fait par une française, par une bonne faiseuse..., c'est délicieux comme mélange...

— А я вчера была на выставѣ...

— Какъ вы находите выставку?

— Ахъ, мы такъ хохотали!.. Мы входимъ и встрѣчаемъ..

— Et tous les soirs elles vont aux îles. Et tous les soirs c'est la même chose. C'est triste...

Мимочку встрѣчаютъ вопросами о ея здоровьѣ. Матан сообщаетъ ближайшимъ сосѣдамъ, что онѣ только что отъ Варяжскаго.

— Какъ это вы вѣрите Варяжскому?— съ ужасомъ говорить тетя Мари, страхивая пепель съ папироски. — Онѣ зарѣзала одну мою знакомую. Она умерла подъ ножомъ. А потомъ оказалось, что вовсе не нужно было дѣлать операциі... C'était une grossesse...

— Ты смѣшиваешь, Мари. Ты это о Лисинскомъ рассказывала.

— Будто? Ну, можетъ быть. Все равно. Всѣ они стоятъ одинъ другого.

— Отчего вы не попробуете гомеопатіи?— говорить дама-гомеопатка. — Я убѣждена, что это такъ помогло бы вашей дочери. Именно въ нервныхъ болѣзняхъ...

— Да, я не понимаю, — продолжаетъ тетя Мари, закуривая новую папироску, — отчего вы ѣздите къ Варяжскому? Вѣдь онѣ акушеръ... Si c'est une maladie de nerfs, отчего вы не посоветуетесь съ Мержеевскимъ?

— А я бы свозила ее просто къ Боткину, — говоритъ тетя Жюли. — Не можетъ быть, чтобы она такъ

худѣла безъ всякой причины. Онъ опредѣлилъ бы болѣзнь и самъ рекомендовалъ бы вамъ специалистовъ, еслибы въ нихъ оказалась надобность. Я вѣрю только Боткину.

— И Боткинъ ошибается, — говоритъ дама-гомеопатка. — Нѣтъ, серьезно, попробуйте гомеопатію. Вѣдь вотъ я сама вамъ на-лицо живая реклама гомеопатіи. Подумайте, сколько я лечилась, у кого я ни лечилась, чего ни принимала... И вотъ только съ тѣхъ поръ, что я лечусь у Бразоля...

— Бразоль, а, Бразоль!.. Я встрѣчала его въ обществѣ. *Il est très-bien.*

— Онъ женатъ?.. На комъ онъ женатъ?

Разговоръ о медицинѣ становится общимъ.

— Бразоль? Да, на комъ же онъ женатъ? А Соловьевъ, вотъ удивительно добросовѣстный докторъ. Какъ же, какъ же... У него своя лечебница... И онъ такъ занятъ, такъ занятъ... А баронъ Вревскій... Вы шутите? Нисколько... Изумительный случай... Вылечилъ слѣпого, настоящаго слѣпого, совсѣмъ слѣпого, котораго я видѣла своими глазами... Это вода или электричество... *Eh bien, il réussit...* Конечно, и вѣра очень много значить... — О, еще бы!.. Напримѣръ, отецъ Іоаннъ... *Oh, ce n'est plus du tout la même chose... Vous croyez? Mais c'est un saint!*..—Грѣшный человѣкъ, *je ne crois pas à sa sainteté. C'est la mode, voilà tout...*—О, не говорите... Еслибы вы его видѣли... маленький, худенькій... и во взглядѣ у него что-то есть, что-то такое свыше... Онъ у насъ пилъ чай и ѣлъ фрукты... Онъ очень любитъ виноградъ... Конечно, надо имѣть вѣру... О, да, вѣра—

это все!.. Но кто еще дѣлаетъ чудеса, — это Батмаевъ... — Qu'est ce que c'est que ce Батмаевъ? est-ce que c'est encore un saint? — Non, non, c'est un médecin... Я могу вамъ дать его адресъ...

Подъ шумокъ папанъ рассказываетъ тетѣ Жюли о томъ, что Варяжскій посылаетъ ихъ въ Желѣзноводскъ, и старается вывѣдать, не возьметъ ли она на лѣто бѣби съ няней. Тетя Жюли возьметъ ихъ къ себѣ съ радостью на все лѣто, если папанъ согласится взять съ собою Ваву въ Желѣзноводскъ. Мержеевскій совѣтовалъ удалить ее на время изъ семьи и велѣлъ ей лѣтомъ принимать желѣзо. И они всѣ вздохнуть свободно, когда Вава уѣдетъ. Она становится невозможна. Всѣ въ домѣ изъ-за нея перессорились. Братъ предсказываетъ, что она кончитъ на висѣлицѣ, и совѣтуетъ отослать ее года на два во Францію или хоть въ Швейцарію, въ какой-нибудь пансіонъ. Отецъ и слышать объ этомъ не хочетъ, онъ всегда держитъ сторону Вавы. Господи, если кто-нибудь возьметъ ее!.. Услуга за услугу. Вава за бѣби, бѣби за Ваву. И дѣло улаживается.

За обѣдомъ папанъ сообщаетъ Спиридону Ивановичу о результатахъ визита къ Варяжскому и о переговорахъ съ тетей Жюли. При упоминаніи о Кавказѣ Спиридонъ Ивановичъ оживляется и приходитъ въ прекрасное настроеніе. На Кавказѣ протекли лучшіе годы его жизни, лучшіе годы его службы. У него и поднесъ много знакомыхъ въ Тифлисѣ, въ Пятигорскѣ. Чудный край, чудныя воспоминанія. Шашлыкъ, кахетинское, нарзанъ и

кавалъблуды въ лунныя ночи! Будь Спиридонъ Ивановичъ свободенъ, онъ и самъ поѣхалъ бы съ дамами. Конечно, пускай Мимй пройдетъ, полечится. Кавказское солнце, желѣзныя воды непременно возстановятъ ея здоровье. Можетъ быть, въ августѣ, ему удастся самому приѣхать за ними. Пускай, пускай ѣдутъ. Одной ей, конечно, нельзя ѣхать. На водахъ чортъ знаетъ какое общество. Но съ татап и съ Вавой можно смѣло ѣхать. Во сколько же приблизительно обойдется имъ такая поѣздка?

Въ Петербургѣ—май. Холодный вѣтеръ поднимаетъ на улицахъ столбы пыли, но яркое солнце, свѣтлыя газовыя вуали и раскрытыя дамскіе зонтики, грохотъ колесъ, смѣнившій величавую тишину зимы,—все это говорить уже о веснѣ, и яснѣе всего говорить о ней чистое, голубое небо, въ которомъ сквозитъ свѣтлая надежда, манящее обѣщаніе. Оно говоритъ, что гдѣ-то тамъ, далеко отъ гранитныхъ набережныхъ и каменныхъ домовъ, отъ пыльныхъ улицъ и скверовъ съ тощей зеленью, идетъ уже весна, настоящая весна съ ея легкимъ дыханіемъ, съ трелями соловьевъ и жаворонковъ, съ ароматомъ сирени и черемухи. Та весна, которую насладится всякій, кто только хочетъ и можетъ вырваться изъ душнаго и пыльнаго города. И кто хочетъ и можетъ—сдѣлать это.

На вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги суета и оживленіе. Артельщики, носильщики снуютъ съ багажемъ, сталкиваясь въ дверяхъ. Въ буфетѣ стучатъ ножи,

звенять стаканы, слышенъ говоръ, восклицанія, шарканье ногъ, суетливый шумъ движущейся толпы.

На платформѣ, передъ высокимъ синимъ вагономъ, стоитъ элегантная группа провожающихъ Мимочку. Толстый Спиридонъ Ивановичъ въ пальто на красной подкладкѣ; высокая и величественная тета Жюли съ длиннымъ лорнетомъ, въ который она брезгливо оглядываетъ окружающую публику; румяный и толстый Вова, любимецъ тети Жюли, ея радость и гордость; красавица Зина въ огромной модной шляпѣ и крошечной модной кофточкѣ, съ двумя бѣленькими болонками, которыя смотрятъ на Божій міръ такъ же надменно и безучастно, какъ и ихъ господа; m-me Lambert, три сестры Полтавцевы подъ густыми вуалями, тета Мари съ сыномъ, тета Софи съ мужемъ. Мимочка сидитъ уже въ вагонѣ съ своей собачкой, которую она не рѣшилась оставить въ Петербургѣ, и нюхаетъ *sel de vinaigre*. Она ужасно устала, и потомъ всё они такъ ей надобли. Ужь поскорѣе бы ѣхать. А тутъ еще Спиридонъ Ивановичъ влѣзаетъ въ купѣ и, еле поворачиваясь между диванами, освѣдомляется о томъ, удобно ли ей?.. Все, все прекрасно!

Вава, худенькая, черноглазая дѣвочка шестнадцати лѣтъ, стоитъ на платформѣ съ отцомъ и, держа его за обѣ руки, даетъ ему честное слово не ссориться съ теткой и вообще быть умницей и не такой, какъ въ Петербургѣ. И Вава, въ свою очередь, беретъ съ него слово, что онъ будетъ писать ей и много, и часто.

Мамап суетливо и озабоченно перешептывается съ тетей Жюли, отдавая ей послѣднія инструкціи насчетъ

баби, няни и остающейся прислуги. Потомъ выраженіе лицъ обѣихъ мѣняется: татап выражаетъ соболѣзную-щее участіе, тета Жюли—терпѣливое смиреніе; очевидно, она говоритъ о врестѣ, который она несетъ,—о Вавѣ.

— Я понимаю, что это обуза, — говоритъ тета Жюли, — но я тебѣ отплачу при случаѣ. И главное, чтобы она не ходила одна.

Двѣ старшія Полтавцевы, улыбаясь m-me Lambert, играютъ съ болонками Зины; младшая, кокетливо вращая глазами, говоритъ Вовѣ, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь.

— А по моему это все-таки сумасшествіе, — говоритъ тета Мари: — ну, куда онѣ ѣдутъ? Вѣдь онѣ тамъ будутъ съ голоду умирать. Я отлично знаю, что Крымъ, что Кавказъ. Голодъ, скука, грязь. Брошенные деньги. И что онѣ такъ вѣрятъ этому Варяжскому? Какъ будто нѣтъ докторовъ за границей?

— Еще бы! — подтверждаетъ тета Софи. — Насъ тоже послали въ Эссентуки, но, конечно, мы поѣдемъ въ Карлсбадъ. Какъ можно! — Послѣдній звонокъ. Вава крѣпко цѣлуетъ отца и, взвизгнувъ, стремительно бросается въ вагонъ, сбивая съ ногъ кондуктора. Тета Жюли обмѣнивается страдальческимъ взглядомъ съ Зиной. Блѣдная Мимочка показывается у окна и улыбается своимъ. Всѣ киваютъ ей, кланяются, улыбаются. *Bon voyage!* *Bon voyage!*

Спиридонъ Ивановичъ смотритъ на нее добрымъ, ласковымъ взглядомъ. И поѣздъ, не дрогнувъ, тихо трогается съ мѣста и выходитъ изъ-подъ темной арки.

Мамап крестится, Мимочка зѣваетъ, Вава выходитъ изъ купэ.

Вотъ и конецъ платформѣ, и конецъ забору, и конецъ огородамъ. Казармы, глядѣвшія издали на отходящій поѣздъ всѣми своими окнами, скрылись, и поѣздъ вылетѣлъ въ чистое поле и понесся на всѣхъ парахъ.

Мамап производитъ осмотръ вещей. Все-ли здѣсь?.. все-ли на мѣстѣ? А гдѣ Вава?..

— Должно быть въ корридорѣ,—лѣнливо говоритъ Мимочка, закрывая глаза.

— Это она, кажется, поеть. Слышите? Какая сумасшедшая!—И Мимочка зѣваетъ.

Мамап нѣсколько смущена тѣмъ, что Вава сейчасъ же отъ нихъ убѣжала. Какъ-то она доведетъ эту странную дѣвочку! Главное, надо дѣйствовать на нее лаской и мягкостью. И отецъ просилъ ее объ этомъ, и Мержеевскій тоже говорилъ. Конечно, такая тонкая, нервная натура. У мамап и у тети Жюли совершенно противоположный взглядъ на воспитаніе. Мамап всегда находила, что тетя Жюли слишкомъ крута съ Вавой.—*On ne prend pas les mouches avec du vinaigre, mais avec du miel.* Мамап покажетъ, что можно ужиться и съ Вавой. Жюли—*est une femme de beaucoup d'esprit, mais elle manque de cœur.* А мамап—напротивъ: у нея сердце на первомъ планѣ, а умъ на послѣднемъ, по ея собственному выраженію. Она будетъ дѣйствовать на Ваву лаской.

Вава стоитъ въ корридорѣ у открытаго окна и во все горло поеть:

„Тучки небесныя“...

Это дико и смѣшно, но тамап, подумавъ, рѣшается оставить ее въ покоѣ. Пускай она стоитъ тамъ и поетъ, — она больная. Сначала надо приручить ее, а потомъ уже стараться перевоспитать ее.

И тамап, осторожно выглянувъ въ щелку двери, садится на свое мѣсто и снова начинаетъ пересчитывать вещи, ошупывая у себя на груди замшевую сумочку съ деньгами.

Мимочка сняла дорожную шляпку отъ Ivgoz, разстегнула кофточку и, лежа на бархатномъ диванѣ, играетъ со своей собачкой, теревитъ ее за уши, гладитъ по голвкѣ и говоритъ съ ней:

— Ну, что, Моничка, ну, что, душка моя? Моничка чаю хочеть? Да?.. Дадуть, дадуть Монѣ чаю. Какъ можно, чтобы мосенька у насъ легла спать безъ чаю! Спроси, Мона, бабушку, гдѣ намъ чаю дадуть? Да, да, Сабинька, чаю.. Du thé... Et du sucre, oui, un peu de sucre.

Въ Любани мосеньку поять чаемъ съ сахаромъ и сухариками. Дамы тоже пьютъ чай, поданный въ вагонъ высокимъ, молодцеватымъ кондукторомъ, на котораго красная подкладка и щедрость Спиридона Ивановича сдѣлали должное впечатлѣніе.

Темнѣеть. Мимочка укладываетъ мосеньку, тамап укладываетъ Мимочку, кондукторъ поднимаетъ диванъ для Вавы, которая располагается надъ тамап, задерживаетъ фонарикъ, и въ купѣ водворяется темнота и тишина, нарушаемая только похрапываньемъ мосеньки, свернувшейся клубочкомъ на своей стеганой перинкѣ.

А поѣздъ летитъ, стуча и гремя, летитъ черезъ рвы,

мости и болота и поетъ свой однообразный, дикій гимнъ, убаюкивающій усталыхъ пассажировъ.

Мамап чувствуетъ себя прекрасно. Уложивъ Ми-мочку, которая сегодня такъ спокойна и ни на что не жалуется, мамап надѣваетъ туфли; снявъ чепчикъ, повязываетъ голову косынкой и съ удовольствіемъ растягивается на диванѣ. Ну, вотъ онѣ и выѣхали. Мамап очень надѣется на то, что воды и перемѣна воздуха благотвельно подѣйствуютъ на ея бѣдную больную. И потомъ Варяжскій будетъ тамъ, а это—главное. Съ этой стороны, мамап совершенно спокойна. Она сознаетъ, что ей и самой пріятно будетъ проѣхать, провѣтриться, отдохнуть на время отъ дразгъ съ прислугой, отъ постоянной мысли и заботы объ обѣдѣ, о говядинѣ, о кашкѣ для бѣби, и его ванночекѣ, о цѣнахъ на сахаръ и свѣчи, о бѣльѣ и керосинѣ. Три мѣсяца полнаго отдыха! За бѣби нечего тревожиться. Онѣ въ надежныхъ рукахъ, и уходъ за нимъ будетъ образцовый. Къ тому же Спиридонъ Ивановичъ будетъ навѣзжать въ Петергофъ и навѣщать его. Къ осени Спиридонъ Ивановичъ ждетъ Монаршей милости и, вѣроятно, дождется. Слѣдовательно, и тутъ все хорошо. А онѣ тѣмъ временемъ проѣдутся, провѣтрятся, соберутъ запасъ силъ и здоровья къ зимѣ. Вава, лежащая надъ головой мамап, можетъ, конечно, надѣлать хлопотъ,—ну, да что Богъ дастъ. Главное, дѣйствовать на нее мягкостью. Катя будетъ вездѣ сопровождать ее; тетя Жюли положила Катѣ жалованье отъ себя и заплатила за проѣздъ ея въ одинъ конецъ. И вообще тетя Жюли очень щедро отпустила и на леченье Вавы, на ея столъ, квартиру, непредвидѣнные расходы. Мамап везетъ

такую кучу денегъ, что навѣрное не будетъ спать ночей изъ страха воровъ. А сестры еще говорятъ, что Жюли скупа. Нѣтъ, она не скупа. Она педантка, она акеуратная, но она не скупа. Напримѣръ, доктору, который будетъ лечить Ваву, она положила двѣсти рублей за лѣто. Мамап находитъ, что это ужасно много. Неужели и Мимочкѣ заплатить Варяжскому столько же? Ну, нѣтъ. Мало онѣ переплатили ему въ Петербургѣ! И ста за глаза довольно. Или ужъ такъ и быть, дать полтораста. Мамап вѣрить въ него какъ въ Бога. И онъ, дѣйствительно, славный, симпатичный человѣкъ... и belhomme. Но все-таки сто—за глаза довольно. Сто?.. полтораста?.. сто?..

И не рѣшивъ этого вопроса, мамап начинаетъ тихо храпѣть.

Мимочка лежитъ на сосѣднемъ диванѣ, граціозно положивъ на руку свою хорошенькую головку. Ей пріятно такъ лежать; ей здѣсь лучше, чѣмъ у себя въ кровати. Тамъ, во время истомившей ее бессонницы, ее окружала такая тишина, такое безмолвіе, но зато въ ней было смятеніе, была буря. Все въ ней дрожало, билось, стучало, колыхалось. Какая мѣла, какое томленіе! А здѣсь наоборотъ, — здѣсь весь шумъ, все безпокойное извнѣ, и это такъ хорошо на нее дѣйствуетъ. Ей пріятны и свисты, и звонки, и это покачиванье и подрагиванье дивана, и стукъ колесъ, и дребезжанье стеколъ, и побрякиванье пепельницы. Этотъ хаотическій однообразный шумъ убаюкиваетъ ее. Ей хорошо такъ лежать, и она думаетъ о своихъ новыхъ платьяхъ. Съ какой шляпкой она будетъ надѣвать свое платье mousses? Она везетъ съ собой пять шляпокъ, но ни одна изъ нихъ не идетъ къ

платью moussе, — развѣ если снять съ черной шляпы голубые цвѣты и положить блѣднорозовые и ленту moussе. И Мимочка обдумываетъ эту шляпку. Но что хорошо, что безспорно хорошо, это — ея амазонка. У нея не было ни одного лифа въ жизни, который бы такъ сидѣлъ. Восторгъ! Когда амазонку принесли отъ Тедески, и Спиридону Ивановичу попался счетъ на глаза, онъ ворчалъ за расходы, и она тогда такъ плакала. Глупая! Чего было плакать, когда лифъ сидитъ такъ дивно. Но съ кѣмъ она будетъ ѣздить? Варяжскій будетъ тамъ. Онъ ей очень нравится. Онъ такой высокій, стройный. Онъ сказалъ: — Я посмотрю, какъ вы будете тамъ скучать. — Можетъ быть, они будутъ сосѣдами. Во всякомъ случаѣ, они будутъ встрѣчаться. Они познакомятся. Это ничего, что онъ докторъ. Онъ такой же генераль, какъ и Спиридонъ Ивановичъ. Они познакомятся и будутъ вмѣстѣ ѣздить верхомъ. Онъ, должно быть, хорошо ѣздитъ верхомъ. Онъ...

И Мимочка, закрывъ глаза, видитъ отчетливо образъ доктора Варяжскаго; понемногу образъ этотъ начинаетъ выглядывать на нее и изъ спинки бархатнаго дивана, и изъ дверей съ зеркаломъ, и изъ дребезжащихъ стеколъ, задернутыхъ синей шторкой, и съ потолка, въ которомъ мерцаетъ синій фонарикъ, задернутый лиловой занавѣской. И вліяніе ли этого образа, довѣріе ли къ своему врачу, усталость ли, только Мимочка засыпаетъ, засыпаетъ безъ хлораль-гидрата, безъ валеріаны, и видитъ во снѣ доктора Варяжскаго.

Вава бодрствуетъ больше всѣхъ. Ей вовсе не хотѣлось спать. Она бы и теперь охотно стояла еще у откры-

таго окна, вдыхая ночной вѣтерокъ, глядя, какъ роца убѣгаетъ за роцей, какъ зажигаются огоньки въ полѣ, какъ загораются на небѣ звѣзды. Но она дала честное слово слушаться, а потому не успѣла тетка заикнуться о томъ, что пора спать, какъ Вава уже лѣзла на верхъ. Теперь ей жаль, что она сюда залѣзла. Ей тутъ душно и скучно; къ тому же надо смиренно лежать, чтобы не будить маман и Мимочку.

Вава рада, что она ѣдетъ на Кавказъ, и главное — ѣдетъ одна. Вава считаетъ, что она ѣдетъ одна. Она знаетъ, что маман и Катя будутъ такъ поглощены заботами о Мимочкѣ и о ея комфортѣ, что имъ будетъ не до нея. И она будетъ свободна. А для нея это — главное: быть свободной и цѣлый день быть на воздухѣ. Какое счастье!

Она будетъ гулять тамъ по горамъ и по лѣсамъ, и никакой французенки или англичанки не будетъ у нея за спиной, чтобы отравлять ей ея удовольствіе. Тамъ будетъ тепло, тамъ будетъ красивая мѣстность: горы, зелень, солнце... Будутъ новыя лица, новыя знакомства. Можетъ быть, тамъ, наконецъ, она увидитъ и узнаетъ тѣхъ хорошихъ, тѣхъ замѣчательныхъ людей, встрѣчи съ которыми она такъ жаждетъ, такъ ждетъ. Такихъ, какъ Вашингтонъ, Кромвель, Вильгельмъ Телль, Жанна д'Аркъ, мать Гракховъ... Не можетъ быть, чтобы такихъ людей не было. Если они были въ исторіи, они были въ жизни, они есть и теперь. Она только не встрѣчала ихъ. Но это случайность. И она еще встрѣтитъ ихъ, потому что ей такъ хочется, такъ хочется познакомиться съ такими людьми, пожить въ ихъ близости, поучиться

у нихъ, возвыситься до нихъ... Никогда она не повѣритъ тому, что весь мѣръ заселенъ такими людьми, какъ ихъ знакомые. Охъ, ужь эти знакомые! Можно ли жить такъ бессмысленно и тупо! Кажется, еслибы жадность, зависть и тщеславіе немножко не подталкивали ихъ, они совсѣмъ заснули бы, застыли бы. И такой жизнью, такой пустой, безцѣльной, бессмысленной и низменной жизнью живетъ большинство тѣхъ, кого она знаетъ. Такъ живутъ ея мать, сестра, тетки... Надъ ней смѣются, ее зовутъ чудачкой и фантазеркой за то, что ей хочется чего-то другого, болѣе благороднаго и осмысленнаго. Она понимаетъ, что должна казаться имъ несносной, но она не можетъ винить себя за это... Отецъ — онъ не такой, какъ они всѣ; онъ-то, голубчикъ, хорошій. Онъ и умень, и добръ, и какъ онъ добръ въ ней! Еслибы не онъ, — она, кажется, давно убѣжала бы изъ дому. Отецъ — прелесть! Но все-таки и онъ труситъ... да, труситъ жены и сестеръ ея и уступаетъ имъ. Зачѣмъ? Онъ чуть-что не прикидывается такимъ же, какъ онѣ, а если и обнаруживаетъ лучшія стороны своей души, то дѣлаетъ это какъ бы шутя, какъ бы подтрунивая надъ собою и извиняясь передъ ними. Зачѣмъ? Чему, кому онъ уступаетъ? Чего боится? Отчего не повернуть по-своему, не повести ихъ за собою? То ли дѣло быть смѣлымъ, твердымъ, сильнымъ... А всѣ, кого она знаетъ, всѣ, всѣ такіе...

Любви стыдятся, мысли гонать,
Торгуютъ волею своей...

Но не можетъ быть, чтобы не было настоящихъ людей.
Она ихъ только еще не встрѣчала. Можетъ быть, въ ихъ

кругу ихъ почти и нѣтъ. Но вѣдь мiръ великъ. Есть же гдѣ-нибудь простые, честные, трудолюбивые и здоровые люди, мужчины энергичные, безкорыстные, великодушные, женщины кроткія, самоотверженныя, терпѣливыя...

Конечно, Вава ихъ узнаеть. Они научать ее, разъяснять ей всѣ ея сомнѣнія. У нея столько сомнѣній! Она уже думала-было написать письмо Льву Толстому; но ей было совѣстно. А потомъ, когда она узнала, что одна ея знакомая писала Льву Толстому, это даже не поправилось ей, и она была очень рада, что не исполнила своего намѣренія. Очень нужно всякой букашѣ беспокоить такое солнце! Надо самой до всего додуматься, а знакомство съ хорошими людьми надо заслужить. И она постарается, она постарается...

Ей кажется, что именно тамъ, куда она ѣдетъ, гдѣ будутъ горы и орлы, гдѣ будетъ чудная природа, тамъ она и найдетъ этихъ хорошихъ людей. Тамъ все будетъ хорошо, и не будетъ тамъ ни жеманства, ни пустословія, не будетъ матери съ ея холоднымъ, враждебнымъ взглядомъ, ни брата съ его насмѣшками и издѣваніями, ни сестры, этой модной картинки... И поймавъ себя на осужденіи ближнихъ, Вава, какъ и всегда, ужаснулась собственной мерзости и злобѣ и сейчасъ же стала горячо молиться Богу, чтобы Онъ простилъ ей ея грѣхи, — и грѣхъ осужденія ближнихъ, и страшный грѣхъ нелюбви къ матери, — чтобы Онъ помогъ ей какъ-нибудь перетерпѣть все *это* и приготовиться къ жизни, чтобы Онъ поддержалъ и не оставлялъ ее и даль бы ей силъ и здоровья душѣ и тѣлу. И съ молитвой на устахъ и

въ мысляхъ, худенькая черноволосая Вава заснула на своей вышкѣ, надъ мѣрно похрапывающей маман и блѣдной, воздушной Мимочкой.

На третьи сутки дамы благополучно высадились въ Ростовѣ, гдѣ предстояла пересадка. Несмотря на комфортъ, съ которымъ онѣ ѣхали, онѣ устали. И Вава, и Мимочка, сидя у стола въ ожиданіи заказаннаго завтрака, смотрѣли настолько кисло и плачевно, что не трудно было признать въ нихъ желѣзноводскихъ больныхъ. Мимочка такъ устала, что даже не въ силахъ была поднести къ носу свою нюхательную соль. И откинувшись къ стѣнѣ, она апатично смотрѣла на бутылки съ пестрыми ярлыками, уставленныя передъ ней. Мосенька лежала подлѣ нея и, высунувъ языкъ, тяжело дышала. Вава тоже уже не искала въ публикѣ ни Вашингтона, ни матери Граховъ... У нея болѣла голова, въ виски стучало, глаза едва смотрѣли... Къ тому же вмѣсто Вашингтона и матери Граховъ она видѣла около себя съ одной стороны знакомую ей по пріемной Мержеевскаго даму, которая трясла головой, съ другой стороны — мальчика въ пляскѣ св. Вита, который то высовывалъ языкъ, то дѣлалъ какія-то странныя тѣлодвиженія.

Да и большинство публики говорило уже о близости минеральныхъ водъ, этой купели Силоамской, къ которой со всѣхъ концовъ Россіи стекались недужные... Блѣдныя истерическія дамы, паралитики, желтолицыя и угрюмые эссентукскіе больные, пятигорскіе больные всякаго рода и вида, все это двигалось и сидѣло въ закуреной, дымной и пыльной залѣ, отдыхая и закусывая въ ожиданіи поѣзда.

Кого-то внесли на носилкахъ. Мимочка закрыла глаза. Боже мой, неужели все лѣто имъ придется видѣть эти ужасы! Кажется, лучше умереть, чѣмъ продолжать это путешествіе.

Но вотъ среди этой невзрачной, разнокалиберной толпы, обращая на себя всеобщее вниманіе, вошелъ въ залу съ городского подвѣзда элегантно одѣтый господинъ лѣтъ тридцати-пяти. За нимъ шелъ огромный черный водолазъ, а носильщикъ несъ изящный чемоданъ и пледъ, стянутый новенькими и красивыми ремнями. Молодой человекъ дошелъ до стола, за которымъ сидѣли Вава и Мимочка, небрежно заплатилъ носильщику, небрежно заказалъ подбѣжавшему лакею блюдо для себя и блюдо для своей собаки, сѣлъ за столъ, не снимая моногля, бѣгло оглядѣлъ Ваву и Мимочку, свинулъ моногль и еще разъ, уже пристальнѣе и внимательнѣе, посмотрѣлъ на Мимочку.

Она никакъ не ожидала встрѣтить такого элегантнаго кавалера въ этой душной грязной залѣ, среди такихъ уродовъ, и пожалѣла о томъ, что недостаточно почистилась и прикрасилась. Вава принялась искренно и довольно громко восхищаться собакой, а Мимочка тѣмъ временемъ разсматривала его блѣдное лицо съ чудесными черными глазами и всѣ подробности его изящнаго туалета.

Мамап, бѣгавшая устроить Катю, вернулась, задыхаясь отъ жары и усталости, и сѣла рядомъ съ нимъ. Дамамъ подали завтракъ. Мимочка неохотно подняла вуаль: ей казалось, что она должна быть ужасна; но она ошибалась, и въ этомъ сейчасъ же убѣдилъ ее взглядъ его черныхъ глазъ, съ удовольствіемъ остановившихся

на ней. Мимочѣвъ стало весело, какъ ей давно не было, и съ этой минуты все ея путешествіе стало ей представляться совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Оно, конечно, немного утомительно, но зато такъ освѣжаетъ, встряхиваетъ, такъ не похоже на петербургскую, монотонную, будничную жизнь.

Мамап принялась болтать, и онъ узналъ, что ее зовутъ Мимочкой, и что она ѣдетъ на Кавказъ. А онъ? Куда онъ ѣдетъ? Можетъ быть, тоже на воды?.. Онъ блѣдень, и что-то въ его взглядѣ, въ углахъ рта говорить объ утомленіи, если не о страданіи... И онъ худъ, у него даже слегка впалыя щеки... Бѣдный, онъ тоже боленъ, тоже страдаетъ... И такъ изященъ, такъ изященъ... А какіе глаза! Ему тоже подали завтракъ, и онъ сталъ ѣсть, а Мимочка украдкой продолжала свои наблюденія. Все въ немъ—и манера ѣсть, и манера сидѣть, и прическа, и платье—обличало человѣка изъ общества.

Вава, между тѣмъ, уже гладила его собаку и собиралась отдать ей половину своего цыпленка; но мамап такъ умоляюще посмотрѣла на нее, что она бросила собаку и приняла свой самый чинный и степенный видъ. Ньюфоундлэндъ, повертѣвшись около нея и оскорбившись ея внезапнымъ равнодушіемъ, подошелъ къ мосенькѣ, пробуя свести съ ней знакомство. Мосенька, проснувшись и увидавъ надъ собой такое чудовище, страшно перепугалась, затрепетала всѣмъ тѣломъ и принялась ожесточенно ворчать и лаять. Молодой человѣкъ отозвалъ ньюфоундлэнда, и дамы узнали, что его зовутъ—Рех. Затѣмъ всѣ продолжали завтракать; но Мимочѣвъ казалось, что

что-то сближает ее съ этимъ молодымъ человѣкомъ,— вѣроятно, общій столъ, накрытый общей скатертью, на которой стояла тарелка съ хлѣбомъ и графинъ съ водой, тоже общіе для обоихъ, или же то, что они оба такъ красивы, молоды, элегантны и такъ непохожи на окружающихъ ихъ захолустныхъ помѣщиковъ и растрепанныхъ, измятыхъ провинціалокъ съ папиросками въ зубахъ. Они завтракали, и глаза ихъ часто встрѣчались и говорили что-то другъ другу. У него были большіе черные глаза; у нея были глаза Мадонны.

Мимочѣй становилось все веселѣе и веселѣе. Эта усталость и легкая головная боль, звонъ стакановъ, шарканье ногъ и говоръ пестрой толпы, все это было что-то новое, начало чего-то... И время до отхода поѣзда пролетѣло незамѣтно.

Онѣ сѣли въ дамское отдѣленіе, а онъ сѣлъ въ со-сѣдній вагонъ, и Мимочѣй стоило высунуться изъ окна, чтобы увидѣть его, такъ какъ онъ тоже выглядывалъ изъ своего окошка.

И опять поѣздъ летитъ, летитъ по зеленой степи, пестрѣющей весенними цвѣтами. Въ дамскомъ отдѣленіи, кромѣ нашихъ дамъ, сидѣла еще одна дама изъ Москвы, съ которой татап сейчасъ же познакомилась. Дама, хоть и была москвичкой, но знала пол-Петербурга и не замедлила найти съ татап общихъ знакомыхъ и даже родственниковъ. Дама бывала на кавказскихъ водахъ и могла дать татап много драгоценныхъ указаній насчетъ гостинницъ, квартиръ, прачекъ и т. п. А татап, въ свою очередь, рассказала ей о Мимочкиной болѣзни, о ея принадлегахъ и бессонницѣ, и дама-москвичка, погля-

дывая на раздумывающуюся и развеселившуюся Мимочку, которая ребячески болтала и смѣялась съ Вавой, не знала, смѣется надъ ней сама или нѣтъ?..

На каждой станціи онъ выходилъ и прогуливался передъ ихъ вагономъ, поглядывая на Мимочку, которая смотрѣла на небо или на станцію. И какъ это сокращало дорогу! Теперь на немъ была уже не шляпа, а круглая дорожная шапочка, которая еще болѣе плала къ нему. Вава скоро замѣтила его манѣвры и сказала Мимочкѣ:—Кажется, этотъ красавецъ для тебя здѣсь прожигается. Какіе у него глупые башмаки!

Мимочка заступилась за него, говоря, что башмаки какъ башмаки, и что она видѣла точно такіе на французскомъ актерѣ въ его бенефисѣ; вѣроятно, это въ модѣ...

Съ наступленіемъ вечера Вава ушла на свой любимый постъ — къ открытому окошку, провожать заходящее солнце... И стоя тамъ и глядя на розовыя и лиловыя облака, поминутно мѣняющія форму, на широкую зеленую степь, Вава испытывала часто находящій на нее приливъ любви къ Богу и людямъ. Ей хотѣлось обнять весь міръ, обнять людей, какъ братьевъ, дать имъ свѣта и тепла, хотѣлось подвига и жертвы, и дѣла, какого-нибудь хорошаго дѣла, не узкаго, какъ этотъ извѣщенный путь съ проложенными на немъ рельсами, а широкаго, безграничнаго, непредѣльнаго, какъ эта степь, какъ небо, какъ море, какъ радость, какъ любовь... Молодой блѣдный мѣсяцъ вырвался уже на потемнѣвшемъ небѣ. Солнце скрылось. Съ его заходомъ степь мѣнялась и окутывалась тѣнями. Пробуждался міръ духовъ, міръ фантастическій... Вава смотрѣла на молодой мѣсяцъ и вспо-

минала недавно прочитанныя ею книги о спиритизмѣ. Правда это или неправда? Какъ живутъ души, разставшись съ тѣломъ? Гдѣ онѣ? Зачѣмъ и какъ живутъ? Видятъ ли онѣ насъ? Жалѣютъ ли насъ?.. Смѣшны ли имъ наши страданія?.. Жизнь и смерть... Сколько тайнъ, сколько загадокъ въ природѣ! Есть ли кто-нибудь, кто все, все знаетъ, или хоть много знаетъ, какъ Гётевскій Фаустъ? И хорошо ли знать такъ много, все понимать, все видѣть, подобрать ключи ко всѣмъ тайнамъ, или лучше быть такой, какъ она, ничего не знать и ощущать счастье только отъ сознанія своей молодости, своего полного любви сердца и прелести этой степи и этого молодого мѣсяца?..

Маша и дама продолжали неумолчно бесѣдовать въ вагонѣ. Онѣ не могли вспомнить, за кѣмъ была замужемъ дочь Веревкиной отъ перваго брака, которая была раньше невѣстой Мещерскаго, зятя Екатерины Ивановны?.. Мимочка тоже не помнила... И Вава не знала... Потому маша стала перечислять дамъ все, что она везетъ съ собою. Маша держалась того мнѣнія, что если ѣдешь за границу, то можно ѣхать совсѣмъ на-легкѣ, такъ какъ за границей вездѣ и все можно достать. Въ Россіи же, особенно въ провинціи, нигдѣ и ничего нельзя достать, поэтому надо выѣзжать съ запасами. Мимочка сидѣла одна у открытаго окна и тоже глядѣла на молодой мѣсяцъ и мечтала. Кто бы онъ былъ? Кто онъ? Куда и зачѣмъ ѣдетъ? Она видѣла у него обручальное кольцо. Отчего онъ такъ смотритъ на нее? Понравилась она ему?.. Чѣмъ? Красотой? Но она такъ подурнѣла въ послѣднее время. Положимъ, сегодня она все-таки интересна. Она видѣла себя

въ зеркалѣ, и сама себѣ удивилась. Что-то есть въ глазахъ, въ цвѣтѣ лица, что ее украшаетъ. Ну, тѣмъ лучше. Пускай онъ ходитъ — она ему не мѣшаетъ. Она вѣдь не отвѣчаетъ на его взгляды, — развѣ такъ чуть-чуть, помимо ея воли. Во всякомъ случаѣ, она не дѣлаетъ ничего дурнаго... Куда же онъ ѣдетъ? И кто онъ такой? И Мимочка смотрѣла на молодой мѣсяцъ, а искры золотымъ дождемъ летѣли мимо нея, и вѣтеръ игралъ ея бѣлокурыми кудрями. Мамап хотѣла поднять окно, но Мимочка сказала, что рано еще, и что въ вагонѣ слишкомъ душно.

Было уже совсѣмъ темно, и Вава, мамап и дама изъ Москвы уже спали, когда Мимочка въ послѣдній разъ высунулась изъ окна. Станція была какъ станція. Маленькій деревянный домикъ съ колокольчикомъ, съ мезониномъ, изъ освѣщеннаго окна котораго выглядывала изъ-за горшковъ герани и бальзаминовъ растрепанная начальница станціи въ розовомъ ситцевомъ платьѣ. Фонарь освѣщаль дрожащимъ свѣтомъ темную платформу, на которой застыли неподвижныя фигуры мужиковъ, устремившихъ тупой взглядъ на поѣздъ; неподвижно стоялъ и жандармъ. Кондуктора проходили мимо вагона. Кто-то здоровался съ начальникомъ станціи. А, вотъ и онъ! Онъ еще не спитъ. Онъ еще разъ прошелъ мимо вагона Мимочки и прошелъ такъ близко и такъ выразительно заглянулъ ей въ глаза, что Мимочка даже испугалась и подняла окно. И поѣздъ полетѣлъ дальше. Мимочка легла спать, но она была смущена и недовольна и собою, и имъ, и всѣми. Затѣмъ онъ такъ посмотрѣлъ на нее? Вѣдь это дерзость... И какъ онъ смѣлъ, за кого онъ ее принимаетъ? Положимъ, она сама немножко виновата... Но

отчего и не подуматься отъ скуки въ дорогѣ? Конечно, въ Петербургѣ она никогда не позволила бы себѣ ничего подобнаго. Какъ онъ посмотрѣлъ, какъ онъ посмотрѣлъ!.. Но все-таки какіе у него чудные глаза! Кажется, она никогда еще не видала такихъ глазъ. Ну, теперь довольно — и можно и забыть о немъ. Никто этого не узнаетъ, и онъ ея не знаетъ. Завтра они разъѣдутся въ разные стороны и, можетъ быть, больше никогда и не увидатся... Пора спать.

И Мимочка переворачивала подушку и закрывалась пледомъ. Но диванъ былъ неудобный и вообще было душно, пахло вонючю и углемъ. Тщетно подносила она къ носу *sel de vinaigre* и отсчитывала себѣ валерьяновыя капли, — она заснула только тогда, когда шторы вагона начали уже бѣлѣть отъ лучей разсвѣта.

Вотъ и „вонченъ дальній путь.“ Вава уже вглядывается въ горы, которыя дама-москвичка называетъ ей по именамъ: Бештау, Развалка, Желѣзная.

Кондукторъ отбираетъ билеты. Ручной багажъ стянуть ремнями. Мимочка зѣваетъ; она не выспалась и не въ духѣ. Она желаетъ умереть. Поѣздъ останавливается у станціи минеральныхъ водъ, утонувшей въ садикѣ, полномъ бѣлыхъ акацій.

Боже, сколько пассажировъ выходитъ здѣсь! Хватить ли экипажей? А какъ сладко пахнетъ бѣлая акація! Что за небо! Какой свѣжій, чистый воздухъ!.. Мамап торопливо прощается съ дамой, которая ѣдетъ дальше, и навьючиваетъ трехъ носильщиковъ ручнымъ багажемъ. Вава старается быть полезной, отыскиваетъ Катю, караулить вещи; Мимочка, закутавшись густымъ вуалемъ, идетъ въ

дамскую уборную. Она прескверно себя чувствует и желает умереть. У нея все болит, и слезы слабости душать ее. Ей немножко совѣстно и за вчерашнее переглядыванье. Все-таки à son âge, dans sa position!.. И главное, кто его знает, кто онъ такой? Она его не видѣла хорошенько. Это все темнота и воображеніе. Можетъ быть, онъ хвасталъ въ вагонѣ; положимъ, ему рѣшительно нечѣмъ хвастать... Да и, наконецъ, ей это все равно! И Мимочка, не оглядываясь, проходитъ черезъ залу, гдѣ онъ пьетъ чай; но, и не оглядываясь, она видитъ, что онъ переодѣлся. И какой онъ блѣдный; онъ даже вовсе не такъ хорошъ, какъ она вчера думала... Конечно, это все сдѣлала темнота и воображеніе.

Коляска найдена, подана, вещи уложены и дамы садятся вмѣстѣ съ Катей.—Ну, трогай, съ Богомъ!

И коляска катится среди зеленой степи, по мягкой проселочной дорогѣ. Въ небѣ журчатъ жаворонки. Другіе экипажи обгоняютъ нашихъ дамъ. Вотъ и дама, которая трясетъ головой, вотъ и мальчишъ въ пляскѣ св. Витта... И вотъ, обгоняя всѣхъ, летитъ еще коляска, и въ ней сидитъ онъ, l'homme au chien, какъ мысленно прозвала его Мимочка. На немъ уже третья шляпа со вчерашняго дня. А у ногъ его, разваливъ поперекъ коляски, лежитъ его чудный ньюфундлендъ.

Онѣ ѣдутъ за нимъ, потомъ сворачиваютъ направо. Какъ? Такъ они не будутъ вмѣстѣ, не будутъ встрѣчаться? Такъ въ самомъ дѣлѣ кончено? Куда же это онъ поѣхалъ? Мимочка ни за что не спроситъ объ этомъ. Авось папан придетъ ей на помощь. И точно, папан уже

спрашиваетъ извозчика: — Куда эта дорога? — Въ Пятигорскѣ.

— Такъ мы не поѣдемъ мимо Пятигорска?

— А Желѣзноводска еще не видно? — спрашиваетъ Вава.

— А вотъ. — И извозчикъ показываетъ вкutomъ на бѣленькое селеніе, пріютившееся у подошвы зеленой горы.

Потомъ коляска вѣзжаетъ въ зеленую рощу изъ дубовъ и березокъ. Всѣ съ наслажденіемъ вдыхаютъ чистый утренній воздухъ. Вава, закинувъ голову, ищетъ въ небѣ жаворонковъ...

Мамап ей сочувствуетъ; мамап тоже очень любитъ природу, любитъ лѣса и рощи. Мимочка этого не понимаетъ. Она любитъ деревья только гдѣ-нибудь на музее, и то когда они въ кадкахъ и чисто содержатся, и съ нихъ не падаютъ гусеницы, пауки и прочая дрянь. Наконецъ, миновавъ почту, коляска останавливается у подъѣзда гостинницы Мистрова. Слава Богу, пріѣхали! — Какой смѣшной Желѣзноводскѣ! — говоритъ Мимочка: — да это совсѣмъ деревня!

Прошло три недѣли. Мимочка не скучала. Мимочка хорошеѣла и расцвѣтала. День шелъ за днемъ по правильно распределенной программѣ. Въ семь часовъ Мимочка и Вава вставали и въ восемь были уже на утренней музыкѣ, гдѣ пили воды и гуляли до чая; потомъ ванна, потомъ обѣдъ, и еще воды, и еще прогулка, и опять музыка, и опять воды, и опять прогулка, и такъ до вечера, пока, нагулявшіяся, усталыя, онѣ ложились и засыпали какъ

убитыя. Докторъ Варяжскій, прїѣхавшій въ Желѣзноводскъ двумя днями раньше ихъ, встрѣтилъ ихъ очень любезно. Докторъ Варяжскій рекомендовалъ имъ квартиру; докторъ Варяжскій нашель имъ повара; докторъ Варяжскій указаль имъ доктора для Вавы, специалиста по нервнымъ болѣзнямъ. Докторъ Варяжскій посовѣтоваль Мимочкѣ ѣздить верхомъ и самъ предложилъ сопровождать ее въ этихъ прогулкахъ.

Мамап все это было тѣмъ болѣе прїятно, что она вѣрила въ него какъ въ Бога!

А какъ добросовѣстно Мимочка лечилась! Мамап такъ строго слѣдила за этимъ, что если у источника нечаянно наливали Мимочкѣ немножко больше полустакана, то она заставляла выплеснуть все и наливать снова... Какъ можно! Ужь лечиться, такъ лечиться. Воды не шутка...

И добросовѣстное леченье шло Мимочкѣ впрокъ. На щекахъ ея заигралъ румянецъ, глаза заблестали живѣе и веселѣе... Она уже не такъ легко утомлялась, лучше спала и ѣла.

Со второго же вечера дамы наши показались на мюзыкѣ, гдѣ обратили на себя вниманіе изяществомъ своихъ туалетовъ и манеръ. Мамап нашла водяное общество ужаснымъ. Дамы были все какія-то просвири или заклустныя помѣщицы, а мужчины и того хуже. Петербургскихъ почти не было; знакомыхъ — никого. Въ первые дни мамап только и раскланивалась что съ Варяжскимъ, да еще съ одной старой дѣвой изъ Петербурга, которая уже третье лѣто привозила сюда брата, не владѣющаго ногами. Дѣва чувствовала себя здѣсь какъ дома, и, вѣ-

роятно, считала себя лучше всѣхъ, потому что относилась ко всѣмъ очень свысока. Она знала всѣхъ докторовъ, ихъ женъ, ихъ романы и скандалы, ихъ сплетни... И хотя въ глазахъ мама докторскія жены были тѣ же просвири, тѣмъ не менѣе она не безъ интереса наводила на нихъ лорнетъ, слушая рассказы m-lle Коссовичъ.

Вава чинно и послушно сидѣла подлѣ мама, но взглядомъ искала въ толпѣ Вашингтона и Вильгельма Телля, и, не найдя ихъ, начинала слѣдить за играми дѣтей, бѣгавшихъ въ полукругѣ.

Мимочка улыбалась доктору Варяжскому, а взглядомъ искала его, — *l'homme au chien*. Но его не было.

Онъ показался на музыкѣ только недѣли двѣ спустя по ихъ приѣздѣ, тогда, когда Мимочка перестала уже ждать его и почти забыла о немъ. И появился онъ въ обществѣ самыхъ ужасныхъ дамъ. Кромѣ просвириной, докторскихъ женъ и всякихъ провинціалокъ, на водахъ были еще актрисы. Тутъ была почти вся труппа изъ Кіева. Въ числѣ актрисъ была Ленская, очень хорошенькая водевильная актриса, а съ ней приѣхала и ея сестра, не-актриса, но уже положительная красавица. Обѣ сестры были всегда нарядно и ярко одѣты, всегда веселы и всегда окружены мужчинами. Всякій приѣзжавшій въ Желѣзноводскъ ходилъ первые дни въ ихъ свитѣ; затѣмъ, освоившись и оглядѣвшись, находилъ себѣ другихъ знакомыхъ и уже едва имъ кланялся; но такъ какъ съ каждымъ днемъ все-таки прибывали все новыя лица, то онѣ и не оставались безъ кавалеровъ. Вотъ съ ними-то и показался онъ на музыкѣ. Онъ велъ подъ руку старшую Ленскую (не-актрису), которая улыбалась радостнѣе

обыкновеннаго, показывая чудные бѣлые зубы. За ними шли младшая Ленская и актриса Морозова, окруженная толпой молодежи. Впереди всѣхъ шель „Рексъ“. Господинъ его былъ одѣтъ уже совсѣмъ по новому, весь въ свѣтломъ, въ шляпѣ съ бѣлымъ вуалемъ, но съ тѣмъ же отпечаткомъ щегольства. Вава громко назвала по имени собаку, что заставило его оглянуться и узнать уже видѣнныхъ имъ дамъ. Но онъ только мелькомъ взглянулъ на нихъ и сейчасъ же принялся нашептывать что-то своей спутницѣ. Затѣмъ вся компанія расположилась въ полукругѣ, какъ разъ противъ Мимочки, которой это было очень непріятно.

Кто же онъ такой, если онъ находитъ удовольствіе въ такомъ обществѣ?.. Въ первый разъ сестра Ленской показала Мамочкѣ такой отвратительной. Она красива, да, но какъ животное... И какіе у нея гадкіе глаза — влажные, оваймленные коричневой тѣнью. И руки не хороши. И какъ вульгарна, какъ пестро одѣта! И Рексъ лежитъ у ея ногъ, и она гладитъ его по головѣ рукой безъ перчатки, и смѣется, и сіяетъ удовольствіемъ, потому что она очевидно говоритъ ей что-то ласковое, и любезное, и пріятное.

Мимочка была уязвлена. Она сидѣла одна подлѣ тапан и m-lle Коссовичъ, которыя вели свой разговоръ. Вава ушла со своей новой знакомой на гимнастику. Варяжскаго не было на музыкѣ; не было и знакомаго офицера изъ ея дивизіи. И она должна была сидѣть одна и смотрѣть на надоѣвшій ей Бештау и на эту неприличную компанію.

Въ этотъ вечеръ она вернулась домой очень не въ

духъ; ей даже хотѣлось плавать. Вѣроятно, она слишкомъ много ходила въ этотъ день, или это была „ре-авція“.

Къ утру, впрочемъ, досада стихла. Ей даже стало смѣшно, что она могла такъ принять къ сердцу равнодушіе или невниманіе совершенно чужого ей человѣка. Никого ей не нужно. Развѣ она ищетъ поклонника? Господи, да еслибъ она захотѣла... да вся дивизія за ней ухаживала бы, да за ней не одни офицеры ухаживали бы. Развѣ она не хороша? Во всякомъ случаѣ, она не хуже этихъ автрисъ въ пестрыхъ платьяхъ.

И что ей до нихъ, до всѣхъ? Она пріѣхала сюда лечиться. Ей пріятно, что она здѣсь одна, безъ Спиридона Ивановича, безъ баби. Она снова чувствуетъ себя барышней, молодымъ и свободнымъ существомъ. Она знаетъ, что туалеты ея здѣсь лучше всѣхъ, что сама она тоже лучше всѣхъ. Она читаетъ это во взглядахъ встрѣчающихся ей мужчинъ и женщинъ... И это все, что ей нужно.

Она продолжала добросовѣстно пить воды, занималась своимъ туалетомъ и своей наружностью, и при встрѣчахъ съ *нимъ* (онъ переѣхалъ въ Желѣзноводскъ) смотрѣла на него такъ, какъ будто передъ нею былъ фанарный столбъ. Но, и не обращая на него вниманія, она всегда видѣла, какъ онъ одѣтъ, и съ кѣмъ онъ, и въ какомъ настроеніи, и какъ онъ на нее смотритъ...

Вава, тѣмъ временемъ, блаженствовала. Она гуляла одна. Матап не разрѣшала ей этого, но смотрѣла на это съвозъ пальцы. Утромъ Вава выходила на музыку вмѣстѣ съ Мимочкой, но чуть подходилъ къ Мимочкѣ

докторъ Варяжскій или офицеръ изъ ея дивизіи, какъ Вава исчезала и черезъ минуту была уже гдѣ-нибудь въ чащѣ, въ глухихъ тропинкахъ, высоко на скалѣ, по которой она карабкалась, какъ коза. У нея были любимые уголки на каждый часъ дня. Она знала, откуда лучше всего видъ на закатъ, гдѣ прохладно въ полдень, гдѣ тепло утромъ... Вава не боялась ни змѣй, ни тарантуловъ, лѣзла въ чащу лѣса, въ бурьянъ и крапиву и возвращалась домой въ изорванныхъ башмакахъ, съ испаряннымъ лицомъ и руками, съ репейникомъ и травой въ волосахъ, съ клещами и гусеницами на бѣльѣ и платьѣ... Катя, по приказанію шатап, принималась переставать и отчищать ее, а Вава говорила, смѣясь, что ей по сердцу только такія прогулки, которыя свидѣтельствуютъ о ея общеніи съ природой. Утро Вава проводила, большею частью, на верху Желѣзной горы. Тамъ, не доходя до вершины, была маленькая площадка, заросшая полевыми мальвами и кустами орѣшника. Вава ложилась на траву или садилась на свой камень и смотрѣла на Бештау, на синѣющія долины, на маленький Желѣзноводскъ, ютящійся подъ горой, гдѣ бѣлѣли чистенькіе домики, блестѣлъ золотой крестъ церкви, гдѣ кричали пѣтухи и лаяли собаки... А лѣвѣе, изъ кущи зеленыхъ деревьевъ поднимались звуки оркестра, игравшаго вальсъ „Невозвратное время“. Тамъ кружились и копошились, встрѣчаясь и здороваясь, и оглядывая другъ друга, больные, которыхъ Вава уже такъ знала. Вава смотрѣла на землю около себя, и ей казалось, что и тутъ та же суета и музыка. Хоръ кузнечиковъ свисталъ свои вальсы; муравьи сновали суетливо и озабоченно,

точно доктора съ добычей и безъ добычи... А божьи коровки, жуки, гусеницы, мотыльки и пчелы составляли публику... Вавъ гораздо веселѣе было на этой музыкѣ, чѣмъ на той. Здѣсь она ложилась на траву, и ей было такъ хорошо, такъ хорошо! Солнце согрѣвало ее безъровное тѣло, а въ душѣ были миръ и радость, которыхъ она не знала дома. Здѣсь она была у Бога! И она испытывала полное, ничѣмъ не отравленное, блаженство. Издали она любила мать. Вспоминая ее, она рисовала себѣ ее въ самомъ симпатичномъ свѣтѣ... Дѣятельная. разсудительная, заботливая, хотя и строгая... И Вава мечтала о томъ, что придетъ время, когда онѣ поймутъ другъ друга и сдружатся, и Вава покажетъ, что и въ ней есть же что-нибудь хорошее... Братъ женится и уйдетъ изъ семьи, сестра тоже выйдетъ замужъ... Зина говорить, что выйдетъ не иначе какъ за титулованнаго... Ну, чтожъ, можетъ найтись и титулованный... И Вава останется дома одна съ отцомъ и съ матерью... Тогда, вѣроятно, ей будетъ легче, и все будетъ хорошо. А пова ей и здѣсь отлично. Здѣсь она не чувствуетъ себя ни несчастной, ни одинокой. Солнце ласково грѣетъ ее, лѣсъ шумить, пчелы жужжать надъ бѣлой акаціей, поникшей подъ тяжестью своего цвѣта... Мотыльки кружатся въ воздухѣ... И Вавъ такъ хорошо, такъ хорошо, что она всѣмъ сердцемъ чувствуетъ, что нѣтъ у Бога существа одинокаго, несчастнаго и забытаго... И, лежа на травѣ, она смотритъ въ небо, а надъ головой ее орелъ тихо поднимается вверхъ, какъ бы унося на своихъ широкихъ крыльяхъ ее мечты, надежды и вѣру въ Бога.

Мамаи хотъ и смотрѣла сквозь пальцы на эти оди-

новія прогулки Вавы, но, въ сущности, онѣ очень тревожили ее. Не говоря уже о змѣяхъ и бѣшеныхъ собакахъ, мало ли куда она могла забрести, кого встрѣтить... Въ горахъ бродили и музыканты, и нищіе... Поэтому татап была отчасти довольна, когда Вава нашла себѣ друзей и знакомыхъ. И хотя знакомые эти были не изъ такихъ, какихъ бы она выбрала для себя или для Мимочки, но ужъ хорошо было и то, что, по крайней мѣрѣ, Вава теперь не одна. Прежде всего, на гимнастикѣ, Вава познакомилась съ нѣсколькими дѣтьми, потомъ съ ихъ нянюшками, боннами, родителями, и не прошло трехъ недѣль, какъ узы нѣжнѣйшей дружбы связывали ее уже съ одной барышней, только-что окончившей курсъ институткой, съ юнкеромъ, братомъ этой барышни, съ одною гувернанткой, съ маленькимъ московскимъ докторишкой и его женой и со студентомъ, гувернеромъ десятилѣтняго сына актрисы Морозовой.

Они составили свой кружокъ, вмѣстѣ гуляли, принимали экскурсіи въ горы и по окрестностямъ, давали другъ другу книги, бесѣдовали и спорили... Вава была въ восхищеніи отъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Конечно, это еще не были Вашингтоны, но это были славные, хорошіе люди и такъ непохожіе на ея петербургскихъ знакомыхъ. Они ни надъ кѣмъ не смѣялись, ничѣмъ не гордились, были строги къ себѣ и снисходительны къ другимъ, не сплетничали, были заняты своимъ дѣломъ... Они не только передумали все то, что она думала, но у нихъ были еще свои мысли и взгляды, новые для нея и будившіе въ ней рой новыхъ мыслей. Это такъ радовало ее. Теперь, что бы она ни услышала,

что бы ни прочла — ей было съ гѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ.

Это были чудные люди, и куда лучше ея... Особенно гувернантка ей нравилась: умная, терпѣливая, ровная... Вава не стояла и ея мизинца.

О своихъ домашнихъ, о матери Вава никогда не говорила со своими новыми знакомыми. Она считала бы низостью жаловаться или интересничать своими огорченіями. Но изъ отвлеченныхъ разсужденій и изъ другихъ примѣровъ она видѣла, что съ ихъ точки зрѣнія она права въ томъ, что ей не нравится строй жизни ея семьи, и что ей хочется другого. Но теперь пока надо подчиниться и выждать, а потомъ устроиться по своему.

И, раздумывая о томъ, какъ она устроить впослѣдствіи свою жизнь, Вава особенно плѣнилась одной мечтой. Она нашла свое призваніе, придумала себѣ дѣло по сердцу, нашла цѣль жизни и достижимую, и осуществимую, и увлекательную.

Такъ жить, какъ живетъ Зина, она не можетъ. Если бы у нея былъ талантъ, она жила бы для таланта; но у нея нѣтъ никакихъ талантовъ; поэтому она сдѣлаетъ вотъ что. Какъ только ей минетъ двадцать-пять лѣтъ, и всѣ увидятъ, что она осталась старой дѣввой, она попроситъ, чтобы ей отдали ея деньги. И на эти деньги она откроетъ домъ для подкидышей. И она возьметъ къ себѣ всѣхъ чужихъ дѣтей, которыхъ бросаютъ, которыхъ прячутъ, скрываютъ... Она возьметъ ихъ къ себѣ, и у нея будетъ много-много дѣтей, сначала сто, потомъ двѣсти, потомъ больше и больше... И всѣхъ ихъ она сама будетъ купать и вытирать, и одѣвать, и

укладывать спать, потомъ учить ходить, говорить, читать, думать, любить, прощать...

Вава уже видѣла свои залы, полныя дѣтскихъ кроватокъ, сверкающихъ ослѣпительной бѣлизной, и въ нихъ дѣтей, маленькихъ, нѣжныхъ, безпомощныхъ, милыхъ... Они засыпали, они просыпались, и улыбались, и кричали, и плакали, и звали ее: „мама!“ И она любила ихъ всѣхъ, всѣхъ... Одни здоровы, красивы, веселы и даютъ пищу ея гордости; другія — жалки, слабы, увѣчны и даютъ пищу ея жалости, ея нѣжности... И она любить ихъ всѣхъ, всѣхъ... Потому они растутъ, въ нихъ развиваются характеры... Они помогаютъ ей воспитывать вновь прибывшихъ маленькихъ. Они трудятся, учатся, развиваются... И вотъ они Граехи и Вильгельмы-Телли, которыхъ она ждала... И они вступаютъ въ жизнь, а она, сѣдая, старая, слѣдитъ за ними, готовая благословить, утѣшить...

Поскорѣй бы ей минуло двадцать-пять лѣтъ. Дожить можно. Мимочѣа дожила же. А пока надо подучиться, подготовиться, главное — исправиться и достигнуть душевнаго равновѣсія. Съ ея характеромъ это трудно. Но что-жъ такое? Она поработаетъ надъ собой. А потомъ само дѣло дастъ ей силы. У нея будутъ помощницы. Она возьметъ къ себѣ молодыхъ дѣвушекъ, только хорошихъ молодыхъ дѣвушекъ, безприданницъ, и обставитъ ихъ настолько хорошо, чтобы онѣ не тяготились своимъ положеніемъ. Потомъ возьметъ старушекъ, такихъ, что идутъ въ богадѣльни, старенькихъ и простыхъ. Онѣ тоже могутъ быть нянями. Ей не надо ни гимнастики,

ни боннѣ-англичанокъ; все будетъ на самую простую ногу, безъ затѣй и фокусовъ. А зато потомъ, потомъ...

И мечты эти такъ одушевляли Ваву, что она здоровѣла съ каждымъ днемъ и писала матери нѣжныя, почтительныя письма и такъ угождала теткѣ, что та искренно привязалась къ ней и часто говорила Мимочкѣ: „*Décidément, Julie est une personne de beaucoup d'esprit, mais elle manque de coeur*“.

Первое время за Мимочкой поухаживаль-было докторъ Варяжскій. Онъ гулялъ съ ней, сидѣлъ съ ней на музыкѣ, ѣздилъ съ ней верхомъ, раза три пилъ чай у нихъ, но скоро это ему наскучило. И татап надоѣдала ему своей болтовней, да и сама Мимочка была такъ незабавна, неловка и ненаходчива.

Она, со своей стороны, тоже разочаровалась въ докторѣ, который сначала-было ей очень понравился. Мимочка была избалована и изнѣжена, и привыкла къ тому, чтобы все дѣлалось къ ея благу и удовольствію, а докторъ былъ ужасный эгоистъ и думалъ только о себѣ. Напримѣръ, онъ ѣздилъ съ ней верхомъ и ѣздилъ все рысью (ему, почему-то, это было полезно). А каково ей, бѣдняжкѣ! И разъ она только-что выпила свой кумысъ, да и корсажъ былъ ей узокъ, и она терпѣла такія ужасныя мученія, что даже плакала, когда вернулась домой. А татап, растирая ей бока и отсчитывая пятнадцать капель валерьяны, думала: „Какія, однако, свиньи эти мужчины (про себя татап выражалась вулгарно). Скачетъ, скачетъ для своего удовольствія и не подумаетъ о томъ, что бѣдняжка слабаго здоровья. А еще докторъ!“

Но еще болѣе вознегодовала татап на доктора Варяжскаго, когда ей сказали, что онъ побѣжденъ своей сосѣдкой и пациенткой Черешневой. Черешнева была вдова, лѣтъ тридцати-четырехъ, и приѣхала на воды съ няней и шестилѣтнимъ сыномъ. Она заняла квартиру рядомъ съ Варяжскимъ; балконы ихъ были смежны. У нея были хорошенькіе туалеты и вообще она казалась изящной и интересной. Все это татап узнала отъ m-lle Коссовичъ.

Скоро она воочию убѣдилась въ справедливости этихъ сообщеній. Варяжскій гулялъ съ Черешневой, онъ ѣздилъ съ ней верхомъ стрѣлять орловъ (она стрѣляла — и къ чему это женщины?), онъ пилъ чай у нея, игралъ съ ея мальчикомъ, — словомъ, они не разставались. Это заставило нашихъ дамъ очень и очень охладѣть къ Варяжскому. Конечно, татап отнюдь не желала, чтобы онъ компрометировалъ ея дочь, какъ компрометировалъ Черешневу. Да онъ и не посмѣлъ бы. Мимочка и Черешнева, все-таки, не одно и то же. Мимочка могла имѣть поклонниковъ, но она не могла имѣть романа. И допустить ухаживать за собой доктора, человѣка, которому даешь десять рублей за визитъ, котораго отпускаешь, какъ парикмахера, — татап удивлялась Черешневой!.. Ужь еслибъ Мимочка хотѣла, то, конечно, нашла бы и лучше.. Да захоти она только, и за ней будетъ ухаживать вся дивизія.. Да за ней князья будутъ ухаживать! А докторъ... Человѣкъ, которому даешь деньги за визитъ!.. И татап считала его серьезнымъ, почтеннымъ человѣкомъ!.. Слава Богу, вѣдь не юноша. И сидитъ цѣлыми днями у Черешневой; à son âge!..

Видно, правду говорилъ о немъ докторъ Скавронскій, когда рассказывалъ, что Варяжскій ѣздилъ въ фескѣ и съ трубочкой въ зубахъ, со свитой изъ восьми влюбленныхъ въ него дамъ... Чего-чего тутъ не слушаешься, не насмотришься!.. И легкомысленное поведеніе доктора Варяжскаго настолько охладило къ нему маман и Мимочку, что на этотъ разъ положительно рѣшено было заплатить ему сто, а не полтора.

Маман даже перестала вѣрить въ него какъ въ Бога.

Кисловодскъ готовился къ сезону. Цѣны въ гостиницахъ повышались уже въ ожиданіи подлечившихся больныхъ, которымъ оставалось еще съѣхаться здѣсь для полировки, для отдыха отъ режима. „Въ Кисловодскѣ, — говоритъ Лермонтовъ, — бываетъ развязка всѣхъ романовъ, начавшихся у подошвы Бештау, Машука и Желѣзной“. Здѣсь вообще подводятся итоги, развязываются интриги, обнаруживаются обманы, доктора пересчитываютъ собранный гонораръ, больные испытываютъ пріобрѣтенное здоровье, — словомъ, здѣсь, въ поднарзанномъ воздухѣ разыгрывается грандіозный финалъ водянаго сезона.

Кисловодскъ готовился къ сезону. А пока на остальныхъ группахъ завязывались и развивались романы, которымъ суждено было развязаться въ Кисловодскѣ. Скучающія вдовы, разведенныя жены, жены неудовлетворенныя, легкомысленныя и вѣтренныя, сантиментальныя старыя дѣвы, засидѣвшіяся невѣсты, — все это копошилось у Желѣзныхъ источниковъ и, почерпая въ

нихъ жизнь и отвагу, закидывало направо и налево врючки и сѣти. И рыбка, крупная и мелкая, влевала и запутывалась.

И вотъ настала день, когда первые три пациента доктора Иванова переселились изъ Желѣзноводска въ Кисловодскъ, а семь пациентовъ доктора Граціанскаго перебрались изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ, гдѣ сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Больные поправлялись, больные знакомились, больные веселились, втягиваясь въ праздную, но суетливую „водяную“ жизнь. Вечера становились все темнѣе, звѣзды ярче, грозы чаще.

Мимочка не скучала. Она хорошѣла и расцвѣтала.

У нея нѣ было романа, о, нѣтъ! „Сердце ли въ ней билось черезъ-чуръ спойно, иль вкругомъ все было страсти недостойно?“ Ни то, ни другое. Просто, она была слишкомъ хорошо воспитана для какого-нибудь уклоненія съ пути долга. И хотя вокругъ нея, на ея глазахъ, пары встрѣчались, улыбались, флиртовали, хотя ее окружала атмосфера влюбленности,—Мимочка была совершенно холодна и спокойна. Что ей эти просвири? Что ей до бузашекъ, до кузнечиковъ, которые копошатся и ползаютъ въ травѣ подь лучами солнца? Они живутъ какъ хотятъ: она живетъ, какъ она „должна“ жить.

И, гордая сознаниемъ своей безупречности, своей недоступности, Мимочка, молоденькая, свѣженькая, хорошенькая, легко и граціозно похаживала по аллеямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на одобрительные и жаркіе взгляды, которыми ее встрѣчали и провожали, ни на встрѣчи съ *нимъ*, съ *l'homme au chien* (а какъ онъ еще похорошѣлъ!).

У Мимочки не было и тѣни романа,—и, вмѣстѣ съ маман, она смѣялась надъ ихъ сосѣдкой по балкону, молодой вдовой изъ Смоленска, которая, еще не снявъ траура, говорила своей знакомой: „Да, я не прочь бы отъ романа, только чтобы не моя инициатива“. И когда, вслѣдъ затѣмъ, у нея сталъ бывать молодой армейскій офицеръ, маман такъ и прозвала его „офицеръ съ инициативой“. И надоѣлъ же онъ имъ! Онъ плевалъ и кашлялъ и курилъ папиросу за папиросой, и самыя скверныя папиросы, а вдова томно пѣла:

„И ночь, и любовь, и луна“...

Маман подслушивала ихъ разговоры; ихъ раздѣлялъ только кусокъ холста.

— Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь почитать?—говорила вдова:—такая тоска!. Дайте мнѣ какую-нибудь книжку, только, пожалуйста, чтобы безъ любви... Есть такія?

— Какъ не быть. Вы Глѣба Успенскаго читали?

— Глѣба? Нѣтъ. А хорошо?

— Вотъ прочтите. Я вамъ принесу.

— Принесите, принесите.

И они читали вмѣстѣ Глѣба Успенскаго, потомъ читали Шопенгауэра. И маман, сидя съ работой на своемъ балконѣ, тоже слушала Шопенгауэра и улыбалась про себя, думая: „читайте, читайте; видно, tout chemin mène à Rome“.

Уставъ читать, офицеръ клалъ книгу на столъ и закуривалъ папиросу.

— Какъ это вѣрно, какъ это вѣрно! — говорила вдова, задумчиво глядя на Бештау.—Я совершенно такъ

же смотрю на жизнь, какъ и Шопенгауэръ. Нѣтъ ничего, что не разлетѣлось бы какъ дымъ отъ прикосновенія анализа. Право, не стоитъ жить.

— Да, конечно, жизнь—порядочное безобразіе. Но все-таки отчего немножко и не пожить такъ, не анализируя, не задумываясь?

— Нѣтъ, разъ ужъ знаешь,—не стоитъ, не стоитъ жить.

— Нѣтъ, стоитъ попробовать, хоть бы для того, чтобы убѣдиться.

— Да когда заранѣе знаешь, что не стоитъ.

— Да отчего же не стоитъ? Вѣдь и Шопенгауэръ пожилъ прежде, чѣмъ написать все это.

— То-есть, какъ пожилъ? Ну да, извѣдалъ, что все ложь, призракъ, суета, что мы сами себя обманываемъ. И всѣ мы къ этому приходимъ. Стоитъ-ли тратить силы на то, чтобы придти къ результату, уже извѣстному, хотя бы путемъ литературы!

— Ну вы это что-то очень высоко. Я проще смотрю на вещи.

— Что-жъ мы все болтаемъ? Читайте, читайте!.

Конечно, все это было смѣшно, и Мимочка никогда не допустила бы себя сдѣлаться такой же смѣшной, какъ эта вдова. Фи! Ей было такъ хорошо, такъ весело и безъ романа. Офицеръ изъ ея дивизіи ѣздилъ съ ней верхомъ и представлялъ ей своихъ знакомыхъ. Всѣ любовались ею, всѣмъ она нравилась. Ей ничего не стоило бы познакомиться и съ l'homme au chien. Но она сама не хотѣла. Вотъ еще, очень нужно! Мимочку, какъ и Ваву, больше всего радовало сознаніе своей свободы,

отсутствіе стѣсненія и опеки. Здѣсь маман не надобдала ей и не сопровождала ее въ прогулкахъ. Она бы и рада, да мѣшало ревнивое кавказское солнце. Маман не выносила жары. Утромъ, снарядивъ дѣтей и, какъ Провидѣніе, устроивъ для нихъ необходимый комфортъ, маман, по уходѣ ихъ, затворяла ставни, опускала шторы и, устроивъ себѣ темноту и прохладу, ложилась съ книгой на кровать. Мысленно она, конечно, была со своими бѣдными больными, которые жарились на солнцѣ. За Мимочку она была совсѣмъ спокойна, но Вава порядочно беспокоила ее. Вава была такой огонь, такая порывистая, увлекающаяся (эти тоненькія—всегда такія страстныя), а тутъ еще эта атмосфера, это солнце... И при томъ Вава такъ весела, такъ мила, такъ похорошѣла, такъ всѣмъ довольна... Что, какъ это не просто?

И маман трусила, сильно трусила, и не разъ, въ ночной тиши, образы юнкера и студента пролетали надъ ея изголовьемъ, какъ два демона, тревожа ея сонъ и спокойствіе. Подумавъ и приготовившись, маман какъ-то было приступила къ Вавѣ съ предостереженіями. Вава отвѣтила на это предостереженіе только взглядомъ, но такимъ взглядомъ, что у маман душа ушла въ пятки, и она рѣшила никогда не возвращаться къ этому предмету. Чтобы успокоить свою совѣсть и снять съ себя отвѣтственность передъ Жюли, она позвала къ себѣ горничную Катю и велѣла ей строго-на-строго слѣдить за барышней и докладывать ей, съ кѣмъ барышня гуляетъ и куда ходитъ, и не бываетъ-ли съ кѣмъ наединѣ.

И Катя, разгладивъ Мимочкины юбки и приготовивъ все нужное къ вечеру, выходила въ паркъ съ бла-

гимъ намѣреніемъ слѣдить за барышней. Но такъ какъ барышня была такая егоза, что бѣгать за нею по солнцу было слишкомъ утомительно, то Катя благоразумно сѣдѣла на скамейку, въ тѣни раскидистаго дерева, мимо котораго Вава непремѣнно должна была пройти, возвращаясь къ обѣду, и спокойно сидѣла, разглядывая проходящую публику.

Противъ скамейки, на возвышеніи стояли продавцы со своими витринами: итальянецъ съ кораллами и мозаикой и восточные люди съ кавказскимъ товаромъ. И стоялъ тамъ маленькій армянинъ съ хитрыми узкими глазками и огромнымъ носомъ, въ высокой черной шапкѣ. И стоя подлѣ своей витрины, въ которой красовалась кавказская бирюза и серебряныя издѣлія съ чернью, пояса, винжалы, брошки, булавы съ надписью: „Кавказъ, Кавказъ, Кавказъ“. онъ такъ хитро и такъ многозначительно поглядывалъ на Катю, точно зналъ, какъ она проводитъ свою генеральшу.

Три дня подъ-рядъ Катя садилась на эту скамейку, а армянинъ, показывая около своего товара, стрѣлялъ въ нее убійственными взглядами, причемъ, казалось, глазки его дѣлались еще уже, а носъ еще больше. А Катя дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и чертила зонтикомъ по песку. Потомъ онъ заговорилъ съ ней. Она проходила мимо и смотрѣла черезъ него на Бештау, когда онъ сказалъ ей: „Какъ жарко! Что теперь гулять-то. Теперь нехорошо гулять. Хорошо гулять вечеромъ. Вечеромъ не жарко, вечеромъ хорошо“. Катя опять сдѣлала видъ, что не слышитъ, и кокетливо поднялась въ гору, помахая зонтикомъ. Потомъ онъ сталъ

ей кланяться. Потомъ и Катя стала отвѣчать на поклонны, сперва серьезно, потомъ съ улыбкой. Онъ сталъ зазывать ее купить что-нибудь.

— Дорого продаете, — сказала Катя, — намъ не по карману.

— А ты узнай, а потомъ скажи... Дорого не возьмемъ... Ты узнай... Ты посмотри...

И Катя стала разсматривать и выбирать вещи у него въ витринѣ. Черезъ недѣлю она уже знала наизусть все, что было въ витринѣ, знала, какъ его зовутъ, сколько ему лѣтъ, знала, что у него есть двоюродный братъ въ Петербургѣ, въ магазинѣ кавказскихъ винъ, что онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ, знала про Тифлисъ, про Кисловодскъ, знала, что по вечерамъ въ паркѣ гораздо лучше, чѣмъ днемъ, потому что не жарко и темно, темно!.. Катя знала все это, а все еще ничего не выбрала въ витринѣ, откладывая это до Кисловодства.

А Бава, возбуждавшая въ маман такія черныя подозрѣнія, мирно сидѣла на гимнастикѣ со своей подругой-институткой и, не утерпѣвъ, развивала ей свой проектъ дома для брошенныхъ дѣтей. Институтка сочувствовала идеѣ, но не очень вѣрила въ возможность ея осуществленія и недовѣрчиво улыбалась, качая головой.

— Все это прекрасно, — сказала она, дослушавъ Ваву. — Но ничего этого не будетъ. Вы выйдете замужъ и будете нянчить своихъ дѣтей. И это будетъ гораздо лучше.

— Чѣмъ?..

— Да натуральнѣе. Никогда нельзя любить чужого ребенка какъ своего.

— Какія же они чужія, когда они будутъ моими почти со дня рожденія?

— Все-таки не то. Господи, конечно, я не могу дѣлать сравненій. Но всё это говорятъ. Да мнѣ и самой такъ вѣзетъ. Нельзя любить чужого ребенка, какъ своего. Я бы не могла.

— А я вотъ могу... Какъ ихъ не любить? Да вѣдь ихъ жалко—маленькихъ, брошенныхъ, невиноватыхъ. А когда любишь съ жалостью,—лучше, крѣпче любишь.

— Нѣтъ, все-таки тутъ что-то ненатуральное. Я понимаю, еслибы вы были несчастны, еслибы у васъ было разочарованіе въ личномъ счастьѣ, — ну, тогда это хорошо, а то такъ выдумать себѣ это, когда вы еще можете быть такъ счастливы.

— Да, я только этимъ и могу быть счастлива.

Мимочка сидѣла въ это время одна въ Архіереевской бесѣдѣ и читала „La grande magnière“. Читалось не очень хорошо. Романъ не интересовывалъ ее, и она по нѣскольку разъ перечитывала одну и ту же страницу. Въ бесѣдѣ сидѣли еще два священника и няньки съ дѣтьми, и хотя разговоры ихъ были неинтересны, все-таки они развлекали ее. А уйти отсюда Мимочкѣ не хотѣлось, потому что здѣсь было лучше и прохладнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Священники встали и, выходя, наткнулись на l'homme au chien, который входилъ въ бесѣду со своимъ нью-фаундлендомъ. Молодой человѣкъ подошелъ къ периламъ и, облокотясь, сталъ смотрѣть въ даль. Мимочка еще

прилежнѣе углубилась въ чтеніе. Няньки, оглядѣвъ вошедшаго, вернулись къ своему разговору.

— Отчего это тутъ священниковъ такъ много?

— Болѣзнь вѣрно такая. Отъ постнаго имъ живота подведетъ — вотъ они все грязнушку и пьютъ. Она хорошая вода, эта грязнушка. Наши пьютъ...

— И наши тоже спервоначалу грязнушку пили. Теперь барятинскую стали пить. А то барынѣ утромъ неохота идтить самой: сходи, говорить, нянька, принеси грязнушки. Ну и идешь. А далеко ходить-то. Теперь барятинскую.

— Такъ у васъ сама лечится?

— Нѣтъ, у насъ всѣ: и барышня, и баринъ, и барыня.

— Вправду больные, али такъ, съ жиру?

— Нѣтъ, оно не то, что съ жиру, а, конечно, какъ кому отъ Бога. Баринъ у насъ въ родѣ какъ ума рѣшившійся. Онъ и въ помѣшанномъ домѣ сидѣлъ, да!.. И въ воду бросался, покончить, значить, самъ надъ собой хотѣлъ. Ну, теперь, ему полегче. Кузьмичъ вылечилъ. Теперь онъ, значить, сейчасъ, самъ себѣ гуляетъ, воду тоже пьетъ, а послѣ еще въ Крымъ поѣдемъ. Теперь онъ ничего...

— Помѣшанный, это не дай Богъ!

— Не дай Богъ! И что это у насъ тогда было, — страсть! Кузьмичъ вылечилъ.

— А барышня у васъ что-жь?

— Да ничего. Худощавая и застѣнчива только... Ну, и прыщи на лицѣ. Она тихая барышня, ничего. Женихъ у насъ былъ, настоящій, военный, съ мунди-

ромъ... Только задатку приданого взялъ, а самъ другую нашель. Ну, она поскучала, поскучала... Теперь ничего. Кузьмичъ помогъ.

— А барыня?

— А барыня страсть какая больная. Она и изъ себя, вы видѣли, изъ лица желтая такая. У ней нынѣшней зимой разливъ печени былъ, а позапрошлой — камни шли. Такъ, какъ они идутъ, камни-то, она ажъ благимъ матомъ кричить. Сколько, сколько ее лечили: и бабки, и доктора — все болѣеть, и ходить почти не можетъ, потому у нея внутренній разрывъ. Да! Сколько мы денегъ переплатили. Ѣздитъ докторъ, лечитъ, а тамъ услышали, что другой дороже беретъ, — подавай его! Полечить, полечить, а тамъ скажутъ: „А вотъ еще дороже есть!“ Ну, и его позовутъ. И молебны служатъ, и иконы поднимаютъ, и все болѣютъ. А какъ весной мы собрались на Кавказъ, я, грѣшнымъ дѣломъ, говорю: матушка, говорю, барыня, а какъ это мы поѣдемъ, какой дорогой, говорю? Мимо Самары, говорю, не будетъ намъ дорога? „Поѣдемъ, говорить, пароходомъ по рѣкѣ Волгѣ и мимо Самары, говорить, поѣдемъ (а я самарская, бузулувскаго уѣзда). Ну, говорю, матушка, ужъ какъ хотите, а коли хотите барину добра и себѣ здоровья отъ Бога, — заѣзжайте къ Кузьмичу (у насъ Кузьмичъ есть, выше всѣхъ докторовъ; изъ крестьянскаго званія, а только къ нему князья и генералы ѣздить лечиться, и много господъ. Потому кого доктора залечать, а онъ вылечитъ). Поѣзжайте, говорю, матушка. Это самъ Богъ васъ въ Самару посылаетъ. „Молчи, говорить, нянька. Ты ничего не понимаешь. Какой такой Кузь-

мичь? Иди, говорить, нянька, въ аптеку“. Хорошо, говорю, мнѣ что-жъ? Я пойду. — А потомъ это плывемъ мы по рѣкѣ Волгѣ, подъѣзжаемъ къ Самарѣ, барыня мнѣ и говорить: „Смотри, говорить, нянька, никому не сказывай. Мы въ Кузьмичу сѣздимъ“ (извѣстно, они купцы, хоть и богатые, пять домовъ у Калашниковской пристани, а все противъ господъ стыдятся). Я говорю:— Что-жъ? Зачѣмъ я скажу? Я не скажу. — Поѣдете такъ поѣдете. Мнѣ кому говорить-то? Я не скажу. Такъ и сѣздили къ нему, къ батюшкѣ. А онъ, батюшка, провидѣць, онъ ихъ обоихъ и вылечилъ. Сперва барина посмотрѣлъ, взялъ за руку и отъ плеча ощупалъ. Доктора за кончикъ руку берутъ и по часамъ считаютъ, а онъ, батюшка, всю руку отъ плеча пересчитываетъ, и безъ часовъ болѣзнь найдетъ. И барину сказалъ: „У тебя, говорить, подъ завалами ревматиза. Не бойсь, говорить, поправишься, пей!“ и бутылъ сейчасъ далъ. Да! А барынѣ говорить: „Это точно, что у тебя печень развелась. Это, говорить, плевое дѣло; а вотъ что внутренній разрывъ, говорить, у тебя, это нехорошо. Ты, говорить, опасайся, потому, не будешь опасаться — помрешь. Да! Лежи, себѣ, говорить, да полеживай, легче будетъ, а вотъ тебѣ — пей!“ И другую бутылъ далъ. Барышня не хотѣла къ нему показываться, смѣется, говорить: „что онъ мужикъ понимаетъ!“ А онъ, батюшка, говорить: „Чего смѣешься? Былъ, говорить, женихъ, да сплылъ“. — Провидѣць! — „Не бойсь, другого найдешь. Деньги есть, говорить?“ — Есть, батюшка, говоримъ, какъ не быть? пять домовъ у Калашниковой пристани. — „Ну, говорить, хорошо. Выйдетъ замужъ, здорова будетъ. А пока вотъ

тебѣ — пей!“ И еще бутылъ далъ. И дѣтямъ велѣлъ пить. И мнѣ говорить. Я говорю: спина болитъ, батюшка. А онъ: „пей, говорить, старая“. Ну, и пьемъ.

— И помогаетъ?

— Помогаетъ. Утромъ, какъ встанемъ, всѣ натопаемъ и пьемъ. Дохтуру не сказываютъ. И грязнушку барыня пила, и теперь барятинскую пьетъ. А ужъ зато, какъ что изъ аптеки принесутъ, все вонъ выбрасываемъ. Потому Кузьмичъ сказалъ: не надо этого ничего. А какъ барынѣ похуже, такъ онѣ и воды оставляютъ, а только Кузьмичево пьютъ. На мятѣ настоенное...

— Мята — это хорошо. А я вотъ все михайловскую воду здѣсь пью. Такъ мнѣ нравится. Прохладная вода.

— Да нешто можно ее здоровому пить? Я не пью. Боюсь. Ну, какъ болѣзнь себѣ напьешь?

— Нѣтъ, оно ничего. Оно точно, что тучнымъ это и нехорошо пить, ну, а худощавымъ и полнокровнымъ вреда нѣтъ, а даже польза.

— Я бы выпила, да боюсь...

— Чего бояться? Да сейчасъ пойдемъ выпьемъ. Гдѣ мои пострѣлята? Ваня, Вася, идите сюда! Пойдемъ на гимнастику.

Няньки встали и вышли изъ бесѣдки, уводя пострѣлять. Мимочка и l'homme au chien остались вдвоемъ. Мимочка переворачивала страницы, не отрывая глазъ отъ книги. Онъ сѣлъ наискосокъ отъ нея, вынулъ газету и тоже сталъ читать. Оба чувствовали близость и присутствіе другъ друга и чувствовали, что если они бросятъ читать и начнутъ разговаривать, имъ будетъ пріятно и весело; но они не разговаривали. Онъ не смѣлъ;

она не хотѣла. Изрѣдка Мимочка поднимала свои голубые глаза и устремляла ихъ въ голубую даль. Онъ украдкой любовался ею, ея прической, кончиномъ маленькой ножки, всей ея фигурой, молодой, изящной и свѣжей... Мимочка чувствовала на себѣ его взглядъ и не безъ злорадства думала: „Ага, такъ не однѣ актрисы хороши?“ Потомъ онъ спряталъ газету, вынулъ окисированный портсигаръ и попросилъ у нея позволенія закурить. Мимочка изъявила согласіе наклоненіемъ головы. Потомъ ей вдругъ стало страшно. Сейчасъ онъ съ ней заговорить. Что она будетъ ему отвѣчать? И къ чему это поведетъ? До сихъ поръ все было такъ хорошо и интересно, и вдругъ все испортится. Если онъ съ ней заговорить какъ съ кокоткой, она оскорбится. Она — генеральша и порядочная женщина. И потомъ, что ей говорить? Она такъ не любитъ говорить. И Мимочка, закрывъ книгу, встала и вышла изъ бесѣдки своей граціозной и легкой походкой. А онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, насвистывая „Азру“. Больше ничего и не было. Но Мимочкѣ было весело, весело. И хоть ей очень хотѣлось вернуться къ нему, она, не оглядываясь, пошла домой.

Къ обѣду всѣ четверо сходились въ самомъ прекрасномъ настроеніи. Обѣдали дружно и весело, подсмѣиваясь надъ неудавшимися блюдами (надъ надоѣвшимъ барашкомъ), дѣлая честь удавшимся и похваливая стряпню маман, которая не только готовила котлеты и бифштексы на своей керосиновой кухнѣ, но ухитрялась приготовить и пирожныя, желе, компоты и пр.

Катя отчищала Ваву отъ гусеницъ и клещей; Мимочка разсматривала въ зеркалѣ свое лицо, вытирая загаръ и пыль, а маманъ сообщала всѣмъ результатъ своихъ наблюдений надъ сосѣдями и сосѣдками. Эти окружающіе ее романы возмущали, но волновали и интересовали маманъ. Даромъ что героинями ихъ были просвирни, — маманъ сворачивала себѣ шею, слѣдя за ихъ перипетіями... Катя, скромно, подавая кушанье, дополняла рассказы маманъ своими сообщеніями.

— Теперь для меня все ясно, — захлебываясь, говорила маманъ о докторшѣ съ ихъ улицы: — *Le mari sait tout... c'est clair comme le jour...* Чего-чего тутъ не насмотришься, не наслушаешься! "...

Послѣ обѣда Мимочка и Вава снова исчезали, а маманъ, не спѣша, одѣвалась по-петербургски, отирала потъ съ лица, посыпала его пудрой и, прифрантившись, шла въ курзалъ, гдѣ прочитывала газеты, послѣ чего садилась на балконѣ со старенькимъ сановникомъ изъ Петербурга, страдающимъ желудкомъ и печенью, и играла съ нимъ въ пикетъ.

Въ концѣ іюля, въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, когда у насъ на сѣверѣ уже краснѣетъ и наливается рябина, а въ Желѣзноводскѣ на лоткахъ смуглыхъ торговцевъ фруктами появляются горы абрикосовъ и персиковъ, въ одно прекрасное утро къ Мимочкѣ явились двѣ незнакомныя дамы и попросили ее, отъ имени прочихъ домовладѣлицъ города Желѣзноводска, принять участіе въ благотворительномъ праздникѣ въ пользу дѣтскаго

пріюта. Мимочка изъявила согласіе. Она продавала на многихъ благотворительныхъ базарахъ въ Петербургѣ, и это было даже однимъ изъ ея любимыхъ развлеченій.

И въ назначенный день Мимочка, въ нѣжнѣйшемъ платьѣ цвѣта рѣше, стояла за столомъ; убраннымъ зелеными гирляндами и флагами, и продавала чай. Рядомъ съ нею продавали печенье, фрукты и конфеты баронесса Бенкенштейнъ въ голубомъ, Черешнева въ красномъ, и еще двѣ дамы изъ желѣзноводскихъ „сливокъ“, одна въ бѣломъ, другая въ платьѣ цвѣта раздавленной земляники.

На другомъ концѣ площадки стояли столы съ аллегри, гдѣ продавали актрисы, съ толстой Борисовой во главѣ.

Мамап и офицеръ изъ дивизіи Спиридона Ивановича помогали Мимочкѣ наливать и подавать чай; докторъ Варяжскій помогалъ Черешневой; *l'homme au chien* былъ помощникомъ баронессы. Мимочка видѣла, что теперь неизбѣжно состоится знакомство съ нимъ, но на этотъ разъ это не пугало ее. Баронесса уже и раньше заговаривала съ ней въ ваннахъ, такъ что при встрѣчахъ онѣ уже раскланивались... Баронесса правилась Мимочкѣ. Она была немножко эксцентрична, но очень мила. Къ тому же *elle était bien née et bien apparenée*, что очень цѣнила мамап. Баронесса пріѣхала сюда съ барономъ, который пробылъ въ Желѣзноводскѣ пять дней и поѣхалъ дальше, оставляя жену лечиться. И она лечилась, подобравъ себѣ веселое и молодое общество, въ которомъ *l'homme au chien* игралъ не послѣднюю роль. На праздникъ и мамап была гораздо разговорчивѣе и общитель-

нѣе, чѣмъ Мимочка; она познакомилась съ баронессою,— послѣдовали взаимныя приглашенія, а тѣмъ временемъ Мимочкѣ представили *его*, l'homme au chien.

Какъ Мими была граціозна и мила въ этотъ вечеръ, какъ она улыбалась, пересчитывая деньги и отдавая сдачу! Какъ-то само собою случилось, что *онъ* сталъ ся помощникомъ, а офицеръ ея дивизіи перешелъ къ баронессѣ. Съ нимъ было такъ легко, такъ просто говорить — не то, что съ Варяжскимъ, который все какъ будто подсмѣивался. Для вступленія Мимочка спросила его:— Вы въ первый разъ на Кавказѣ?— Она всѣмъ говорила это. О, нѣтъ, онъ уже четвертое лѣто ѣздилъ сюда, какъ на дачу. Четыре года тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда больной, грустный, усталый, съ тяжелымъ бременемъ на душѣ, и здѣсь онъ нашелъ успокоеніе и исцѣленіе... Съ той поры... И разговоръ пошелъ у нихъ легко и свободно. Мимочка была молчалива и ненаходчива, но онъ могъ говорить за двоихъ, и спрашивать, и отвѣчать. А она только слушала, улыбалась, кивала головой и, слѣдя за рѣчью, поднимала на него свои глаза мадонны, которые говорили что-то, отъ чего онъ дѣлался еще веселѣе и краснорѣчивѣе. А татап, глядя на него сбоку въ лорнетъ, наводила о немъ справки. Знала ли баронесса его раньше? Еще бы! Она давно его знаетъ, онъ—другъ ея мужа. Онъ—адвокатъ изъ Кіева, богатый человекъ, то-есть женатъ на богатой, на дочери кіевского заводчика и землевладѣльца. Жена его — прелестная женщина, только немножко дика и серьезна. Она мало выѣзжаетъ, потому что занята дѣтьми, но они приняты въ лучшемъ обществѣ. Теперь жена его съ дѣтьми у себя въ имѣніи, а

онъ ѣздитъ сюда каждое лѣто—пить воды. Онъ вполне порядочный человѣкъ... И маман, выслушавъ все это и поживавъ головой, пригласила къ себѣ и Валеріана Николаевича.

Базаръ кончился. Выручка была чудесная, и дамы бомонда выручили на пятнадцать рублей больше, чѣмъ дамы демимонда. Черешнева особенно этимъ гордилась. Баронесса устала и говорила, что она умираетъ. Мимочка же чувствовала себя молодцомъ. Какъ она поправилась, какъ она поправилась!

Она пошла еще съ маман и съ Валеріаномъ Николаевичемъ на танцевальный вечеръ. Она, конечно, не танцевала, но сидѣла и смотрѣла, какъ танцуютъ. Валеріанъ Николаевичъ сидѣлъ подлѣ нея и острилъ насчетъ танцующихъ. По желанію князя Джумарджидзе, княжна Ардживанидзе и князь Какушадзе протанцевали лезгинку. На балконѣ поручикъ Никеладзе перепилъ кахетинскаго и, обнаживъ кинжалъ, грозилъ заковать содержателя гостинницы Чихвадзе за то, что ему подали черствую курицу. Во всѣхъ комнатахъ Чихвадзе стоялъ запахъ жаренаго сала и кухоннаго чада. Докторъ Бабаинъ въ черескѣ и съ нагайкой въ рукѣ похаживалъ между своими паціентами и паціентками, подбирая компанію для ночной поѣздки на Бештау. Музыканты въ папахѣхъ и красивыхъ бѣлыхъ костюмахъ дудили во всю мочь лезгинку, подъ задирающіе звуки которой княжна Ардживанидзе порхала въ волнахъ кухоннаго чада.

Маман такъ воодушевилась, что рѣшила покутить. Съ ея разрѣшенія, Валеріанъ Николаевичъ велѣлъ подать дамамъ кахетинскаго и шампанскаго и заказалъ

пашлыкъ и чихиртму. Съли ужинать. „Кавказъ предо мною...“—декламировалъ Валеріанъ Николаевичъ, наливая Мимочкѣ кахетинскаго, а она ловила вилкой пережженные кусочки баранины и говорила, улыбаясь: „Mais c'est excellent, le chachlyk!“

Валеріанъ Николаевичъ проводилъ ихъ домой. Былъ чудный вечеръ. Полная луна плыла по небу, заливая нѣжнымъ свѣтомъ бѣлые домики и дремлющіе сады... Прощаясь, матан еще разъ пригласила его заходить.

Мимочка долго еще улыбалась, придя домой. Матан неприязненно вспоминала скушанный пашлыкъ и искала баночку съ пух vomica. А Мимочка стала завивать свои кудри на лбу и, завиваясь, думала о немъ, вспоминала его лицо, его взгляды. Какъ онъ долженъ нравиться женщинамъ и своей женѣ! Какая у него жена?.. Отчего она не съ нимъ? Можетъ быть, она гадкая, некрасивая... А можетъ быть—красавица... Что онъ говорилъ ей? Какъ онъ хорошо говоритъ, и умно, и свободно!.. Она никого не знаетъ, кто бы такъ хорошо говорилъ. И какъ просто и хорошо она себя съ нимъ чувствуетъ! Какой онъ хорошій человекъ! И какъ все вышло удачно. Они познакомились такъ прилично. Она не искала его знакомства, не уронила своего женскаго достоинства... Все случилось само собой. Жаль, что тогда въ дорогѣ они переглядывались. Было бы еще лучше, еслибы и этого не было. Но это пустяки, и онъ очевидно позабылъ объ этомъ... О, онъ такой порядочный человекъ! Онъ никогда себѣ ничего не позволитъ; положимъ, и она не допуститъ.

Какъ хорошо, что они познакомились! Между ними можетъ установиться хорошая, чистая дружба. Онъ именно

можетъ быть такимъ другомъ, какого она желала!.. Онъ ей нравится... И онъ такъ уменъ. Онъ можетъ дать ей именно то, чего ей не достаетъ... У нея нѣтъ друга, товарища, подходящаго ей по возрасту, умнаго, интереснаго въ разговорѣ и притомъ вполне честнаго и порядочнаго... А онъ ли не честный и не порядочный?! Еще нѣсколько такихъ людей, и у нея составитъ свой симпатичный ей кружокъ, въ которомъ ей будетъ весело и пріятно и въ которомъ она будетъ отдыхать душой отъ гнета и горечи, которой не можетъ не оставлять ей въ душѣ ея неравный (ну да, конечно, неравный) бракъ. И разумеется кружокъ этотъ будетъ состоять только изъ вполне порядочныхъ и приличныхъ людей. Ей не надо дикаго веселья. Она не хочетъ быть такой легкомысленной, какъ Нетти, и такой tarageuse! Божесохрани! Она никогда не вступитъ на опасную дорогу. Ей не нужно ничего дурнаго. Она хочетъ только приобрести друзей, честныхъ, порядочныхъ людей, съ которыми она могла бы встрѣчаться и говорить о томъ, что ее интересуетъ. Одного такого друга она уже нашла. Онъ женатъ, она замужемъ, оба несвободны, слѣдовательно ничто не можетъ мѣшать ихъ дружескимъ отношеніямъ. Какъ хорошо, что они познакомились!

„Что-то онъ теперь дѣлаетъ?“ думала Мимочка, закручивая передъ зеркаломъ двѣнадцатую и послѣднюю папильотку. „Думаетъ ли обо мнѣ? Что онъ думаетъ?..“

И раздѣвшись и задувъ свѣчу, Мимочка опустила на подушку свою хорошенькую головку, увѣнчанную рядомъ крѣпкихъ папильотокъ... Но и мысли, и папильотки,

цѣпляясь одна за другую, мѣшали ей заснуть... Что-то онъ думаетъ, что онъ дѣлаетъ?..

А Валеріанъ Николаевичъ, воротясь въ гостинницу, подѣлъ къ князю Какушадзе, съ которымъ онъ наканунѣ познакомился, и, наливая себѣ вахетинскаго, сказалъ:—Ну, познакомился я съ моей генеральшей. Умомъ не блещетъ, но въ глазахъ у нея — море. И ручка, ножка!..—И Валеріанъ Николаевичъ послалъ воздушный поцѣлуй по адресу Мимочки.

На другой день они поѣхали верхомъ въ Карась. Кавалькада состояла изъ девяти человекъ, но Мимочка ѣхала съ нимъ въ парѣ, и были минуты, когда они оставались совсѣмъ одни. Онъ говорилъ еще больше, чѣмъ наканунѣ. Откуда только у него бралось! И съ какой легкостью переходилъ онъ отъ одного предмета къ другому. Мимочка спросила его, давно ли у него его собака? Прямо съ отвѣта на этотъ вопросъ онъ перешелъ къ любви. И полилось, и полилось...

Онъ говорилъ, что жизнь безъ любви скучна, какъ безводная пустыня, что женщина живетъ одной любовью, что вѣдь ея она бьется какъ рыбка на пескѣ, что женщины извращены, искажены нелѣпымъ воспитаніемъ, что онѣ добровольно налагаютъ на себя цѣпи и оковы, подъ тяжестью которыхъ потомъ изнемогаютъ. И еслибы сейчасъ сказать женщинамъ, что завтра конецъ міра, конецъ жизни, что рушится зданіе предразсудковъ и условныхъ понятій, онѣ сбросили бы маску, обнажили бы свои чувства, желанія, заговорили бы живымъ, настоящимъ

языкомъ... Плотины бы прорвалась... И стишокъ изъ Гейне, и стишокъ изъ Байрона... тутъ латинская цитата, тамъ куплетъ изъ оперетки...

Любовь двигаетъ міромъ. Любовь—цвѣтъ жизни, это ея аромать, ея благоуханіе. Она—вѣнецъ, она—куполь въ зданіи человѣческаго счастья... Какъ хорошо сказала Мюссэ... А Шиллеръ, говоря... А Боделаръ, а Сѣченъ, а Фетъ, а царь Соломонъ, а Дранморъ, а Кузьма Прутковъ!..—Извольте разобраться въ этомъ поэтическомъ хаосѣ!

Лошадь Мимочки хлопала ушами, а сама Мимочка поправляла пряди волосъ, выбившіяся изъ-подъ шляпки, и была хороша, какъ кавказское солнце.

Они ѣхали радомъ по лѣсной тропинкѣ. Зеленныя вѣтки били ихъ по головамъ, и онъ отклонялъ ихъ рукою, а она низко наклоняла голову. Впереди слышенъ былъ топотъ лошадей, смѣхъ и возгласы баронессы и ея спутниковъ.

Неожиданная гроза застигла ихъ въ лѣсу. Мимочка вообще боялась грозы, но съ нимъ ей не было страшно, только жутко и весело. Хлынулъ дождь, и вся кавалькада понеслась бѣшенымъ карьеромъ. У него была съ собой бурка, которую онъ накиннулъ на плечи Мимочкѣ. Прискакавъ въ Карась, всѣ забились въ какой-то сарай, чтобы укрыться отъ дожда. Гроза продолжалась. Молнія сверкала между горъ, и громъ гремѣлъ надъ головами вымокшей компаніи. Всѣ были веселы и возбуждены быстрой ѣздой; особенно баронесса была въ восторгѣ и находила свой пикникъ необыкновенно удачнымъ. Прислуга расставляла въ сараѣ столы и скамейки, ставили само-

варъ, выкладывалась провизія, вино... Стали пить чай. Въ сарай прискакала еще компанія доктора Бабанина, тоже измокшая. Баронесса пригласила ихъ къ чаю. Общество соединилось, и стало еще веселѣе. И Мимочка, сбросивъ бурку, пила коньякъ, который подливалъ ей Валеріанъ Николаевичъ. Онъ же подавалъ ей чай, и служилъ ей, и занималъ ее, и ей было такъ весело, что она даже перестала печалиться о томъ, что у нея развѣлились локоны.

Когда гроза стихла и на небѣ выплыла луна, компанія размѣстилась въ трехъ лодкахъ и каталась по озеру. Кто-то пѣлъ, баронесса гребла. Докторъ Бабанинъ, въ черкескѣ и съ нагайкой въ рукѣ, переплылъ верхомъ озеро. И домой вернулись поздно, поздно. Мимочка устала, но не жалѣла о томъ, что поѣхала. И какой былъ воздухъ послѣ грозы! Какая ночь! Какая луна!

Начался рядъ свѣтлыхъ, беззаботныхъ дней. Вставая, Мимочка уже знала, что сейчасъ она увидитъ его. И дѣйствительно, они встрѣчались на утренней музыкѣ. А разъ они были вмѣстѣ—это было уже хорошо, это было главное, все остальное было второстепенно. У нихъ установились хорошія дружескія отношенія, въ которыхъ не было ничего, ничего предосудительнаго. Они встрѣчались, гуляли, говорили, смѣялись надъ баронессой и ея знакомыми. Онъ рассказывалъ ей эпизоды изъ прошлаго баронессы, потомъ рассказывалъ ей, что онъ дѣлалъ безъ нея, съ кѣмъ видѣлся, о чемъ думалъ, и затѣмъ они сговаривались, какъ провести вечеръ: ѣхать ли верхомъ,

идти ли въ концертъ. Если не о чемъ было говорить, — онъ говорилъ о любви, декламировалъ Фета, Мюссэ или Байрона, но никогда не позволялъ себѣ ничего лишняго, и конечно, и она не допускала.

Мимочка знала, какая прическа, какія изъ ея платьевъ нравятся ему, и старалась угодить ему. Она ласкала Рекса, а Валеріанъ Николаевичъ, со своей стороны, приобрьлъ благосклонность и расположеніе Мосеньки. Онъ давалъ Мимочкѣ драгоценныя указанія насчетъ туалета. У него былъ тонкій и изящный вкусъ; онъ зналъ толкъ и въ кружевахъ, и въ сочетаніи красокъ. Вообще онъ многому, многому могъ научить Мимочку.

Оба они любили музыку и не пропускали ни одного концерта. И когда Мимочка, сидя съ нимъ рядомъ, слушала романсы, ей казалось, что это совсѣмъ не та музыка, которую она слышала зимой, сидя рядомъ съ Спиридономъ Ивановичемъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія. Или Козелковъ пѣлъ лучше Фигнера, или она теперь такъ поправилась, что все казалось ей въ другомъ цвѣтѣ, только это была совсѣмъ, совсѣмъ другая музыка. Матап рѣдко являлась въ концерты: и расходъ останавливалъ (для себя матап была скуповата), да и надо же было кому-нибудь оставаться съ Вавой, которая любила рано ложиться спать и терпѣть не могла курзала. И Мимочка ходила въ концерты съ Валеріаномъ Николаевичемъ. Просидѣвъ вечеръ въ залѣ, они возвращались домой. Онъ велъ ее подъ руку и тихо напѣвалъ только-что слышанныя мелодіи. А она поднимала къ звѣздамъ свои глаза мадонны, и затѣмъ переводила ихъ на него, и глаза ихъ встрѣчались и говорили другъ другу что-то вѣжное и друже-

любное, чего не смѣли выговорить уста, потому что онъ ничего-ничего себѣ не позволялъ и она не допускала.

Имъ было хорошо. И все, что окружало Мимочку, все, что она видѣла и слышала, эти темныя горы, и зеленый лѣсъ, и мерцанье звѣздъ, и сіянье мѣсяца, конскій топотъ, шелестъ вѣтокъ, говоръ толпы, романсы пѣвцовъ и пѣвицъ, свистъ кузнечиковъ — все это было декорацией и оркестромъ въ той новой и сладкой аріи, которую пѣлъ ей голосъ природы.

Разбираться въ своей душѣ ей было некогда, да она и не умѣла. Тревожиться не было повода. Ничего не случилось. Ей просто доставляло удовольствіе знакомство и общеніе съ такимъ умнымъ, съ такимъ милымъ человекомъ. Вотъ съ кѣмъ не скучно, такъ не скучно! И Мимочка говорила Вавѣ: — Я еще не встрѣчала такого умнаго и образованнаго человѣка. Какъ онъ говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски! Какой умъ, какая память! Съ нимъ можно говорить цѣлый день и не замѣтишь, какъ пройдетъ время. — Вавѣ онъ не нравился, но что она понимала, глупая дѣвчонка! За то татап полюбила и ласкала Валеріана Николаевича и говорила Мимочкѣ: — А Валеріанъ Николаевичъ не зайдетъ къ намъ сегодня? Попроси его на чашку чая. — И Валеріанъ Николаевичъ приходилъ, и пилъ чай, и терпѣливо слушалъ рассказы татап, и былъ такъ рыцарски почтителенъ съ Мимочкой, что татап едва удерживалась отъ желанія обнять его. Матап находила его красавцемъ; она находила, что онъ даже лучше гусара Аютина, стяжавшаго такую громкую славу на минеральныхъ водахъ.

И Катя-горничная, застегивая ботинки на крошечных ножкахъ Мимочки, говорила, ловко дѣйствуя крючкомъ:—Какой хорошій баринъ, какъ они мнѣ нравятся! Даша померная съ ихъ человѣкомъ знакома, такъ, говорить, очень хорошій баринъ. У нихъ свой домъ въ Кіевѣ. И такой добрый баринъ, говорить..

„О, да, думала Мимочка, и главное—такой умный!“

Вечеромъ, ложась спать, она старалась припомнить, что онъ ей говорилъ. Это было трудно, потому что онъ говорилъ такъ много. Но что она помнила хорошо—это его взгляды. Какъ онъ посмотрѣлъ на нее, когда они повернули на Грязнушку, а потомъ—когда онъ напѣвалъ „Азру“ и она спросила у него слова. О, какіе у него глаза, какіе глаза! Хорошо, что онъ такъ уважаетъ ее, потому что, не уважай онъ ее, кажется, она боялась бы за себя. Теперь, конечно, она спокойна. Она уже достаточно узнала его для того, чтобы быть увѣренной въ томъ, что онъ никогда ничего себѣ не позволитъ. Она—порядочная женщина, она не такая, какъ Нетти. Она его любитъ, какъ друга... Будь она свободна—можетъ быть, она полюбила бы его иначе. Конечно, зная его, она не выбрала бы другого... Но она не свободна, и любить его только какъ друга. Это такъ хорошо, такая дружба!..

И въ темнотѣ Мимочка открывала глаза и представляла себѣ свой романъ въ будущемъ. Она ему нравится. Понемногу онъ увлечется ею, полюбитъ ее, полюбитъ настолько, что поѣдетъ за ней въ Петербургъ. И онъ будетъ страдать отъ ея жестокости, бѣдный! милый!—все будетъ страдать и, наконецъ, объяснится. И она сама

будеть страдать, но скажетъ ему: „И я васъ люблю, давно люблю, но долгъ и мои обязанности... Мы должны разстаться“. И они разстанутся, бѣдные!.. Какъ они будутъ страдать. Но что-жь, когда нельзя иначе... И Мимочка вздыхала и переворачивала подушку, и поправляла сбившуюся простыню. Въ комнатѣ, съ открытой на балконъ дверью, было душно и жарко. А рядомъ неугомонная вдова цѣла:

„И ночь, и любовь, и луна“..

А офицеръ съ инициативой кашлялъ и громко зѣвалъ.

— Они тебѣ заснуть не дають, несносные! Я сейчасъ закрою дверь, — говорила шатап, вставая, и, понижая голосъ до шопота, чтобы не разбудить уснувшую Ваву, она прибавила:—Представь, что я сегодня видѣла: они при мнѣ поцѣловались. Такъ, tout tout de bon... Я выхожу на балконъ юбку встряхнуть, а они какъ сидѣли, такъ и поцѣловались... Шопенгауеръ на столѣ, а они цѣлуются. Какая гадость!

День шелъ за днемъ, не принося съ собой большихъ переменъ. Лечение Мимочки близилось къ концу, и шатап отмѣчала уже въ своемъ календарѣ день переѣзда въ Кисловодскъ.

Вава лечилась, гуляла, читала и бесѣдовала и спорила до хрипоты со своими новыми друзьями о безсмертіи души, о женскомъ вопросѣ, о мысляхъ и взглядахъ Льва Толстого.

Мимочка беззаботно и весело флиртowała съ Валерианомъ Николаевичемъ. Катя-горничная не менѣе весело флиртowała съ Давыдомъ Георгіевичемъ, а татап играла въ пикетъ съ желчнымъ сановникомъ или сворачивала себѣ шею, слѣдя за чужими романами. И Вава, и Мимочка поправлялись и хорошѣли съ каждымъ днемъ, и татап, съ радостью отмѣчая это, говорила своему партнеру:

— Вотъ вѣдь какъ у насъ любятъ хвалить все иностранное и унижать свое родное. Чего-чего намъ не говорили о Кавказѣ! А какъ мои здѣсь поправились! Если бы вы видѣли мою дочь весною... Это былъ призракъ! Мы боялись чахотки. Вы знаете, наши воды выше заграничныхъ.

Старичокъ-партнеръ даже не улыбался и, сдавая карты костлявыми пальцами, возражалъ татап. Онъ не брался судить о дамскихъ болѣзняхъ,—это было внѣ сферы его компетентности. Можетъ быть, дамы здѣсь и поправляются, можетъ быть... Но что касается нашего брата-мужчины, то онъ смѣло можетъ сказать, что здѣсь поправляются только здоровые. Поправляются здѣсь доктора; эти разбойники славно поправляютъ здѣсь свои обстоятельства... Олухи, которые не умѣютъ отличить геморроя отъ катарра кишечника (старичокъ перемѣнилъ уже четырехъ докторовъ и признавался татап, что не перевариваетъ и пятого). Они здѣсь волочатся, флиртуютъ, скачутъ верхомъ, какъ ошалѣлые, а больные терпятъ всякія невзгоды. И чего смотреть правительство? У комиссара подъ носомъ берутъ взятки. Грабежъ, расхищеніе, беспорядокъ... Дайте срокъ!.. Если пятый докторъ

не уморить сановника, онъ еще напишетъ о нихъ статью подъ заглавіемъ: „Наши воды и наши врачи“. И они себя узнаютъ, они себя узнаютъ... Дайте срокъ!..

Мамап кротко и снисходительно улыбалась, разбирая свои карты. Стоило ли спорить съ человѣкомъ, замученнымъ собственнымъ желудкомъ и печенью! Гдѣ ему было переварить своего доктора, когда онъ не могъ переварить и своего обѣда!.. И съ добрѣйшей улыбкой, голосомъ, который мамап умѣла сдѣлать мягче миндального масла, она говорила ему: — А знаете, что я посоветовала бы вамъ попробовать. Простое, но испытанное средство. Зять мой много лѣтъ страдалъ упорнѣйшимъ катарромъ. И лечился, и ѣздилъ на воды. А знаете что ему помогло. Я васъ научу. Щепоточку, такъ чуть-чуть на кончикѣ ножа...—и т. д.

Былъ жаркій, жаркій день. Мимочка, выйдя изъ ванны, поднялась въ гору и сѣла на скамейку, на которой она обыкновенно отдыхала послѣ ванны. Она была въ легкомъ батистовомъ платьѣ и, несмотря на это, едва дышала. Жара неприятно дѣйствовала ей на нервы; къ тому же и на душѣ у нея было неладно. Назанунѣ они поссорились, и теперь ей было стыдно и досадно на себя. Онъ разсердился на нее вчера и сказалъ, что въ Кисловодскъ не поѣдетъ, а поѣдетъ прямо изъ Желѣзноводска въ деревню къ баронессѣ, которая его приглашала. Разсердился онъ за то, что Мимочка не захотѣла вчера ѣхать съ нимъ вдвоемъ верхомъ и сказала ему, что это „неловко“! О, какая она дура, какая дура! Теперь она рада была бы отдать полжизни, чтобы вернуть

это слово. Какъ это было грубо и глупо! Она показала, что она боится. И чего ей бояться? Развѣ она не ѣздила вдвоемъ съ Варяжскимъ, развѣ она не ѣздила съ офицеромъ своей дивизіи, развѣ баронесса не ѣздила вдвоемъ съ нимъ, съ Валеріаномъ Николаевичемъ? И что-жь? Шокировало это кого-нибудь? — нисколько. Неловко, неловко!.. О, какая она дура! И что онъ теперь о ней думаетъ? Боже мой, что же ей теперь дѣлать, какъ поправить это? Теперь они разстанутся холодно и враждебно, и если онъ о ней и вспомнить когда-нибудь, то только какъ о дурѣ и идиотѣ. Но нѣтъ, это невозможно; неужели они такъ и разстанутся?

Вотъ и онъ. Онъ подошелъ къ ней съ серьезнымъ и торжественнымъ выраженіемъ лица и холодно поклонился ей. Потомъ заговорилъ о погодѣ и, попросивъ позволенія сѣсть съ ней рядомъ, сѣлъ на противоположный конецъ скамейки. О, какимъ холодомъ вѣяло теперь отъ его эlegantной фигуры! Вершина Эльборуса не могла быть холоднѣе. И отъ сосѣдства этого Эльборуса у Мимочки холодѣли ручки и ножки, и ей хотѣлось плавать.

А солнце было жаркое и воздухъ горячій и удушливый. Природа томилась зноемъ. Потрескавшаяся, сухая земля молила небо о дождѣ; пышно разросшіяся деревья стояли угрюмо и лѣниво; ни одинъ листокъ не шевелился; по всей скалѣ снизу до верху звонко свистали кузнечики.

Разговоръ не клеился. Мимочкѣ было стыдно до-нельзя. Она чувствовала, что теперь она уронила свое генеральское достоинство, и мучилась, придумывая, что бы ей сказать.

Валеріанъ Николаевичъ молча наслаждался ея волненіемъ, ея смущеніемъ. Мимочка правилась ему не только своей наружностью, но и своей молчаливостью и ненаходчивостью. Какъ она умѣла слушать! Въ глазахъ Валеріана Николаевича это было драгоценное качество, потому что онъ любилъ говорить одинъ. Какъ надоѣли ему эти болтливыя женщины съ претензіями на умъ и остроуміе, которыя что-то читають, о чемъ-то болтають, перебивають, не дослушавъ, придираются къ смыслу сказаннаго, запоминають слова... То ли дѣло Мимочка! Въ ней бездна женственности. Въ ней есть то, что поэтъ называетъ: *das ewig Weibliche*... Она не умна, да; но въ ней это такъ мило. И на что ей умъ? Что прибавилъ бы онъ къ этому чистому, ясному взгляду? У нея есть тактъ и грація. Хотя она и не умна, но она очень мило держитъ себя: ни лишней развязности, ни лишней застѣнчивости. Очень, очень она мила, и давно уже никто ему такъ не нравился. Развязку онъ предполагалъ въ Кисловодскѣ, а вчерашнимъ вечеромъ, по программѣ его, должна была послѣдовать предварительная поѣздка *en tête-à-tête* для того, чтобы приручить Мимочку и успокоить ея тревогу, такъ какъ онъ видѣлъ, что она все-таки на-сторожѣ... И вдругъ она не поѣхала. Скажите! Такъ вотъ мы какъ!.. Хорошо! Теперь надо наказать ее за это и заставить ее попросить его пріѣхать въ Кисловодскъ.

И онъ сидѣлъ подлѣ нея, грустно и холодно глядя передъ собой и сбивая палкой верхушки травы. Разговоръ не клеился.

Мимо прошла сестра актрисы Ленской. Старичокъ,

тающій отъ близости красавицы, какъ свѣча подъ лучами кавказскаго солнца, вель ее подъ руку.

Мимочка заговорила о ней. Ленскія очень интересовали ее, потому что она долго ревновала къ нимъ Валеріана Николаевича, и она часто спрашивала его о нихъ. Онъ, смотря по настроенію, или превозносилъ ихъ до небесъ, или смѣшивалъ съ грязью. На этотъ разъ Ленская подвернулась въ удачную для нея минуту. Валеріанъ Николаевичъ принялся возвеличивать ее. Это была женщина. Она достойна была носить высокое, святое имя женщины... Она жила и давала жить другимъ. Она, какъ солнце, освѣщала, согрѣвала всѣхъ, кто дышалъ въ ея близости... Когда она состарится и будетъ умирать, совѣсть ни въ чемъ не упрекнетъ ее. Она земное совершила. Она любила и жила... Это не манекенъ для примѣриванья парижскихъ туалетовъ, это живое существо съ теплой кровью; въ ней играютъ нервы, въ ней кипитъ жизнь... Это не кукла, которую дергаетъ за шнурокъ общественное мнѣніе... И полились грозныя филиппики противъ свѣтскихъ женщинъ, этихъ эгоистокъ, этихъ черствыхъ, пустыхъ кокетокъ... Хорошо ихъ воспитываютъ! Маменьки пропитываютъ ихъ нелѣпой моралью, съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онѣ перекладываютъ свои ковры и шали камфорой и т. п., чтобы сохранить ихъ отъ моли. И онѣ достигаютъ цѣли. Моль не тронетъ ихъ шалей, и страсть не коснется ихъ благовоспитанныхъ дочекъ. Но и дышать въ ихъ присутствіи тяжело. Человѣкъ задыхается... Съ ними скучно, да, да!.. невыносимо скучно! И удивительно ли, что отъ нихъ бѣгутъ къ такимъ женщинамъ, какъ Ленская!

Мимочка чуть не плакала. Ему скучно съ ней... ему всегда было скучно съ ней... Она — манекенъ для примѣриванья туалетовъ... Онъ уйдетъ отъ нея къ Ленской. Какъ ему не стыдно, какъ не стыдно!.. А онъ продолжалъ громить свѣтскихъ женщинъ, пересыпая свою рѣчь стихами и цитатами. Любовь двигаетъ міромъ. Есть женщины, недостойныя счастья любви, недостойныя высокихъ, святыхъ минутъ... Женщина, которая не умѣла любить—это дѣва безъ елея... И Христосъ скажетъ ей: отойди, я не знаю тебя... Бодрствуйте... Да... И придетъ старость, грозная, безпощадная старость, съ сѣдыми волосами, съ морщинами, и возьметъ холодной рукой за сердце, и сердце ужаснется и возжаждетъ жизни, и будетъ поздно, поздно!.. И стишокъ изъ Мюссэ, и стишокъ изъ Фета...

Валеріанъ Николаевичъ все пуще и пуще увлекался своимъ краснорѣчіемъ. Голосъ его то понижался до шопота, то возвышался... Онъ не оглядывался на Мимочку, онъ обращался не къ ней; онъ глядѣлъ прямо передъ собой, какъ бы обращаясь къ господамъ присяжнымъ. И Мимочкѣ казалось, что и кузнечики, и черные стволы деревьевъ, которые какъ бы играли роль присяжныхъ, говорили въ одинъ голосъ: „Виновна, виновна и не заслуживаетъ снисхожденія“.

Мимочка знала, что она виновата, но она рѣшительно не знала, какъ поправить дѣло, какъ сдѣлать, чтобы онъ пересталъ сердиться и пріѣхалъ бы въ Кисловодскъ. Она взглядывала на него. Какъ онъ былъ хорошъ! Онъ снялъ шляпу, и она видѣла его бѣлый лобъ, его волнистые волосы, его блестящіе глаза... Она чувство-

вала свое влеченіе въ нему... и боялась уже разсердить его... Ну, что ей сказать, что ей сказать? Господи!..

И она все ниже и ниже опускала голову и чертила зонтикомъ по песку, пока онъ говорилъ свои страшныя вещи.

Мимо проходили неужюжія армянки въ своихъ кисейныхъ покрывалахъ и тупо таращили на бѣдную Мимочку свои круглые черные глаза. Проходящіе мужчины лукаво улыбались и оглядывались на Мимочку, посвистывая...

А Валеріанъ Николаевичъ продолжалъ гремѣть тономъ вдохновеннаго пророка.

Женщины не хотятъ и не умѣютъ быть умными. Когда солнце для нихъ сіяетъ, когда небо имъ улыбается, онѣ опускаютъ шторы въ окнахъ... Все для нихъ игра, забава, шутка... Ни одна изъ нихъ не умѣетъ возвыситься до серьезнаго чувства... Кокетки, не стоящія того, чтобы человекъ съ душой тратилъ на нихъ время, тратилъ на нихъ сердце... Хорошо сказалъ Гейне... И какую горькую правду сказалъ Байронъ... А Монтескьё, великій законовѣдъ... Мимочка окончательно перестала понимать. Собственныя имена всегда отуманивали ее. У нея уже дрожали губы отъ желанія заплакать. И зачѣмъ онъ кричитъ на нее здѣсь, гдѣ всѣ проходятъ мимо и гдѣ она не можетъ ничего сказать изъ страха, что заплачетъ?

Воспользовавшись минутой его молчанія, Мимочка встала и сказала: — Кажется, мнѣ пора домой. — Онъ вѣжливо и холодно поклонился ей. — А вы не проводите меня? — Если прикажете. И они пошли въ гору. Онъ

игралъ тросточкой; Мимочка смотрѣла въ землю, а Рексъ лѣниво шелъ за ними, помахивая хвостомъ и удивляясь, какъ имъ не надоѣли ихъ глупые переговоры.—Когда же вы ѣдете въ Кисловодскъ? — спросилъ Валеріанъ Николаевичъ.—Завтра. А вы?—и Мимочка взглянула на него самымъ нѣжнымъ, самымъ просящимъ взглядомъ.—Я не ѣду туда совсѣмъ.

Они помолчали.

— Васъ такъ тянетъ домой? — начала опять Мимочка.

— Я поѣду не домой. Я вамъ говорилъ, кажется, что баронесса приглашала меня къ себѣ въ имѣніе... Баронъ—мой товарищъ по училищу, и я радъ буду повидаться съ нимъ! Да и она такая милая женщина...

И опять они шли молча. Мимочка боролась, не зная, попросить его пріѣхать въ Кисловодскъ, или нѣтъ. Если она попроситъ, зачѣмъ она его объ этомъ попроситъ и какъ онъ приметъ это? А если не попроситъ,—онъ такъ и не пріѣдетъ. Нѣтъ, она попроситъ, она попроситъ. И все еще она не рѣшалась и говорила:—Скажите мнѣ какіе-нибудь стихи.—Сказать вамъ стихи? Извольте.—Онъ сорвалъ по дорогѣ цвѣтокъ и сталъ декламировать:

*Elle était belle, si la nuit
Qui dort dans la sombre chapelle, и т. д.*

Когда онъ эффектно произнесъ послѣдній куплетъ, они уже стояли у двери дома, гдѣ мама ждала Мимочку къ обѣду, а она такъ и не попросила его пріѣхать. Она замѣтила, что, кажется, еще рано, что, вѣроятно, Вава еще не вернулась, такъ что они могутъ

еще пройтись. Валеріанъ Николаевичъ предложилъ ей руку, и они пошли дальше, потомъ они вернулись и прошли мимо дома въ другую сторону. Понемножку Мимочка разговорилась, и когда въ третій разъ они остановились у двери комнаты, въ которой татапа вторично разогрѣвала супъ на керосиновой кухнѣ, все нужное было сказано. Онъ обѣщалъ ей, что пріѣдетъ въ Кисловодскъ на мѣсяць (т.-е. на все время, пока онѣ тамъ будутъ), а она обѣщала ему въ первый же вечеръ поѣхать съ нимъ верхомъ. Зачѣмъ ему это? Ну, да все равно. Благо помирились.

И Вава, и Мимочка такъ пріятно проводили время въ Желѣзноводскѣ, такъ полюбили его, что по переѣздѣ въ Кисловодскъ не хотѣли ничѣмъ восхищаться и стояли на томъ, что Желѣзноводскъ гораздо лучше. Вава говорила, что Желѣзноводскъ теплый и темно-зеленый, а Кисловодскъ холодный и блѣдно-голубой; а Мимочка говорила, что у нея здѣсь кривое зеркало и кровать гораздо хуже желѣзноводской. Къ тому же здѣсь было много петербургскихъ знакомыхъ: княгиня Х., съ дочерью и племянницей, генераль Бараевъ, другъ Спиридона Ивановича, и еще кое-кто... Будутъ теперь надоѣдать имъ и сплетничать, и прости желѣзноводское приволье!

Скоро, впрочемъ, и Вава, и Мимочка вполне успокоились на этотъ счетъ. Оказалось, что княгиня не встаетъ изъ-за карточного стола, что княжна ловить маленькаго адъютанта съ цѣлью привести его къ алтарю,

что кузина ея романически и безнадежно влюблена въ одного очень блѣднаго и очень интереснаго господина, у котораго сбѣжала жена и который лечится здѣсь отъ *tabes dorsualis*, что генераль Бараевъ неотступно ходитъ за красивой вдовой, съ которой намѣревается проѣхать по военно-грузинской дорогѣ. Словомъ, оказалось, что всякій здѣсь занятъ собой и своими развлечениями. Княжна и кузина ея встрѣтились съ Мимочкой и Вавой любезно и восторженно-дружелюбно, но ясно было, что онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго желанія пользоваться ихъ обществомъ и думаютъ только о томъ, какъ бы имъ не мѣшали въ ихъ прогулкахъ и поѣздкахъ. И Мимочка, и Вава вздохнули свободно. Весь кружокъ послѣдней былъ уже въ сборѣ, за исключеніемъ студента, уѣхавшаго съ Морозовымъ въ Крымъ. Ваву радостно привѣтствовали, и въ первый же день ихъ переѣзда компанія предприняла восхожденіе на Крестовую гору, видъ съ которой настолько ей понравился, что дня черезъ два она стала находить, что Кисловодскъ еще лучше Желзноводска. Положительно тутъ было лучше. Тутъ были бѣлыя березы, журчація горныя рѣчки; а чего стоилъ одинъ этотъ чудный чистый воздухъ, пьянящій и возбуждающій. И потомъ здѣсь было болѣе пестроты, больше Востока, больше Кавказа.

Мамап съ удовольствіемъ приняла предложеніе княгини занять мѣсто четвертаго партнера, только-что уѣхавшаго въ Крымъ. Винтъ былъ одной изъ страстишекъ мамп, и ужъ куда же это было интереснѣе, чѣмъ пикетъ съ желчнымъ и озлобленнымъ сановникомъ.

На четвертый день по пріѣздѣ Мимочка надѣла бѣ-

лое платье и красную шляпку и вышла съ Вавой въ паркъ. Обѣ пили еще кумысъ почему и направились къ кумысной. Проходя галлереей Нарзана, онѣ встрѣтили Валеріана Николаевича, — и какого Валеріана Николаевича! Въ бешметѣ, въ черкескѣ, въ панахѣ, въ кинжалахъ. И что это былъ за джигитъ! Высокій, стройный, чернобровый! Это былъ сюрпризъ Мимочкѣ. Ревсъ величаво шелъ за своимъ господиномъ.

— Не смѣшно это? — спросилъ Валеріанъ Николаевичъ дамъ, здороваясь съ ними. — Я всегда вожу съ собой этотъ костюмъ, но въ началѣ сезона, въ Желѣзноводскѣ у меня не хватаетъ мужества надѣвать его. А здѣсь я уже смѣло облакаюсь въ туземное платье, тѣмъ болѣе, что здѣсь я почти не схожу съ лошади. Окрестности такъ хороши! Вы еще никуда не ѣздили?

— Никуда. Съ кѣмъ же бы я поѣхала!

— Какъ я радъ! Окрестности такъ хороши! И мнѣ такъ хотѣлось самому показать вамъ всѣ мои любимыя мѣста. Такъ сегодня мы ѣдемъ?

— Ѣдемъ. Вы сказали о лошадяхъ?

— Какъ же. Наши лошади здѣсь, такъ что не придется и искать новыхъ. Османъ вчера переѣхалъ.

Выпивъ кумысъ, Мимочка и Вава повели Валеріана Николаевича поздороваться съ маман, которая играла въ карты на воздухѣ. Маман обрадовалась ему и представила его княгинѣ, которая оглядѣла его въ лорнетъ, когда онъ отошелъ отъ ихъ стола, и тоже нашла, что онъ красивѣе Аютина.

А Валеріанъ Николаевичъ и Мимочка пошли дальше въ конецъ главной аллеи, потерявъ по дорогѣ Ваву, ко-

торая встрѣтила кого-то изъ своихъ. Мимочка сіяла. Ссоры между ними какъ не бывало; опять они въ хорошихъ дружескихъ отношеніяхъ. Мимочка и сама не ожидала, что такъ сильно обрадуется ему. Да, онъ ей нужнѣ всѣхъ. Съ нимъ жизнь совсѣмъ не то, что съ другими. И онъ такъ веселъ, такъ доволенъ, такъ радъ. Чему онъ радъ? Тому, что онъ съ ней, конечно. А она развѣ не рада тому же? Такъ рада, такъ рада! Ахъ, какъ хорошо!

Послѣ обѣда Мимочка прилегла отдохнуть. Но спать она не могла, а лежала и радовалась его пріѣзду. Можно ли было теперь спать? Она отдыхала уже, только думая о немъ. Можетъ же присутствие, близость другого человѣка вносить такую радость, такой свѣтъ въ ея жизнь. Ну, боть онъ и здѣсь. И опять они вмѣстѣ среди имъ чуждой вестрой толпы. Это все, что ей нужно. Быть вмѣстѣ и быть молодой и красивой для него и черезъ него. Поэтому что если, напримѣръ, сегодня она такъ хороша — вѣдь это отъ его пріѣзда. Радость красить ее. О, какъ она его любитъ! Такого съ ней еще никогда, никогда не бывало. И главное, тутъ нѣтъ ничего дурного. Развѣ это можетъ быть дурно, разъ что это будитъ въ ней лучшія стороны души?.. Она ничего, ничего не боится... Неужели она его любитъ любовью?.. Ну что-жъ, если и любовью? Сердца не удержишь, не остановишь; вонъ какъ оно бьется... Конечно, онъ никогда объ этомъ не узнаетъ. Она ничего не допуститъ, да и онъ никогда себѣ не позволить... Что-жъ, что она его любитъ? Самая чистая, самая честная женщина можетъ увлечься... Въ томъ-то и сила, чтобы, несмотря ни на что, остаться честной...

Поѣдутъ, поѣдутъ верхомъ и опять цѣлый вечеръ вмѣстѣ, вдвоемъ! Какъ хорошо, какъ хорошо!..

Потомъ она стала одѣваться... Никогда въ жизни ея туалетъ ей такъ не удавался. Волосы сами собой укладывались на головѣ, застегнутый лифъ сидѣлъ какъ перчатка, и когда Мимочка, надушивъ платокъ и принявъ изъ рукъ Кати хлысть, бросила на себя послѣдній взглядъ въ зеркало, на нее выглянуло оттуда такое ангельское, поэтическое личико съ сіяющими глазами и счастливой улыбкой, что она чуть не послала сама себѣ воздушнаго поцѣлуя. А лошади были уже поданы. Онъ сидѣлъ верхомъ и черезъ окно разговаривалъ съ тамап.

— Пожалуйста, Валеріанъ Николаевичъ, смотрите, чтобы она не ѣздила слишкомъ быстро и слишкомъ много. Ей такъ вредно всякое утомленіе, а она теперь все храбрится и такъ неосторожна... Давно ли мы поправились... Смотрите же, я вамъ поручаю ее...

— Будьте покойны, Анна Аркадьевна!

Мимочка, сойдя съ крыльца, легко вскочила въ сѣдло и, улыбнувшись тамап, поѣхала съ Валеріаномъ Николаевичемъ и немножко отставшимъ отъ нихъ Османомъ. А тамап поглядѣла имъ вслѣдъ и подумала: „Вотъ такъ парочка! Живи мы въ Аркадіи, а не въ Петербургѣ, вотъ бы намъ какого мужа надобно. Ну, да все дѣлается къ лучшему. Такой бы и не женился, искалъ бы денегъ, а потомъ бѣгалъ бы, измѣнялъ... Les beaux maris ne sont pas les meilleurs... И кавалеровъ всегда можно найти сколько угодно, а такого мужа, какъ Спиридонъ Ивановичъ, не каждый день найдешь“...

И мама въ раздумьѣ принялась за свою прическу, собираясь къ княгинѣ. А гдѣ же Вава? Гдѣ барышня?

— Онѣ сейчасъ тутъ были.

— Сейчасъ тутъ были! Я тебя спрашиваю, гдѣ онѣ теперь? О чемъ ты думаешь, скажи, пожалуйста? За что ты жалованье отъ Юліи Аркадьевны получаешь? Тебѣ сказано — ни на минуту не оставлять барышню одну. Сейчасъ иди ихъ искать!

Катя покорно выслушала маму, затѣмъ, подобравъ разбросанныя юбки и шпильки Мимочки, причесалась, надушилась Мимочкиной туалетной водой и, надѣвъ сѣренькую кофточку и шляпку съ крыломъ, поспѣшила въ паркъ, гдѣ въ концѣ тѣнистой аллеи ждалъ ее Давыдъ Георгіевичъ, уже подарившій ей кавказскую брошку и два колечка съ бирюзой.

Выѣхавъ изъ Кисловодска, Валеріанъ Николаевичъ и Мимочка поскакали по проселочной дорогѣ. Ъхали они то галопомъ, то шагомъ. (Валеріанъ Николаевичъ ѣздилъ только такимъ аллюромъ, какой нравился Мимочкѣ — не то, что Варяжскій!) При первой паузѣ онъ заговорилъ о лошадяхъ, рассказалъ Мимочкѣ, какія у него лошади въ Киевѣ, какія въ деревнѣ. Потомъ, переѣзжая бродки, они вспомнили Печорина и княжну Мери, и онъ заговорилъ о Лермонтовѣ, о литературѣ... Мимочкѣ было все равно о чемъ молчать, только бы слушать его. Потомъ онъ заговорилъ о природѣ, а она, любитъ ли она природу? О, да! Мимочка забыла, что она прежде любила природу только гдѣ-нибудь на музыкѣ. Ей казалось, что

она любить и всегда любила природу. Развѣ ей не пришлось скакать по этой зеленой степи, которая колыхалась какъ море? Развѣ не нравились ей эти нѣжныя очертанія горныхъ цѣпей, окаймлявшихъ горизонтъ? О, да, она любить природу. Прежде она ее совсѣмъ не знала. Въ Петербургѣ, въ Парижѣ природу видишь только на картинахъ, на выставкахъ...

Среди этой мирной бесѣды они встрѣтили коляску, въ которой сидѣлъ генераль Бараетъ со своей вдовой. Генераль любезно раскланялся съ Мимочкой, которая кивнула ему головкой. Валеріанъ Николаевичъ началъ подшучивать надъ генераломъ.

— Это Бараетъ, другъ моего мужа, — сказала Мимочка.

При упоминаніи о ея мужѣ по лицу Валеріана Николаевича всегда пробѣгала тѣнь. Мимочка уже знала это и теперь пожалѣла о томъ, что такъ некстати вспомнила о своемъ мужѣ. Оба замолчали и погнали лошадей, какъ будто упоминаніе о бѣдномъ Спиридонѣ Ивановичѣ заставило ихъ торопиться къ цѣли поѣздки.

— Куда же мы ѣдемъ сегодня? — спросила Мимочка, когда лошади устали и снова пошли шагомъ.

— Мы ѣдемъ въ „Замокъ Коварства и Любви“.

— Замокъ? Тамъ, правда, замокъ?

— Нѣтъ, замка никакого нѣтъ; а есть скалы, живописно расположенныя скалы... Красивый уголокъ... И со скалами этими связано преданіе. Вамъ не наскучитъ слушать, если я вамъ его расскажу?

— Напротивъ. Я очень рада.

— Ну-съ, такъ слушайте. У одного купца была дочь, разумѣется, молодая и прекрасная.

— Отчего: разумѣется?..

— Оттого, что иначе не стоило бы о ней говорить. Ну-съ, и эта дочь полюбила юношу, тоже молодого и прекраснаго. Молодые люди полюбили другъ друга такъ, какъ только можно любить подъ такимъ солнцемъ и среди такой природы. (Это, кажется, ничего не поясняетъ вамъ, mais passons.) Молодые люди любили другъ друга, но, какъ это почти всегда бываетъ, судьба и обстоятельства были противъ нихъ. Отецъ дѣвушки отвергъ исканія влюбленнаго юноши, который былъ бѣденъ, и нашель дочери другого жениха, тоже богатаго купца. Молодые люди попробовали бороться, но отецъ былъ непреклоненъ. Тогда молодые люди рѣшили умереть. Въ одно прекрасное утро они пришли на эти скалы, — сейчасъ вы ихъ увидите, — стали на край пропасти, чтобы броситься внизъ и разбиться о камни, простились другъ съ другомъ, простились съ жизнью, со свѣтомъ, съ природой. „Бросайся!“ — сказала дѣвушка: — „и я за тобою“. Онъ улыбнулся ей, бросился въ бездну и умеръ. А она...

— А она?

— Она вернулась домой и вышла за богатаго купца!

— О, какая!..

— Коварная, не правда ли? Она вышла за купца, а скалы навсегда сохранили воспоминаніе о его любви и о ея коварствѣ. Смотрите, — онѣ уже видны, видите? Лѣвѣе... Мы, впрочемъ, спустимся туда внизъ...

— Такъ вы бывали уже здѣсь?..

— О, не разъ! Но ни разу не былъ въ такомъ миломъ обществѣ...

— Что это? Un compliment?

— Нѣтъ, не шутя. Знаете, я люблю эти скалы, этотъ дикій живописный уголокъ, гдѣ каждая тропинка, каждый камень будитъ во мнѣ столько чувствъ и мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ моей свучной, сѣренькой будничной жизнью... И когда я бывалъ здѣсь, я всегда думалъ о томъ, какъ бы хорошо привезти сюда съ собой милое, поэтическое существо, словомъ, пріѣхать, какъ я пріѣхалъ сюда сегодня. И когда я вернусь домой, я скажу: „Нынѣ отпускаеши!“...

Въ головѣ Мимочки промелькнуло: „Не позволяеть ли онъ себѣ?“... Но нѣтъ; онъ уже опять говорилъ о лошадяхъ. Потомъ оба замолчали. Надо было спускаться внизъ по крутой, узенькой тропинкѣ. Османъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу.

Темнѣло. Луна не показывалась.

— Какой же это лунный вечеръ? Вы говорили, что будетъ луна?

— Погодите, погодите. Будетъ и луна.

— Но мы тутъ ничего не увидимъ.—Мимочку начинала смущать эта темнота.

— Какъ не увидимъ? Развѣ вы не видите скалъ? Какъ хорошо это ущелье! А луна сейчасъ взойдетъ.

— Да, но пока мы будемъ ждать луну, будетъ поздно, и когда мы возвратимся?

— Поздно? Отчего поздно? При лунѣ ѣхать будетъ свѣтло какъ днемъ. И куда поздно? Развѣ вы собираетесь на вечеръ?

— Нѣтъ, я нигуда не собираюсь. Но мамап будетъ безпокоиться.

— Не будетъ она безпокоиться, потому что вы со мною. И въ чему думать о возвращеніи, когда здѣсь такъ хорошо! Впрочемъ, женщины не умѣютъ отдаваться настоящей минутѣ. Мнѣ жаль ихъ!.. Развѣ вамъ здѣсь не нравится? Я думалъ, что вы болѣе чутки къ красота́мъ природы... Взгляните на эти скалы, на это небо, на эти звѣзды... Помните это, изъ Мюссэ:

J'aime! voilà le mot que la nature entière
Crie au vent qui l'emporte, à l'oiseau qui le suit!
Sombre et dernier soupir que poussera la terre
Quand elle tombera dans l'éternelle nuit!
Oh! vous le murmurez dans vos sphères sacrées,
Étoiles du matin, ce mot triste et charmant!
La plus faible de vous, quand Dieu vous a créées,
A voulu traverser les plaines éthérées,
Pour chercher le soleil, son immortel amant.
Elle s'est élancée au sein des nuits profondes.
Mais une autre l'aimait elle-même; et les mondes
Se sont mis en voyage autour de firmament.

— Какъ это хорошо, не правда ли! Мнѣ жаль, что я не вижу вашего лица. Я хотѣлъ бы знать, такъ ли вы смотрите, какъ всегда.

— А какъ я смотрю всегда?

— Холодно, строго... Генеральшей.

— Генеральшей? Стало быть, я смотрю тѣмъ, что я есть.

— Не клеветите на себя. Вы женщина. Вы и должны смотрѣть женщиной, вотъ такой женщиной, какая стояла

тамъ на вершинѣ скалы, колеблясь между жертвой и измѣнной.

— Но я вовсе не хочу походить на нее.

— Отчего?

— Оттого, что она поступила очень гадко.

— Вѣроломно, да, но она поступила какъ женщина, какъ слабая, фальшивая женщина. И это мнѣ нравится. Я люблю слабость въ женщинѣ. И не люблю женщинъ сильныхъ, героинь. Пусть прославляютъ ихъ кто хочетъ, — я никогда не буду ихъ поклонникомъ. Душевная сила такъ же мало пристала женщинамъ, какъ и сила физическая. Женщина должна быть вся слабость, вся любовь, вся нѣжность. Пусть слабость дѣлаетъ ее фальшивой. Что-жъ, если это мило!.. А вы, какъ бы вы поступили на ея мѣстѣ? Представьте себѣ, что вы полюбили бы кого-нибудь, ну, хоть меня. Надѣюсь, что такое предположеніе, въ шутку, не оскорбитъ васъ. Представьте же себѣ, что вы полюбили меня, вотъ сейчасъ, теперь, такая, какъ вы есть, въ вашемъ положеніи.

— Въ моемъ настоящемъ положеніи?.. Я думаю, что еслибъ я васъ полюбила, я постаралась бы, чтобы вы объ этомъ ничего не узнали.

— Это почему?

— Потому что я замужемъ, не свободна.

— *La belle raison!*..

— *Comment, ce n'est pas une raison?..* Что же бы вы сказали, еслибы ваша жена...

При упоминаніи о Спиридонѣ Ивановичѣ, Валеріанъ Николаевичъ хмурился; при упоминаніи о его женѣ, на лицѣ его разливалось выраженіе скуки и утомленія. Вы-

раженіе это Мимочка хорошо знала, и оно всегда радовало ее. Хотя она слыхала отъ баронессы, что жена его прелестная женщина, но ей пріятнѣе было думать и представлять себѣ, что она такая же скучная, ненужная и неподходящая, какъ и Спиридонъ Ивановичъ. Еслибы онъ былъ съ ней счастливъ, онъ не уѣзжалъ бы отъ нея, и у него не было бы такого блѣднаго, утомленнаго лица и впалыхъ щекъ, не такъ ли?.. Нѣтъ, онъ вѣрно несчастливъ, страдаетъ и только не жалуется, потому что онъ гордъ. Бѣдный, милый!..

Между тѣмъ они спустились въ ущелье, и Валеріанъ Николаевичъ предложилъ Мимочкѣ спѣшиться и пройти пѣшкомъ въ одинъ уголокъ, откуда, по его мнѣнію, видъ на скалы былъ всего красивѣе. Османъ увелъ лошадей, а Валеріанъ Николаевичъ и Мимочка стали пробираться по камнямъ, вдоль журчащей горной рѣчки. Высокая, отвѣсная скала стояла за ними грозной стѣной. Мимочкѣ казалось, что она спустилась въ нѣдра земли или что она на днѣ глубокаго колодца. Такъ высоко надъ головой ея была степь, по которой они скакали, такъ далеко казалось небо, на которомъ появилась, наконецъ, желанная луна, освѣтившая скалы, живописно украшенная зеленью.

— Ну что? Какъ вамъ нравится?..

— *C'est féérique*, — шептала Мимочка, — *c'est féérique!* — А какая тишина, какая тишина! Нѣтъ, положительно она гдѣ-то не на землѣ. И въ послѣдній разъ, на секунду, въ головѣ Мимочки мелькнула тревожная мысль: хорошо ли она сдѣлала, что сюда пріѣхала? Можетъ быть, хоть онъ и звалъ ее сюда, но былъ бы о

ней лучшаго мнѣнія, еслибы она не поѣхала. Но нѣтъ, какой вздоръ! Что же тутъ дурного? Всѣ ѣздятъ любоваться природой, и она пріѣхала любоваться природой. Нельзя быть на Кавказѣ и не посмотреть окрестностей. Потомъ она будетъ смотрѣть фотографіи, и окажется, что она ничего не видѣла. Отчего Вава не ѣздитъ верхомъ? Они взяли бы ее съ собою. И что-жъ такое, что она пріѣхала сюда съ нимъ вдвоемъ? Еслибы она поѣхала съ нимъ куда-нибудь въ ресторанъ, это было бы ужасно. (Но она никогда и не поѣхала бы). А сюда они пріѣхали любоваться природой. Да и, наконецъ, съ ними татаринъ. Вонъ, гдѣ-то вдали слышно конское ржаніе: это ихъ лошади и Османъ.

И успокоивъ свою совѣсть такими разсужденіями, Мимочка повторила: — *C'est féérique!*.. — И Мимочка искренно любовалась живописными скалами, а Валеріанъ Николаевичъ искренно любовался ею.

— Вы не устали? — спросилъ онъ, разстлалъ свою бурку на землѣ. — Сядьте. Мнѣ жаль, что я уже разсказалъ вамъ легенду о бѣдномъ юношѣ, погибшемъ здѣсь. Надо было разсказать вамъ ее теперь, здѣсь, въ виду этихъ скалъ... Ну, я разскажу вамъ что-нибудь другое.

Положительно, Мимочка была не на землѣ. Не можетъ быть, чтобы это была та самая луна, которая свѣтила Спиридону Ивановичу и бѣби. Та осталась гдѣ-то далеко, а это была совсѣмъ другая луна, кроткая, покровительствующая имъ. И какой томный волшебный свѣтъ лила она на этотъ уголокъ, гдѣ они были одни, одни и такъ далеко отъ людей, отъ шума, отъ свѣта...

Какъ тихо, какъ тихо!.. Какія полныя, хорошія, ничѣмъ не отравленныя, минуты!.. Здѣсь бы заснуть, умереть и не просыпаться, не возвращаться къ жизни. И онъ былъ съ ней, подлѣ нея и глядѣлъ на нее, какъ покорный рабъ, какъ преданный другъ.

И въ первый разъ въ жизни Мимочка не думала о томъ, къ лицу ей или не къ лицу то, что на ней надѣто, и что сказали бы тетушки о томъ, какъ она себя держитъ. Она чувствовала что-то странное: не то она заснула, не то пробудилась. Никогда съ ней не было ничего подобнаго. И у нея тѣснило дыханіе. Минутами она боялась, что ей сдѣлается дурно.

Камень упалъ, и они оба вздрогнули. И онъ еще ближе подвинулся къ ней. — Вы испугались? Онъ ли это? Да, это его глаза блестятъ. Какое блѣдное лицо! Какая блѣдная луна! Что же это, сонъ или явь? И Мимочка, желая нарушить это страшное, подавляющее безмолвіе и очнуться отъ овладѣвающаго ею оцѣпенѣнія, еще разъ повторила: — *C'est féérique, c'est féérique!*

И точно въ этомъ вечерѣ было что-то волшебное, что-то необыкновенное. И необыкновеннѣе всего было то, что Валеріанъ Николаевичъ обнималъ и цѣловалъ Мимочку и цѣловалъ ея глаза, губы, волосы. Какъ это случилось, — онъ ли себѣ позволилъ, она ли допустила?.. О, „Замокъ Коварства и Любви“! Потомъ онъ говорилъ ей ласковымъ шопотомъ, что это должно было случиться. Ну, конечно, разъ что случилось, — вѣроятно, и должно было случиться. Но все-таки надо было ѣхать домой и скорѣй, скорѣй!.. И когда онъ подсаживалъ ее въ сѣдло, онъ говорилъ ей: „Милая! Чудная!..“ А она растерянно

поправляла прическу и говорила: „Il fait tard, il fait tard!“ — но сіяла таковой красотой, какой никогда не видаль Спиридонъ Ивановичъ, даромъ, что онъ командоваль дивизіей, и цѣлая дивизія смотрѣла ему въ глаза.

Надо было скорѣй, скорѣй ѣхать, а Мимочка на горе потеряла хлыстикъ. Османъ и Валеріанъ Николаевичъ побѣжали искать его. Хлысть нашелся, и всѣ трое понесли вихремъ по степи, залитой луннымъ свѣтомъ.

Кисловодскъ сіялъ огнями, когда они вѣѣхали въ тополевую аллею. Изъ центральной гостинницы доносились звуки вальса. Мамап ждала дочь, сидя у открытаго окна, и безпокоилась.

— Наконцѣ-то вы! — сказала она. — Я ужь боялась, что съ вами что-нибудь случилось, какое-нибудь нападеніе... Ну что? Ты устала?..

— Да, мы такъ спѣшили домой.

— Зайдите, Валеріанъ Николаевичъ, напейтесь чаю.

Валеріанъ Николаевичъ поблагодарилъ и отказался. Онъ обѣщаль одной дамѣ быть на вечерѣ. И снявъ Мимочку съ сѣдла, онъ проводилъ ее до крыльца и шепнулъ ей: — A demain! — а взглядомъ и пожатіемъ руки поблагодарилъ ее за поѣздку.

Войдя къ себѣ, Мимочка отказалась отъ чаю и закуски и начала торопливо раздѣваться. Ей не хотѣлось никого видѣть. И, погасивъ свѣчу, она опустила на подушку свое сіяющее лицо. Какъ это случилось? Она не чувствовала ни раскаянія, ни стыда. Она чувствовала себя только счастливой и спокойной. Это — паденіе, это — страшный шагъ, пятно, которое не смывается, это — грѣхъ, думала она, а какъ легко ей было

совершить его! *Maintenant, c'est fini, elle est une femme perdue!* А мужъ?!.. Но не надо, не надо объ этомъ думать, лучше думать о немъ: Валь! Валь!.. И Мимочка заснула крѣпко и безмятежно, какъ спятъ счастливые люди съ чистой и спокойной совѣстью.

Утромъ они встрѣтились въ галереѣ. Оставался только мѣсяць до возвращенія въ Петербургъ, а сколько еще надо было имъ переговорить, сколько сказать другъ другу. Надо было рассказать, какъ они полюбили другъ друга съ первой встрѣчи, съ перваго взгляда, еще тогда, въ Ростовѣ... *Un coup de foudre!*.. Какъ потомъ они вспоминали, искали, какъ резновали другъ друга, пока снова не встрѣтились, не познакомились... И какъ должно было случиться то, что случилось. Надо было сказать другъ другу, что они всегда ждали, что они предвидѣли другъ друга и что теперь, когда, наконецъ, они встрѣтились, они связаны на вѣки. *Oui, c'est pour la vie, c'est pour la vie!*.. А главное, надо было уговориться о томъ, когда и гдѣ видѣться.

Онъ жилъ одинъ, и, соблюдая извѣстныя предосторожности, Мимочка могла приходиться къ нему. Это было всего удобнѣе. Онъ не предложилъ бы ей этого, еслибы тутъ былъ какой-нибудь рискъ, потому что честь Мимочки и ея доброе имя были ему дороже всего. И Мимочка, оглядѣвшись и убѣдившись въ томъ, что папан не *se doute de rien*, и что она, и княгиня X., и вся ихъ компанія всецѣло поглощены наблюденіями надъ гусаромъ Аютинымъ и его невѣстой, успокоилась и стала осторожно ходить къ нему.

Какъ ей нравилось у него! Все, что его окружало,

что ему служило, носило на себѣ отпечатокъ его изящнаго вкуса. Мимочка перебирала его бювары, его альбомы, смотрѣла карточки дѣтей, жены... Жена была слишкомъ красива и возбуждала въ ней ревность, но Валеріанъ Николаевичъ успокоивалъ ее: „Хороша?.. Да, она хороша. Но этого мало. Une femme doit plaire. Il faut savoir plaire. Это главное“. Его жена не для него. Холодная, безжизненная красота. И сухая душа, сивій чулокъ, une lady Вугон... Она — мать, только мать, а не любовница. Она живетъ для дѣтей и отъ него требуетъ, чтобы онъ жилъ для дѣтей. Это нелѣпость. Дѣти сами будутъ жить. И онъ хочетъ жить. Другой жизни ему не дадутъ. Надо жить, жить...

И онъ цѣловалъ Мимочку, цѣловалъ ея глазки, говоря: — Дай мнѣ выпить это море!

Мимочка и не знала раньше, что въ глазахъ у нея море.

Успокоивъ свою ревность, Мимочка прятала карточку жены Валеріана Николаевича подальше, такъ чтобы она не попадалась ей на глаза, и продолжала рыться въ его вещахъ.

У Валеріана Николаевича было сорокъ галстуховъ и сорокъ паръ носковъ. И въ каждому галстуху соответствующіе носки. А сколько брелочковъ, булавокъ, колецъ, которые онъ мѣнялъ, тоже подбирая ихъ къ характеру галстуха. Вообще онъ былъ немножко щеголь, но это нравилось Мимочкѣ. Она перебирала и укладывала эти сорокъ галстуховъ въ шкатулкѣ розоваго дерева, отдѣляя галстухъ отъ галстуха его любимымъ sachet: „Cherry blossom“. И она говорила ему, какіе галстухи

она любить и какихъ не любить, и какой надѣтъ ему завтра. А одинъ галстухъ она прозвала „галстухомъ Коварства и Любви“. Это былъ ея любимый. Изрѣдва, преимущественно въ тѣ дни, когда получались письма отъ Спиридона Ивановича, на Мимочку находили „синіе дьяволы“, какъ она говорила, и она себя упрекала за свою вину относительно мужа.—*Je suis une femme perdue*,—говорила она.—Все-таки я его обидѣла, оскорбила... И онъ ничѣмъ не заслужилъ этого. А что будетъ, если онъ узнаетъ, если всѣ узнаютъ! Онъ меня убьетъ, выгонитъ... Enfin, *je suis une femme perdue*, и ты самъ долженъ презирать меня. Да, ты презираешь меня, Валь. Я вижу...

— Дита! — И онъ старался убѣдить ее въ томъ, что презирать ее не за что.—*On vit comme on peut*. А Марья Петровна, а Марья Львовна?..

Мимочка задумывалась и припоминала. Дѣйствительно, и Марья Петровна, и Марья Львовна... А Нетти-то, Нетти!.. Но зато, съ другой стороны, Анна Васильевна, и тетя Жюли, и шатап... Нѣтъ, есть же все-таки честныя, хорошія женщины, не такія, какъ она. Иначе зачѣмъ же эти суровые, беспощадные приговоры, зачѣмъ столько лицемѣрія?.. Валеріанъ Николаевичъ объяснялъ ей все это.

— Видишь-ли, бѣдные люди слишкомъ много страдаютъ и терпятъ для того, чтобы не ловить минуты счастья, которыя выпадаютъ имъ на долю.

— О, да! люди страдаютъ.

И она рассказывала ему о Спиридонѣ Ивановичѣ и о томъ, какъ ей скучно съ нимъ жить. Она немножко

боялась, что Валь будетъ презирать ея за то, что у нея старшій мужъ,—онъ такъ громилъ продажную любовь! Но нѣтъ, это нисколько не возмущало его. Вообще съ поѣздки въ „Замокъ Коварства и Любви“ отношеніе его къ Спиридону Ивановичу совершенно измѣнилось. Онъ уже не хмурился, когда Мимочка произносила это имя, а напротивъ, старался внушить ей, что съ такимъ мужемъ можно прожить хорошую и полную жизнь. Надо только быть умницей. И онъ давалъ ей совѣты.

Зимой онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Жена останется въ Кіевѣ съ дѣтьми, и они проведутъ чудную зиму. Только никакихъ неосторожностей. Онъ хвалилъ Мимочку за то, какъ она себя здѣсь держала такъ ровно, спокойно, естественно. Ни нѣжно-любящая мама, ни чуткая Вава ничего, ничего не замѣчали. Такъ и надо, такъ и надо. Они любятъ другъ друга, и они должны воздвигнуть стѣну между собой и свѣтомъ. Тайна и есть та стѣна, за которой они могутъ смѣло и полно любить другъ друга. Надо прятать свое счастье какъ кладъ, какъ сокровище.

L'amourette que l'on ébruite
Est un rosier déraciné.

Пусть догадываются, пусть подозрѣваютъ, но пусть никто ничего не знаетъ.

Мимочка рассказывала ему, какъ она вышла замужъ, какъ всё ея уговаривали, какъ сама она никогда не рѣшилась бы на это. Валеріанъ Николаевичъ не понималъ, почему. Это было благоразумно, и она прекрасно поступила. Деньги — не послѣдняя вещь въ жизни; если

опѣ не счастье, то ключъ къ счастью. Она только не умѣла жить эти четыре года. Она сама создала себѣ скучную жизнь. Все хорошее зависитъ отъ насъ.

Но ей до сихъ поръ никто и не нравился. Она еще не любила, и еслибы не встрѣтила здѣсь его, Валя, то такъ бы и не узнала счастья любви. Но теперь c'est pour la vie, n'est-ce pas?

— Oui, c'est pour la vie!

Онъ вѣдь тоже былъ глубоко несчастливъ въ семейной жизни. Жена его была сухая, черствая педантка, не умѣвшая отзывать на порывы его пылкой души. Это была самка, une femelle, да!.. Почему онъ на ней женился?.. Это длинная исторія. Когда-нибудь онъ расскажетъ ее Мимочкѣ, послѣ, послѣ, а пока... „Дай мнѣ выпить это море!“... И онъ цѣловаль ея глазки.

Первыя двѣ недѣли онъ говорилъ Мимочкѣ, что непременно прїѣдетъ въ Петербургъ, и они мечтали о томъ, какіе дивныя вечера будутъ они проводить въ театрахъ, въ концертахъ. Каждый день они будутъ встрѣчаться. Но по мѣрѣ того, какъ приближалось время разлуки, планы эти нѣсколько измѣнялись.

Онъ получилъ изъ Кіева дѣловое письмо. Оказывалось, что врядъ-ли удастся ему вырваться въ Петербургъ. Предстояло дѣло, большой, сложный процессъ, съ подробностями котораго онъ знакомилъ Мимочку. Онъ будетъ защищать одного знаменитаго вора, порядочнаго мерзавца. — Какъ же защищать мерзавца? — спрашивала Мимочка: — вѣдь ты считаешь его виновнымъ?

— Убѣжденъ въ его виновности!

— И будешь защищать его quand même?

— Всякій человекъ имѣетъ право на защиту. Легко оправдать невиннаго. Его невинность сама за себя говоритъ. Но чтобы простить виновнаго, чтобы отнестись къ нему снисходительно, милостиво, какъ и долженъ относиться христіанинъ къ своему ближнему, кто бы онъ ни былъ, для этого нужно много ума и знанія человеческого сердца. Христось не судилъ, Христось оправдывалъ всѣхъ, и вотъ для того-то, чтобы пробудить въ сердцахъ присяжныхъ эту божественную искру,—а она есть въ каждомъ изъ насъ...

— И неужели его оправдаютъ?

— Можетъ быть.

— Негодяй!! Я бы послала его на каторгу. Изъ-за него мы не увидимся. Какъ я его ненавижу! А ты еще будешь защищать его...—И Мимочка плакала.

— Дитя!—говорилъ Валеріанъ Николаевичъ и цѣловалъ ея глаза.

— Такъ мы такъ и не увидимся?

— Чтò дѣлать!.. Судьба ревнива...

И когда, за три дня до отъѣзда, Мимочка горько плакала у него на плечѣ, онъ гладилъ ее по головкѣ и разсѣянно говорилъ:

— Чтò дѣлать! Надо покориться. Мы были счастливы.. Судьба ревнива... *Voions, du courage...* Надо умѣть смотрѣть въ глаза неизбежному... Благословимъ Провидѣніе за свѣтлыя минуты... Вы еще такъ молоды...

„Ты новыя чувства узнаешь
И новыхъ друзей изберешь“...

— *Jamais, jamais...* И ты можешь такъ говорить! Тебѣ все равно, чтобы я полюбила другого? Ты не *m'a jamais aimée!*.. О, Валь, Валь!..

— *Enfant! voyons, ne pleurez donc pas...* Что-жъ! Мнѣ были весенніе цвѣточки, другимъ будутъ плоды... Не ужасайтесь такъ!.. *Je connais la vie, voilà tout!*.. Ты не сердисься?.. Нѣтъ!.. Дай мнѣ поцѣловать твои глазки! Какъ я люблю цѣловать ихъ!.. Рокъ не судиль... Мы сорвали цвѣточки...—И стихокъ изъ Гейне, и стихокъ изъ Фета...

— Я не забуду, никогда не забуду, и ты помни,
„*Rappelle-toi, lorsque l'aurore craintive*“...

А Мимочка только тихо, беззвучно плакала, качая головкой, и цѣловала его руки, и обильныя слезы ея градомъ капали на галстухъ „Коварства и Любви“.

Потомъ они обмѣнялись кольцами съ бирюзой. Мимочка снялась для него въ амазонкѣ, на той самой лошади, на которой она ѣздила въ „Замокъ Коварства“; а онъ снялся для нея въ червешкѣ. Они хотѣли непременно съѣздить еще разъ въ „Замокъ“, но было некогда, что-то помѣшало...

А татап уже укладывалась и ворчала на Катю, которая точно рехнулась: забывала приказанія, роняла все изъ рукъ, клала тяжелое сверхъ легкаго.

Бава связывала веревочкой тетрадки со своими путевыми впечатлѣніями и съ проектами своего дома для брошенныхъ дѣтей и записывала адреса своихъ кавказскихъ друзей.

А Катя, стоя на колѣняхъ передъ раскрытымъ сун-

дукомъ, перекладывала папиросной бумагой плюшевую кофточку Мимочки, и отъ времени до времени крупныя слезы капали на кофточку и на уложенное подъ нею бѣлье. О, кавказская бирюза!..

Рано поутру дорожная коляска стояла у подъѣзда комнатъ Барановской. Вава крѣпко пожимала руки своимъ друзьямъ, пришедшимъ проститься съ ней. Она очень поправилась за лѣто, загорѣла, пополнѣла, окрѣпла. Хорошее лѣто провела она здѣсь, и какъ жаль зато разставаться съ этими голубыми горами, съ этими дорожками и тропинками и съ хорошими друзьями. Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! И Вава, забывая о строгости матери, о домашнихъ порядкахъ и о прежнихъ неудачныхъ попыткахъ заводить свои знакомства, приглашала къ себѣ всѣхъ, всѣхъ своихъ друзей, — пожалуйста, непременно, какъ только кто-нибудь изъ нихъ будетъ въ Петербургѣ! Она будетъ такъ счастлива!.. „Не забудьте же: Милльонная, домъ 5, квартира 2... Пожалуйста, непременно!“

Мимочка вышла въ дорожной шляпкѣ, въ ватерпруфѣ, съ дорожной сумочкой черезъ плечо, закутанная густымъ газовымъ вуалемъ. Она была спокойна и равнодушна. Наканунѣ она выплакала у него всѣ свои слезы.

Валеріанъ Николаевичъ былъ такъ любезенъ, что вызвался проводить ихъ верхомъ до Эссентуковъ. Онъ стоялъ въ черкескѣ, картинно опершись на сѣдло, и тихонько напѣвалъ романсъ Капри: „Я помню блаженныя встрѣчи“...

Катя прибѣжала съ картонками въ рукахъ, заплаканная и запыхавшаяся... Матап съ изумленіемъ поглядѣла

на нее. Все вынесли, все на мѣстѣ. Дамы садятся, и коляска выѣзжаетъ изъ Кисловодска.

Въ Эссентукахъ простились. Валеріанъ Николаевичъ поцѣловалъ ручку маман, которая изъявила надежду увидѣть его у нихъ въ Петербургѣ. Вава пригласила его и къ себѣ. Ей такъ жаль было, что все кавказское отъ нея уходитъ. Мимочка молчала, но грустно взглянула на него.

И коляска покатила дальше, по направленію къ станціи Минеральныхъ Водъ.

Было сѣрое, пасмурное утро, и мелкій, частый дождь билъ о стекла, когда дамы проснулись, подѣвжая къ Петербургу.

Дождь, дождь, дождь.. Унылое, сѣрое небо... Потянулись петербургскія дачи съ ихъ сосновыми рощами; замелькали грязныя, вязкія дороги, окаймленныя канавками съ густо разросшимися кустами папоротника... Мохъ, брусника, болото, туманъ...

Вотъ и знакомые огороды съ капустой, и казармы, и платформа Петербургской станціи.

Дождь пересталъ, и мокрая платформа освѣщается солнцемъ.

Вотъ и деньчикъ Спиридона Ивановича, вотъ и лакей тети Жюли...

А вотъ и самъ Спиридонъ Ивановичъ стоитъ, сіяя, какъ мухоморъ, своей красной подекладкой... Маман радостно стучитъ ему въ окно.— Увидѣлъ, увидѣлъ, узналъ!

У Мимочки падаетъ сердце. Какой онъ старый и какой чужой, чужой!.. Ей хочется, чтобы поѣздъ не останавливался, чтобы онъ шелъ все дальше и дальше и промчалъ ее мимо... Но поѣздъ замедляетъ ходъ, поѣздъ останавливается. Надо выходить.

Вотъ и m-me Lambert съ Зиной, и, о Боже мой, и бабичка съ няней! Онъ пріѣхалъ встрѣтить свою мамашу! Какъ онъ выросъ, какъ онъ похорошѣлъ и загорѣлъ, милый крошечка! И посмотрите, какъ онъ не дичится, онъ улыбается, онъ здороваается со всѣми, протягиваетъ губки для поцѣлуя матери, бабушкѣ, Вавѣ... И онъ дѣлаетъ честь, да, онъ научился дѣлать честь, прикладывать ручку къ головѣ и говорить: „Здравія желаю!“ О, какой душка!..

И бабушка душить баби поцѣлуями, и слезы гордости и нѣжности выступаютъ ей на глаза, когда баби, вытанувшись передъ ней, говоритъ и ей: — Здлявія зеляю, васе плевосходительство!—А Спиридонъ Ивановичъ заключаетъ Мимочку въ свои генеральскія объятія.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ всѣ собрались у тети Жюли. У нея была радость. Вова нашелъ невѣсту, вполне подходящую. И богатство, и связи... Объ этомъ еще не говорили и не объявляли, но дѣло было улажено. Невѣста была нехороша и уже не очень молода, но по уши влюблена въ Вову. Тетѣ Жюли она очень нравилась, и она говорила сестрамъ о дѣвущикѣ: — Elle n'est pas futile.

Тетя Жюли съ чувствомъ благодарила мамашу за Ваву. Не говоря о томъ, что Вава очень поправилась физи-

чески, она и нравственно измѣнилась въ лучшему, — стала сдержаннѣе, кротче, послушнѣе. За это ей дали отдѣльную комнату, гдѣ она спитъ, пишетъ и учится безъ m-me Lambert.

— Ну, вообще, вы хорошо съѣздили?—говоритъ теть Жюли въ заключеніе.

— Прекрасно, прекрасно. Я такъ довольна, что мы послушались тогда Варяжскаго.

— Но до чего Мимочка похорошѣла! ее просто узнать нельзя.

— Поразительно!—говоритъ теть Мари.—На будущее лѣто ѣду въ Кисловодскъ, чтобы помолодѣть и похорошѣть.

Мимочка скромно и равнодушно улыбается.

— Нетти-то!—говоритъ теть Софи.—Вы не слышали о скандалѣ?

— Нѣтъ, что такое? Зина писала что-то вскользь, но мы ничего не поняли.

— Разошлась съ мужемъ и теперь пропадаетъ въ Парижѣ, мѣняя любовниковъ какъ перчатки. Страсть что такое! Она всегда поступала какъ дурочка. Передъ самымъ отъѣздомъ мужа въ плаваніе, ее вдругъ начинаетъ разбирать совѣсть. Ужь молчала бы хоть до его возвращенія! Нѣтъ, она идетъ исповѣдываться и рассказываетъ священнику все: такъ и такъ, говоритъ, виновата передъ мужемъ. Тотъ сейчасъ говоритъ: „А мужъ знаетъ?“ — „Нѣтъ“, говоритъ.— „Ну, такъ и не говорите ему“. И началъ ей разъяснять, почему она должна молчать, что она согрѣшила, пусть она и мучится, а его мучить не за что...

— Это они всегда такъ говорятъ, — необдуманно вставляетъ тетя Мари и, встрѣтивъ вопросительный взглядъ тети Жюли, прибавляетъ: — Я слышала много такихъ случаевъ, когда священники это говорили.

— Ну, она приходитъ съ исповѣди домой и говорить мужу: „Я была у священника и сказала ему о моемъ грѣхѣ“. — „Какой грѣхъ?“ А вотъ какой. Какъ?! Сцены, объясненія. Онъ хочетъ застрѣлиться, она хочетъ застрѣлиться. Онъ хочетъ убить ее, убить того, убить себя... Въ концѣ-концовъ, онъ уѣзжаетъ въ плаваніе, а она, подбросивъ всѣхъ дѣтей старикамъ Полтавцевымъ, переселяется къ возлюбленному и начинаетъ хлопотать о разводѣ. Черезъ два мѣсяца тотъ уже не въ силахъ выносить ее и бѣжитъ отъ нея. Она отравляется, докторы спасаютъ, и она уѣзжаетъ въ Парижъ. Вотъ уже три недѣли, что она тамъ, и о ней очень дурные, очень дурные слухи...

— Ахъ, какъ мнѣ жаль стариковъ Полтавцевыхъ! — говорить тамап, — каково имъ это!

— Я говорила давно, что она на опасной дорогѣ, — говорить тетя Жюли.

Мимочка утвердительно качаетъ головой.

— Ну, а встати о романахъ, — говорить тетя Софи: — правда, что на Кавказѣ, на водахъ, такъ флѣртятъ?

— Ахъ, и не говорите! — улыбаясь, отвѣчаетъ тамап. — Чего-чего мы не посмотрѣлись, чего не наслушались! И Варяжскій, представьте ..

— А за Мими ухаживали?.. Est-ce qu'il y a eu quelqu'un pour te faire la cour?.. Et personne ne t'a donné dans l'œil?..

— Quelle idée, ma tante!.. Да тамъ никого и не было. То-есть, было много симпатичныхъ и пріятныхъ людей, но такихъ, чтобы понравиться...

И Мимочка, улыбаясь своей прежней петербургской улыбкой, отрицательно качаетъ головой.

— Ну, а природа дѣйствительно хороша?—спрашиваетъ тетя Жюли.—Вава восхищается горами.

— Да онѣ ничего не видѣли,—съ сожалѣніемъ говорить Спиридовъ Ивановичъ:—ну, какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, не съѣздить на Бермамутъ? Вѣдь я писалъ вамъ, чтобы вы съѣздили. Быть въ Кисловодскѣ и не съѣздить на Бермамутъ! Эхъ, вы!.. Вѣдь вы горы настоящихъ, стало быть, и не видѣли.

— Да не съ кѣмъ было,—оправдываясь, говорить Мимочка.—Х. съѣздили до нашего пріѣзда, а втроемъ мы какъ-то не собрались. Я ужъ и такъ старалась все объѣздить и осмотрѣть.

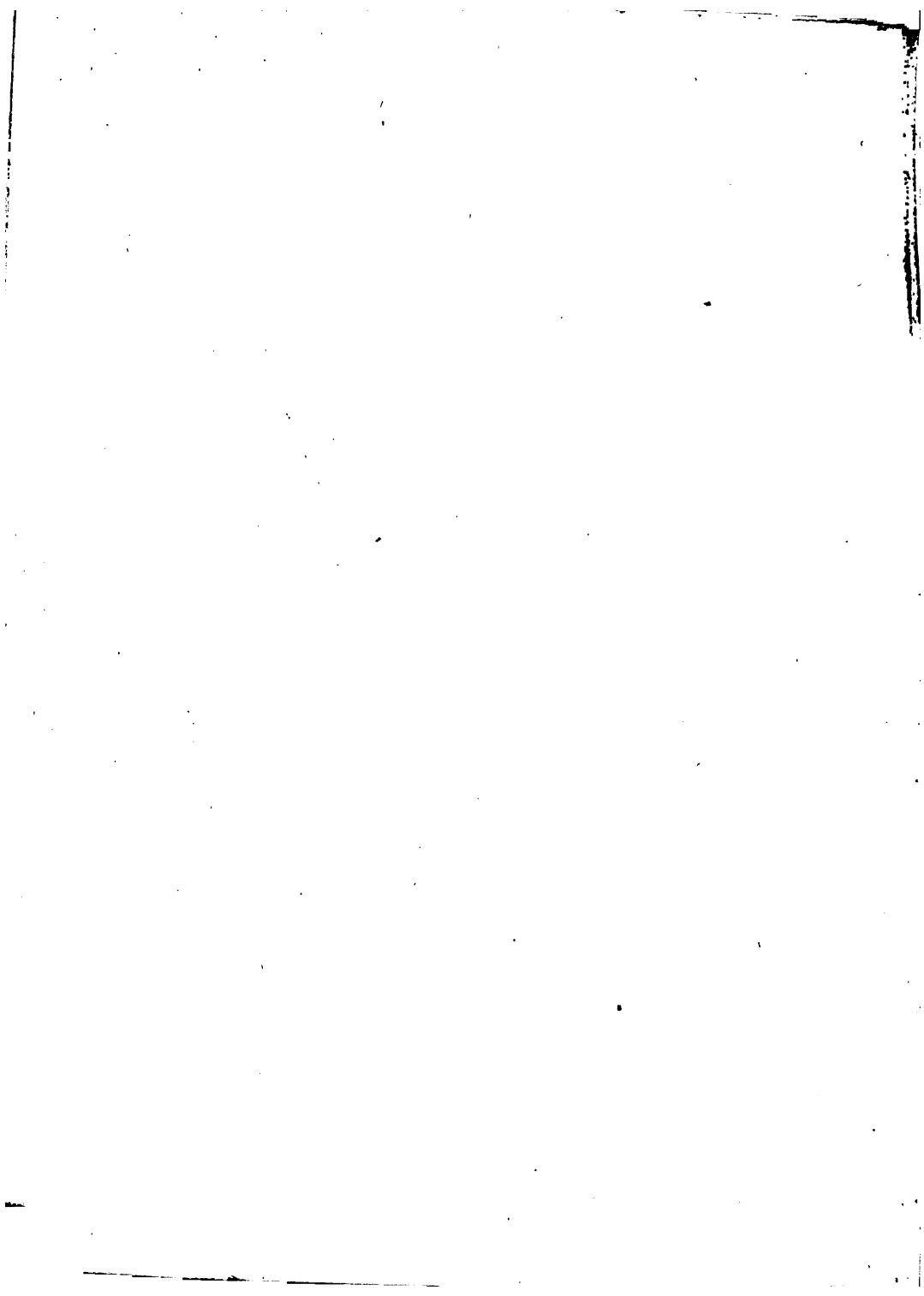
— Да, должно быть, тамъ хорошо,—говорить тетя Мари, пересматривая въ стереоскопъ виды Кавказа, привезенные Вавой.—Какъ это красиво! Чтѣ это такое?

— Это?—говорить Мимочка, наклоняясь къ тетѣ Мари, чтобы посмотреть въ стереоскопъ.—Это „Замокъ Коварства и Любви.“ Это скалы, которыя похожи на замокъ, и такъ называются.

— И дѣйствительно такъ красиво? Ты была тамъ?

— Да, я ѣздила туда верхомъ... Очень красиво. Особенно при лунѣ... c'est féerique.

У М. М. Ледерле—Милліонная. 12, въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича—Васильевскій остр., 5 лин. 28, въ книжныхъ магазинахъ Рибкера, Барбасникова, „Новаго Времени“, Тузова. Цинзерлинга (бывшій Мелле) и др. продаются слѣдующія изданія:

1) „Словушию“. Сборникъ художественныхъ и народныхъ пѣсень, составилъ М. М. Ледерле, съ восьмью рисунками барона М. П. Кюдта. 1891 г. Ц. 80 к., съ пересылкою 1 р., въ красивомъ переплетѣ 1 р. 40 к. Объ этой книгѣ были отличные отзывы въ 1891 г. въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, „Женскомъ Образованіи“, „Нивѣ“, „Новомъ Времени“, „Новостяхъ“, „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“, „Книжномъ Вѣстникѣ“, въ 1892 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, въ „Воспитаніи и Обученіи“, и друг.

2) „Изъ дальнаго прошлаго“. Пять драм. эскизовъ Виктора Острогорскаго. 1891 г. Посвящено ученикамъ и ученицамъ автора. Ц. 80 к., съ пересылкою 1 р.

3) „Этюды о русскихъ писателяхъ“. В. Острогорскаго. П. Н. Г. Помяловскій. 1889 г. Ц. 40 к., съ пер. 60. к.

4) „На жизненномъ перекресткѣ“. А. Д. Хлаповиной. 1891 г. Ц. 80 к., съ пересылкою 1 р. (отзывы въ „Книжномъ Вѣстникѣ“, въ „Новомъ Времени“ и въ „Вѣстникѣ Европы“ 1891 г.).

5) „Кульджа и Тянь-Шань“. Путевыя замѣтки Сергѣя Алфераки, дѣйств. члена Импер. Русск. Геогр. Общ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. (отзывъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1891 г.).

6) **Единобрачіе и Многобрачіе** — Бьёрнстьерне-Бьёрнсона. Призывъ къ сѣверной молодежи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Переводъ съ датскаго П. Г. Ганзена. 1891 г. Ц. 40 к., съ пересылкою 60 к. *Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для фундаментальныхъ бібліотекъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній. Циркуляромъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній рекомендована для приобритенія въ фундаментальныя бібліотеки Военно-Учебныхъ Заведеній* (Отзывы въ „Новомъ Времени“ и въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1891 г. и въ „Воспитаніи и Обученіи“ 1892 г.).

7) **„Марія Шотландская“**. Драма въ 5 д. Бьёрнстьерне-Бьёрнсона. Переводъ съ датскаго П. Г. Ганзена. 1892 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. (отзывъ въ „Книжномъ Вѣстн. 1892 г.).

8) **„Новобрачные“**. Комедія въ 2 д. Бьёрнстьерне-Бьёрнсона. Переводъ съ датскаго П. Г. Ганзена. 1892 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. (отзывъ въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1892 г.).

9) **„Сказки Попугая“**. (для взрослыхъ) Переводъ съ персидскаго А. В. Яворовскаго, съ 29 рисунками И. Н. Порфирова, 22 рисунками М. Е. Малышева и заглавной виньеткой въ краскахъ А. А. Гусевой. 1891 г. Въ красивой папкѣ цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. (отзывъ въ журналѣ „Сѣверъ“ 1891 г. и „Мірѣ Божій“ 1892 г.).

10) **„Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи“**. И. И. Θεовктистова. Цѣна 1 р. 15 к., съ пересылкою 1 р. 35 к. (отзывъ въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1892 г.).

11) **„Богородичные праздники“** въ разсказахъ. Изъ бесѣдъ къ простому народу протоіерея В. Я. Гречулевича. 1890 г. Ц. 10 к., съ пер 15 к. *По опредѣленію Училищнаго Совета при Святѣйшемъ Синодѣ допущено въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ для внѣкласснаго чтенія учащихся.*

12) **„Семья Землемѣра“**. Разсказъ Н. Н. Филиппова.

Ц. 10 к., съ пересылкой 15 к. (отзывы въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1891 г. и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1892 г.).

13) „Житейскіе рассказы“. Н. И. Познякова (Жажущій.—Коротенькій вѣкъ.—Трусъ.—Странички изъ дневника.—Финаль.—Юродивый.—За расчетомъ.—Наслѣдникъ.—Набѣдность.—Къ новой жизни.—Росянка.—Два девиза). Ц. 75 к., съ пересылкой 90 к.

14) „Княжна Мери“. Живописное приложение къ роману М. Ю. Лермонтова, 24 снимка съ рисунковъ художника М. А. Зичи. Ц. 20 р., съ пересылкой 22 р. (отзывъ въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1891 г.).

15) „Обязанности человѣка“. Сильвіо Пелліко. Съ портретомъ факсимиле и биографіей автора. Переводъ Э. М. Зиновьевой. 1892 г. Ц. 50 к., съ пересылкой 60 к. (отзывы въ „Новомъ Времени“, „Мірѣ Божиємъ“, въ журналѣ „Образованіе“ и въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1892 г.).

16—22) „Сердечное Слово“, №№: 1. **Христось Воскресе!** Разсказъ К. А. Лебедева, съ тремя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 5 к., въ папкѣ 15 к. 2. **Никто какъ Богъ.** Разсказъ К. А. Лебедева, съ двумя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 20 к. *Циркуляромъ Главнаго Штаба за № 238—1891 года одобрень къ обращенію въ войскасъ.* 3. **Лѣсникъ.** Разсказъ Н. И. Познякова, съ двумя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 20 к. 4. **Наталья Борисовна Долгоруная.** Разсказъ В. П. Острогорскаго, съ двумя рис. М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 20 к. (отзывы въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ и „Петербургскомъ Листѣ“ 1891 г., „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и въ „Воспитаніи и Обученіи“ 1892 г.). 5. **Трофимъ болящій.** Разсказъ Н. И. Познякова, съ рисункомъ барона М. П. Клодта, и „**Воръ**“. Разсказъ К. А. Лебедева, съ рисункомъ М. Е. Малышева. Цѣна

10 коп., съ перес. 15 к., въ папѣ 20 к. 6. „**Накъ дѣдъ съ французомъ воеваль**“. Разсказъ М. Е. Малышева, съ 2 рисунками автора. Цѣна 3 к., съ перес. 8 к. 7. „**Наткина Дача**“. Разсказъ О. Н. Хмѣлевой, съ 2 рисунками барона М. П. Клодта. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

23) „**Мимочка-невѣста**“ и „**Мимочка на водахъ**“. Очеркъ В. Мивуличъ. 1892 г. На веленовой бумагѣ съ виньеткой барона М. П. Клодта. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

24) „**Накъ уберечься отъ чахотки**“. Ж. Корнэ. Перев. съ нѣмецкаго д-ра Н. Фрейбергъ. 1890 г. Ц. 30 к. съ пер. 40 к.

25) „**Сифилисъ нервной системы**“. Лекціи проф. Gowers'a. 1889 г. Ц. 60 к. съ перес. 70 к.

26) „**Виноградныя станціи, какъ лѣчебные пункты въ нашъ нервный вѣкъ**“. Д-ра С. М. Васильева. Ц. 80 к., съ перес. 90 к.

27) **Почтовая бумага съ видами Петербурга**. 24 листа. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 40 к.

28) **Житіе Зосима и Савватія — преподобныхъ отцовъ Соловецкихъ**. Составилъ Н. Н. Филиповъ. 1892 г. Ц. 3 к., съ перес. 8 к.

29) **Прогулка въ страну чудесъ**. А. П. Кирпотенко. — Съ 21 рисункомъ. *Одобрена для ученическихъ и фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М-ва Народнаго Просвѣщенія.* — Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Приготовляются къ печати:

1. „**Кое-что изъ артистическаго міра**“. Рядъ рисунковъ русскихъ художниковъ (А. І. Шарлеманя, барона М. П. Клодта, М. А. Зичи, В. М. Максимова, М. О. Микѣшина, Н. П. Загорскаго, Г. П. Кондратенко, О. К. Винцмана, К. И. Тихомирова, М. Е. Малышева, М. И. Зоценко, В. А. Боброва, А. И. Лебедева и др.).

2. „**Вѣтреница**“. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго Э. М. Зиновьевой. Съ 4 рисунками въ краскахъ и рядомъ виньетокъ и заставокъ барона М. П. Клодта.

3. „**Моя мама**“. Картинки изъ жизни маленькаго ребенка. И. И. Феоктистова. Съ рисунками.

4. „**Стасина библиотечка**“, вып. I. Составилъ М. М. Ледерле. Разсказы и стихотворенія для маленькихъ дѣтей, съ рисунками и виньеткой въ краскахъ барона М. П. Клодта.

5. **Славянская библиотечка**. Собраніе выдающихся произведеній славянскихъ писателей. 1) *Вячеславъ Новакъ* — Соломонъ. 2) *Георгій Якимичъ*. — На мертвой стражѣ.

6. **Нашему юношеству**. — Разсказы о хорошихъ людяхъ:

- 1) Не отъ міра сего (изъ жизни Елизаветы Кульманъ).
- 2) Джорджъ Вашингтонъ.
- 3) Поэтъ — герой (изъ жизни Теодора Кернера).
- 4) Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ.
- 5) Франклинъ.
- 6) Дѣтство Пушкина.

7) **Кирпотенко**. — Князя растительнаго царства, съ рисунками.

8) **Биологія растений**. — Вступительная лекція въ курсъ ботаники, читанная въ Спб. Университетѣ, Привадъ-доцентомъ В. Н. Аггеевко.

~~~~~  
Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

~~~~~  
Складъ изданій для **Москвы**: при учебномъ магазинѣ „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой, Кузнецкій мостъ, домъ Тверскаго Подворья. Для **Одессы** — при книжномъ магазинѣ Е. П. Распопова, Дерibasовская ул., д. Ведде. Для **Харькова** — при книжномъ складѣ Харьковскаго Губернскаго Земства. Для **Риги** — при книжномъ магазинѣ Н. Киммеля. — Для **Томска и всей Сибири** при книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и В. В. Михайлова въ городѣ Томскѣ.

~~~~~

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ .

(12—15 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ безъ доставки 6 р., съ доставкой и пересылкой въ
Россіи 7 р., за границу 10 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ глав-
ной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25 — 8, кв. 5,
и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ:
въ отдѣленіи конторы—магазинъ учебныхъ пособій „Началь-
ная школа“ *Е. Н. Тихомировой*, Кузнецкій мостъ, и въ
конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.,

продаются слѣдующія книги:

Исторія одного маленькаго челвѣка. Мари-Робертъ Гальтъ, переводъ съ франц. М. Гранстремъ. Изд. иллюстр. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. въ перепл.

Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г. Э. Гранстрема. 2-е изд. иллюстр. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. въ перепл.

Въ дѣбряхъ сѣвера. Сост. по финскимъ народнымъ сказкамъ. Э. Гранстрема. Съ 21 картин. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ перепл.

Снѣжный король. Сцены изъ тридцати-лѣтней войны, по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Съ шведск. Э. Гранстрема. Иллюстр. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к. въ перепл.

Сказки проф. Е. Топелиуса. Перев. со швед. М. Гранстремъ. Изд. 2-е. Иллюстр. Спб. 1887 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Синее знамя. Историческій разсказъ время нашествія Монголовъ. Заимствовано съ франц., съ 65 рис. и картой похода Чингисхана. Цѣна въ перепл. 2 рубля.

Альбомъ цитатъ на память о нашихъ общихъ друзьяхъ. Вып. I и II. Въ коленкоровомъ переплетѣ. Ц. по 1 р. за выпускъ.

Гроза Гимназіи. С. Либровича. Разсказы изъ школьной жизни. 1891 года. Ц. 75 к.

Курскій астрономъ-самоучка. Ф. А. Семеновъ. И. Ремезова. Спб. 1876 г. Ц. 10 к.

Московскій крестьянинъ Иванъ Тихановичъ Посошковъ. И. Ремезова. Спб. 1883 г. Ц. 10 к.

Нижегородскій механикъ-самоучка И. П. Нулибинъ. И. Ремезова. Спб. 1884 г. Ц. 10 к.

Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Федоръ Никифоровичъ Слѣпушинъ. И. Ремезова. Спб. 1884. Ц. 10 к.

Сказаніе о подвигахъ св. Владиміра Равноапостольнаго. И. Ремезова. Изд. 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 10 к.

Сказаніе о подвигахъ св. Александра Невскаго. И. Ремезова. Изд. 3-е. 1874 г. Ц. 10 к.

Чтенія для народа. Съ рисунками. I. Русскіе святые: Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини—христіанки св. Ольги. И. Ремезова. Спб. 1880 г. Ц. 10 к.

II. **Русскіе простолюдины:** Арзамаскій мѣщанинъ иконописецъ. А. В. Ступининъ. И. Ремезова. Спб. 1880 г. Ц. 10 к.

Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ. И. Ремезова. Изд. 4-е. Ц. 10 к.

Родная старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ. В. Сиповскаго. В. I—III. Спб. I вып. Ц. 1 р. 50 к. II и III по 2 р.

Дѣтскій праздникъ. Разказы и стихотворенія. Н. Познякова, иллюстр. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Почитать-бы!.. Разказы и стихотворенія для дѣтей. Н. Познякова. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 75 к. (въ перепл.).

Въ океанѣ звѣздъ. Астрономическая Одиссея. А. Лякилэ. Съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ.

Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, одобренъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всехъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

IX г.   Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ.   1892 г.

Въ журналѣ печатаются: Перечень новыхъ книгъ.—Отзывы о книгахъ.—Книжная хроника.—Rossica.—Указатель отзывовъ періодической печати о книгахъ.—Правительственныя распоряженія и т. п.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою 3 руб. въ годъ.

Контора Редакціи, Спб. Васильевскій Островъ, 9 линія, № 6.

The page contains extremely faint and illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is scattered across the page and cannot be transcribed accurately.

Цена 1 рубль,
съ перес. 1 р. 20 к.